

ИСТОРИЯ ДИМИТРИЯ ЦАРЯ МОСКОВСКАГО И МАРИНЫ МНИШЕКЪ, ДОЧЕРИ СЕНДОМІРСКАГО ВОЕВОДЫ.

Лѣтъ пять тому назадъ, мнѣ случайно привелось видѣть рукописный уставъ XV—XVI вѣка, принадлежавшій Ростовскому Борисоглѣбскому монастырю, что на Устьѣ. На послѣднемъ листѣ этой рукописи находится запись: „Лѣта 7116.... м-ца.... Латинскій попъ Николай усланъ въ пустынь Спасскую“ ¹⁾.

Чтобы точнѣе провѣрить свѣдѣнія, сообщаемыя Костомаровымъ о патерѣ Николаѣ Де-Мелло ²⁾, жившемъ въ ссылкѣ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, я въ 1901 году обращался съ запросомъ къ г-ну Павлу Пирлингу. Онъ подробно отвѣчалъ на мое письмо ³⁾. „Патеръ Николай de Mello“, писалъ онъ, „былъ родовитый Португалець, поступившій въ 1548. г., юношей, въ монахи Августинскаго ордена. Будучи ученикомъ на Филиппинскихъ островахъ, онъ еще въ 1599 году, съ однимъ изъ своихъ учениковъ-Японцемъ, отправился черезъ Персію и Россію въ Римъ, на свою родину. Въ Персіи онъ явился къ шаху Аббасу II, который передалъ ему письма къ папѣ и къ Испанскому королю. Путь былъ очевидно не безъ затрудненій, ибо о. Николай только въ началѣ XVII вѣка добрался до Москвы. Въ древней Русской столицѣ ему однако не посчастливилось. Остановившійся въ домѣ доктора-Итальянца Павла Читadini, о. Николай, по доносу Англичанъ, что онъ окрестилъ въ католическую вѣру новорожденного ребенка, былъ взятъ въ тюрьму, при чемъ при обыскѣ у него отобраны и письма Персидскаго шаха. Изъ Московской тюрьмы о. Николай вмѣстѣ съ Японцемъ, по приказанію Бориса Годунова, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ. При воцареніи Димитрія (самозванца) о. Николай хотя и получилъ полную свободу, но пока онъ ѣхалъ въ Москву Димитрія убили, и новый царь Василій Шуйскій велѣлъ усадъ его въ Борисоглѣбскій Ростовскій монастырь. По словамъ иностранныхъ писателей о. Николаю жилось въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ плохо; его и Японца склоняли къ переходу въ православіе и даже обѣщали архіерејство, но о. Николай отказался. Тогда его стали всячески притѣснять,

¹⁾ Спасская пустынь находилась въ 12 верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря.

²⁾ Hist. Russiae nov., II, 193.

³⁾ Смотри „Русск. Старину“ 1902. Май, стр. 303.

разлучивъ съ ученикомъ-Японцемъ, котораго потомъ и умертвили 30 Ноября 1611 года. Несмотря однако на всѣ строгости заключенія, о. Николай имѣлъ сношенія съ сосланными въ Ростовъ и Ярославль Поляками и даже черезъ одного изъ нихъ, Андрея Стадницкаго, велъ переписку съ жившимъ тогда въ Ярославлѣ селыннымъ Юріемъ Мнишкомъ. Въ этихъ письмахъ о. Николай, жалуясь на свою горькую участь, просилъ принять мѣры къ его освобожденію, присовокупляя, что ему часто приходится голодать по два и по три дня.

Освобожденный въ 1612 году изъ монастыря, благодаря какимъ-то ходатайствамъ Марины и Заруцкаго, онъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ въ Астрахань. Впослѣдствіи, на Медвѣжемъ островѣ, на пути изъ Астрахани на Яикъ, о. Николай былъ схваченъ вмѣстѣ съ Мариною; ему снова предлагали перейти въ православіе, но онъ положительно отказался; тогда „замучивъ немилосердно“, но еще живого, его сожгли на кострѣ. Имя патера Николая Де-Мелло, какъ мученика, занесено въ Португальскую агиологию ¹⁾.

Это сообщеніе Павла Пирлинга еще болѣе усилило мое любопытство. Занимаясь болѣе 25 лѣтъ исторіей Ростовскаго края, я надѣялся найти въ письмахъ о. Николая къ Стадницкому и Мнишку новыя подробности и свѣдѣнія о Ростовѣ и Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

Зная, что часть архива Мнишекъ находится въ Краковскомъ Музее Чарторижскаго, я предпринялъ поѣздку въ Краковъ и, съ рекомендательными письмами Павла Пирлинга, обратился къ завѣдывающему Музеемъ доктору Соколовскому съ просьбою указать на письма Стадницкаго. Докторъ Соколовскій не только любезно изъявилъ свою готовность содѣйствовать лично, но и рекомендовалъ мнѣ одного соотечественника, хорошо знакомаго съ музейскими рукописями. Писемъ Де-Мелло пока не нашлось, но для меня была списана часть дневника Мартына Стадницкаго ²⁾, вошедшаго въ музейскую рукопись № 1369 съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Historya Dimitra Zaga Moskiewskiego u Marini Mniszkowney wojewodzanki Sandomirskiej, Carowoy Moskiewskiej, wielce ciekaawa, przez I. K. D. R. K. przepisana r. P. 1774.*

Такимъ образомъ главная цѣль моей поѣздки не была достигнута; но, просматривая полученную мною рукопись, я считаю свой трудъ вознагражденнымъ. Дневникъ Мартына Стадницкаго подробно изображаетъ одну изъ наиболѣе темныхъ эпохъ Русской исторіи. Правда, онъ писанъ патриотомъ-Полякомъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ тогдашнихъ событіяхъ, слѣдовательно лицомъ небезпристрастнымъ; но, предлагая просвѣщенному вни-

¹⁾ У Костомарова въ „Вѣстникъ Европы“ (1866 г. кн. III, стр. 97) дѣло изложено нѣсколько иначе. По его словамъ о. Николай, по ходатайству сына Индійскаго раджи, пріѣхавшаго съ нимъ въ Россію и оставшагося въ Москвѣ, былъ освобожденъ Шуйскими изъ заточенія и возвращенъ въ Москву, но тамъ вскорѣ умеръ и погребенъ, а бывший его спутникъ выѣхалъ въ Польшу. Однако въ Актахъ Историческихъ (т. III, стр. 33) значится, что Мариинку съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго *да чернеца Николая* на Яикъ на Медвѣжемъ островѣ поймали и привели ихъ въ Астрахань 6 Юля (1614 г.).

²⁾ Дневникъ Мартына Стадницкаго въ Русскомъ переводѣ напечатанъ не былъ.

манію любителей Русской исторіи эти записки, я руковожусь древнимъ правиломъ „audiatur et altera pars“. Только этимъ путемъ можетъ быть возстановлена историческая правда во всей полнотѣ. Хотя большинство описываемыхъ событій и указано въ исторической печати, но здѣсь находится немало такихъ подробностей, которыя или были оглашены вкратцѣ или совсѣмъ неизвѣстны, напримѣръ, перечень подарковъ сыну Сендомірскаго воеводы, дневникъ послѣдовательнаго путешествія Мнишка въ Москву съ Мариною и Аванасіемъ Власьевымъ и т. д., а главное, самый дневникъ Мартына Стадницкаго, дворецкаго царицы Марины, переписанный съ рукописи по длинной и неизвѣстной въ исторической печати.

Переводъ съ этой Польской рукописи, сдѣланный при сотрудничествѣ г-жи Яворской, помѣщая здѣсь полностью, надѣясь, что Дневникъ Стадницкаго будетъ нелишнимъ для всесторонняго освѣщенія вопроса о таинственной личности Димитрія царя Московскаго.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1906, Января 10.

Исторія Димитрія царя Московскаго и Марины Мнишекъ, дочери Сендомірскаго воеводы, царицы Московской.

Часть I.

По случаю бракосочетанія дочери Сендомірскаго воеводы съ Московскимъ царемъ, Поляки до того снискали расположеніе всей Московской монархіи, что сама Москва потребовала Польскаго королевича Владислава и избрала его въ цари. Объ этомъ исторія повѣствуетъ слѣдующее. Иванъ Васильевичъ, царь Московскій, необыкновенно жестокой тиранъ, умеръ 28 Марта 1584 года самою жалкою смертью: его внутренности сгнили, а тѣло съ невыносимымъ зловоніемъ отдѣлилось отъ костей. До сихъ поръ еще Москва не можетъ безъ ужаса и отвращенія вспомнить о его жестокостяхъ и провала его царемъ Иваномъ Грознымъ. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Феодора и Димитрія, а Ивана, старшаго своего сына, онъ убилъ, ударивъ палкою по головѣ. Поэтому послѣ смерти отца на престолъ вступилъ Феодоръ. Не отличаясь властнымъ характеромъ и господскими замашками, а скорѣе женственный по природѣ, онъ велъ самый скромный образъ жизни и не управлялъ государствомъ. Феодоръ больше ходилъ по монастырямъ и бесѣдовалъ съ чернецами: ему приличнѣе было бы заниматься книгой или прялкой, нежели быть скиptronосцемъ.

Не будучи въ состояніи управлять государствомъ, онъ взялъ себѣ въ помощь Бориса Годунова, на родной сестрѣ котораго былъ женатъ. Этого Бориса, человѣка хитраго, ловкаго, обманщика и сущаго измѣн-

ника всему царскому дому, онъ сдѣлалъ первымъ министромъ, канцлеромъ и правителемъ государства. Борисъ Годуновъ управлялъ царскимъ дворомъ по своему личному усмотрѣнiю, распоряжался какъ полный хозяинъ въ государствѣ и посылалъ приказы по войскамъ. Всѣ Московскiя сословія настолько повиновались его грамотамъ и указамъ, что царь Θεодоръ только назывался именемъ царя; Борисъ же подъ видомъ перваго министра правилъ какъ намѣстникъ, и въ сущности былъ самодержцемъ онъ, а не царь Θεодоръ. Видя, что у царя Θεодора не предвидится иного наслѣдника, кромѣ Димитрія, младшаго царскаго брата, Борисъ сталъ помышлять о томъ, чтобы стереть съ лица земли Димитрія, а потомъ и царя, и самому овладѣть Московскимъ престоломъ, что и случилось. Димитрій остался послѣ отца своего, Ивана Васильевича 9 лѣтнимъ сиротой. Онъ получилъ отъ брата своего Θεодора, въ то время царя Московскаго, Угличское княжество въ удѣлъ; Борисъ же, задумавъ погубить молодого Димитрія, подговорилъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ убить его.

При царевичѣ Димитріи находился врачъ-Итальянецъ, который, узнавъ объ измѣнѣ, постарался воспрепятствовать коварнымъ замысламъ Бориса: онъ взялъ въ комнаты къ царевичу другого, похожаго на него мальчика, которому приказалъ постоянно находиться съ царевичемъ, даже спать на одной съ нимъ кровати; и какъ только мальчикъ этотъ засыпалъ, врачъ переносилъ царевича Димитрія на другую кровать и въ другую комнату, никому не говоря объ этомъ. Такъ поступалъ онъ долгое время. Когда же измѣнники, подосланные Борисомъ, должны были исполнить свое предпріятіе, они ворвались въ комнату, гдѣ по ихъ мнѣнiю спалъ царевичъ, и убили того мальчика вмѣсто царевича Димитрія, а трупъ унесли. Въ Угличѣ поднялось смятеніе по поводу убіенiя царевича, и сейчасъ же послали въ погоню за измѣнниками, при чемъ нѣкоторыхъ убили, а трупъ у нихъ отняли. Врачъ-Итальянецъ послѣ этого случая убѣдился въ могуществомъ Бориса. Видя, что царевичу Димитрію не избѣжать измѣннической смерти и не надѣясь на защиту отъ царя, отъ взялъ Димитрія, ушелъ съ нимъ къ Ледовитому морю и воспитывалъ его тамъ какъ своего слугу до самой своей смерти. Видя же приближеніе смерти, врачъ этотъ посоветовалъ Димитрію, никому не говоря о своемъ происхожденiи, сдѣлаться чернецомъ до времени достиженiя болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Димитрій поступилъ согласно совѣту врача-Итальянца и сталъ жить по монастырямъ; Борисъ же, желая скрыть убійство Димитрія, умертвилъ подосланныхъ убійцъ, а царя обманулъ, сказавъ, что царевичъ Димитрій умеръ въ сильномъ припадкѣ падучей болѣзни, самъ наткнувшись на ножъ. Когда же царь Θεодоръ пожелалъ привезти останки Димитрія, что-

бы по-царски погребсти ихъ, Борисъ воспрепятствовалъ этому намѣренію царя, увѣряя, что въ Угличскомъ княжествѣ появилась заразная болѣзнь. Такъ его тамъ же и схоронили. Вскорѣ Борисъ отравилъ и самого царя и овладѣлъ всѣмъ государствомъ.

Когда царевичъ Димитрій, живя чернецомъ въ одномъ изъ сѣверныхъ монастырей, достигъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, отъ отправился въ другой монастырь, ближе къ столицѣ, потомъ въ третій, еще поближе; наконецъ пришелъ въ самую столицу и сталъ даже бывать въ комнатахъ у Бориса. Но, опасаясь за свою жизнь въ томъ случаѣ, если его узнѣютъ, онъ отправился въ сторону, къ Польшѣ. Скитаясь возлѣ Кіева, онъ присталъ гдѣ-то къ какому-то шляхтичу Гойскому; долгое время училъ у него дѣтей, затѣмъ пошелъ въ Брагинъ, мѣстечко, принадлежавшее князю Адаму Вишневецкому, гдѣ потомъ и открылъ себя впервыя гуменному (такъ зовутъ старшаго надъ чернецами), а гуменный рассказалъ о немъ князю Адаму.

Итакъ, въ то время, когда Борисъ Годуновъ полагалъ, что можетъ спокойно владѣть захваченнымъ Московскимъ государствомъ и вполне наслаждается счастьемъ, не опасаясь никакой власти, которая могла бы свергнуть его съ престола, вдругъ встаетъ изъ могилы погребенный Димитрій, кровью котораго Борисъ обогрилъ свою порфиру, чтобы владствовать.

Но этотъ Димитрій (оказался поддѣльный) обманщикъ и плутъ, не тотъ, отцомъ котораго былъ царь Иванъ Васильевичъ. Онъ смѣло выдавалъ себя за царевича, такъ какъ въ обманѣ ему помогала красота, величавость, сходство лица съ убитымъ царевичемъ и, кромѣ того нѣкоторые знаки на тѣлѣ, подобно, какъ у царевича, рѣшительность въ рѣчахъ, важность въ походкѣ и княжеское достоинство въ движеніяхъ. Вотъ этотъ-то Димитрій, благодаря такой княжеской внѣшности, выдавалъ себя передъ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ за царевича и преемника наслѣдственнаго отцова и брата престола, своевольно захваченнаго Борисомъ; самъ же онъ спасся отъ смерти, благодаря заботамъ и попеченію своего врача. Онъ подтверждалъ также подлинность своего рожденія, обнажая руку, на которой было изображеніе Московскаго орла, и показывалъ алмазный крестъ, надѣтый на него при крещеніи (Москва же утверждала, что изображеніе орла на тѣлѣ Димитрія служило доказательствомъ перенесеннаго имъ наказанія батогами и кнутомъ).

Вслѣдствіе столь очевидныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ, князь Адамъ призналъ въ его лицѣ истиннаго царевича Димитрія и наслѣдника Московскаго государства. Облачивъ Димитрія въ княжескія одежды, онъ отправилъ его къ князю Константину Вишневецкому, а

князь Конст. Вишневецкій привезъ его къ Юрію Мнишку, Сеподірскому воеводѣ; воевода же въ 1604 г. представилъ Димитрія королю Сигизмунду III, который ему оказалъ царскій приемъ. Онъ въ свою очередь присвоилъ себѣ царскіе обычаи и важность для достиженія Московскаго престола.

Чтобы привести въ исполненіе свои замыслы, Димитрій заключаетъ договоръ съ Сеподірскимъ воеводой (обладавшимъ значительными средствами), обязуясь взять его дочь себѣ въ супруги и соправительницы Московской державы, если воевода совѣтами, деньгами, оружіемъ и людьми поможетъ ему вступить на наслѣдственный престолъ. Воевода принялъ эти предложенія Димитрія и далъ ему шесть тысячъ воиновъ. Воеводѣ пришли на помощь и его родственники, выставивъ отряды новобранцевъ на подмогу и къ услугамъ Димитрія, какъ наслѣдника Московскаго престола.

Димитрій внезапно врывается съ Польскими войсками въ предѣлы Московскаго государства, объявляетъ Московскимъ думнымъ боярамъ, что онъ избавился отъ смерти, благодаря особой милости Всемогущаго Провидѣнія и до сихъ поръ для безопасности скрывался; освѣдомляетъ все государство о томъ, что Димитрій, истинный наслѣдникъ престола и Московской монархіи, живъ, что онъ идетъ съ войскомъ избавить и освободить свой народъ отъ тираніи притѣснителя и наглаго самозванца, убійцы царской семьи—Бориса Годунова: итакъ, пусть вѣрный народъ приметъ своего наслѣдника, пусть сплотится и прильнетъ къ милостивому царю и дружно поможетъ погубить тирана государства, убійцу царской семьи, самозванца Бориса.

Когда распространилась такая молва о Димитріи, Москва повѣрила. Пограничные города и крѣпости сдавались Димитрію, отчасти изъ боязни, отчасти по доброй волѣ. Россія собирались по частямъ бить челомъ своему новому царю. Уже и въ столицѣ тайныя сборища людей признавали Димитрія истиннымъ царемъ.

Царь Борисъ, встревоженный столь внезапнымъ мятежемъ, тотчасъ же высылаетъ своего родного брата, Ивана Годунова, съ войскомъ въ 60,000 противъ возставшаго изъ мертвыхъ Димитрія, даетъ ему въ совѣтники Василя Мстиславскаго и Ивана Шуйскаго, думныхъ бояръ. Идетъ князь Иванъ на врага, встрѣчается съ Димитріемъ. Противники сталкиваются; нѣсколько тысячъ Поляковъ даютъ храбрый отпоръ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ Москвичей. Тысяча копьеносцевъ или гусаръ атакуетъ непріятеля, оставляя большіе пробѣды во вражескихъ войскахъ и гнетъ ихъ, при чемъ Польская пѣхота неустанно помогаетъ огнемъ выстрѣловъ. Легкая конница приходитъ въ помощь саблями, устилая трупами Русскія поля. Сгнавъ непріятеля съ позиціи

и вознесши побѣдоносныя знамена и знаки, они идутъ дальше, къ столицѣ.

Когда военное счастье улыбнулось Димитрію, Русскій народъ воздалъ хвалу неисповѣдимымъ путямъ Господа, и 16 Юня 1605 г. Димитрій признанъ Московскимъ царемъ.

Къ тому же смерть Царя Бориса облегчила Димитрію вступленіе на престолъ: ибо, узнавъ о пораженіи своего войска, о побѣдѣ Димитрія надъ нимъ и о признаніи Москвою Димитрія наследникомъ престола, Борисъ впалъ въ сильную задумчивость и на третій день скончался въ припадкѣ падучей. Но иные утверждаютъ, что онъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему приверженцами Димитрія. Послѣ смерти Бориса войско и весь обозъ перешли на сторону Димитрія.

Петрило Басманъ, думный дьякъ и великій воинъ, съ пятью полками направился къ Димитрію. А когда Димитрій подошелъ къ столицѣ, изъ города навстрѣчу ему вышли именитѣйшіе князья: Мстиславскіе, Шуйскіе, Голицыны и присягнули ему, какъ вѣрные подданные; то же сдѣлало и Московское войско. Выразивъ свои вѣрноподданническія чувства, они привѣтствовали Димитрія какъ великаго князя и царя Московскаго и торжественно ввели его въ городъ. Когда же князья Шуйскіе тайно составили заговоръ противъ Димитрія, то чернь Московская, стоя за Димитрія, отдала во власть царя Димитрія скованныхъ князей Шуйскихъ, которыхъ царь помиловалъ, благодаря ходатайству Польскихъ вельможъ. Друзей же и родственниковъ покойнаго царя Бориса чернь вырѣзала и убила; женѣ Бориса разбили затылокъ, сына его и брата убили. Печальный конецъ семьи Бориса долженъ служить примѣромъ того, что государство, измѣннически захваченное у наследниковъ, недолго можетъ утѣшать измѣнниковъ.

Дневникъ Мартына Стадницкаго о посольствѣ отъ Димитрія, царя Московскаго, ищущаго благосклонности дѣвицы Мнишежъ, дочери Сендомірскаго воеводы.

Содержащій также вѣнчаніе, церемоніи, подарки и свадебное торжество. Все путешествіе изъ Польши въ столицу. Въ самой столицѣ торжественное прибытіе молодой царицы. Вѣнчальные обряды и церковныя службы. Свадебныя празднества, угощенія, приемы. Въ заключеніе—мятежъ, смятеніе въ Москвѣ и убіеніе Димитрія, царя Московскаго. Записанный тѣми лицами, которыя были свидѣтелями всѣхъ этихъ происшествій, находясь въ то время въ столицѣ, заимствованный и переписанный съ подлинной рукописи *Мартына Стадницкаго*.

*

Благосклонная фортуна уже возвела Дмитрія на высочайшую ступень Московской монархіи! Вотъ онъ уже, подкрѣпленный Польскимъ, Литовскимъ, Московскимъ и казачьимъ имуществомъ, приступаетъ къ коронаціи, которой не хочетъ совершить безъ своей матери. Онъ послалъ за нею. Когда она приближалась къ столицѣ, царь Дмитрій выѣхалъ ей навстрѣчу и на разстояніи полумили пути шелъ пѣшкомъ со всей свитой; и во дворецъ онъ сопровождалъ ее также пѣшкомъ, опираясь на стремя и на карету. Хотя царица отлично знала, что ея сына убили, она все же признала ложнаго Дмитрія сыномъ, отчасти изъ страха, отчасти ради большихъ почестей, оказываемыхъ ей царемъ Дмитріемъ.

Коронованный 31 Іюля 1605, царь Дмитрій исполняетъ обѣщаніе, данное Сендомірскому воеводѣ, и шлетъ къ нему посла.

Уже будучи полнымъ властелиномъ и монархомъ, Дмитрій захотѣлъ отблагодарить Сендомірскаго воеводу и сдержать данное ему слово: сочетаться св. бракомъ съ его дочерью Мариной. По этому поводу великій посолъ Аѳанасій Власевъ прибылъ въ Краковъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ конныхъ, 9-го Ноября 1605 г. Ему навстрѣчу выѣхали королевскій дворъ и многіе другіе. Воевода принялъ его въ свой домъ; посолъ же Аѳанасій вручилъ воеводѣ подарки, присланные царемъ Дмитріемъ.

Подарки отъ царя воеводѣ.

1. Полушубокъ изъ черной лисицы съ воротникомъ и сошникъ.
2. Золотую чашу, украшенную жемчугомъ и дорогими камнями.
3. Золотую булавку, украшенную драгоценными камнями.
4. Чубараго коня съ сѣдломъ, чепракомъ и сбрую, усѣянную по золоту драгоценными камнями.
5. Золотыя возжи.
6. Цѣпь на палець.
7. Часы съ золотой цѣпью.
8. Два ножа: одинъ, украшенный алмазами, а другой - янычаръ, разными камнями.
9. Нѣсколько Персидскихъ ковровъ съ золотомъ.
10. Лучшихъ соболей, шесть сороковъ и соболя живого.
11. Трехъ гречетовъ съ золотыми колокольчиками.
12. Въ придачу пятьсотъ тысячъ Московскихъ рублей, въ награду за понесенные убытки для сохраненія престола за царемъ.

14 Ноября. Посоль, на открытомъ приѣмѣ у короля, засвидѣтельствовалъ послѣднему дружбу своего государя, который желаетъ постоянного обоюднаго согласія и обѣщаетъ отражать нашествія враговъ обѣихъ державъ. Затѣмъ онъ вручилъ письмо отъ царя. Послѣ отвѣта посольства, посоль и его сынъ вручили подарки королю.

1. Двѣнадцать сороковъ соболей. Черныхъ лисицъ восемь сороковъ.
2. Перстень съ алмазомъ.
3. Лукъ съ золотымъ колчаномъ и со стрѣлами.
4. Ногайскій конь подъ сѣдломъ, другой подъ Персидской попоной, третій подъ бархатной.

Послѣ врученія подарковъ Аванасія отвели въ приготовленное помѣщеніе.

15 Ноября. Воевода великолѣпно угощалъ всѣхъ Москвичей, кромѣ посла, который въ этотъ день былъ боленъ.

18 Ноября. Посоль снова былъ во дворцѣ и при чтеніи писемъ открылъ главную цѣль своего пріѣзда, состоящую въ томъ, чтобы склонить короля, воеводу и его дочь къ согласію на немедленное вѣнчаніе съ царемъ Марины и на пріѣздъ ея къ царю въ столицу. Согласіе на это онъ получилъ.

19 Ноября. Дочь воеводы привезли въ Краковъ. Бракосочетаніе царя Дмитрія съ дѣвицей Мариной Мишекъ, дочерью Сендомірскаго воеводы, въ присутствіи короля Сигизмунда, черезъ посредничество царскаго уполномоченнаго въ Краковъ, состоялось 22 Ноября 1605 г.

Кардиналь Маціевскій, епископъ Краковскій, пріѣхалъ съ нунціемъ въ домъ пана Фирлея и нашелъ тамъ прекрасно и нарядно убранный алтарь. Московскій посоль въ сопровожденіи двухсотъ копьеносцевъ и въ богатой одеждѣ подѣхалъ къ дому Ментополини, а король съ королевичемъ Владиславомъ и съ Анной, королевой Шведской (родной своей сестрой) подѣхалъ къ дому Сендомірскаго воеводы. Стѣны въ этихъ домахъ были пробиты для сообщенія большаго простора. Король вошелъ въ покои, предназначенные для вѣнчанія. Посоль, тоже войдя въ тотъ покой, гдѣ былъ алтарь, билъ челомъ королю. Король сидѣлъ и шапки не снималъ. Кардиналь въ епископскомъ облаченіи и въ сопровожденіи духовенства вошелъ въ вѣнчальный покой. Московскій посоль подошелъ и облобызалъ руку короля; его примѣру послѣдовала и его свита. Королевичъ Владиславъ передъ каждымъ снималъ шапку. Тутъ воеводы Ленчицкій и Смоленскій привели въ вѣнчальный покой молодую въ богатомъ нарядѣ и вѣнцѣ, отъ котораго по косамъ спускались жемчужины и драгоценные камни. Сейчасъ же къ ней подошла королева Шведская со своими придворными дамами. Передъ

вънчаниемъ посоль пронзесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что прибылъ сюда для этого вънчальнаго акта.

Великій канцлеръ Литовскій прекрасно отвѣчалъ послу: сперва онъ восхвалялъ царя, величая его соответствующими титулами, прославлялъ благодарность царя въ отношеніи къ Сендомірскому воеводѣ, хвалилъ молодую за знатность происхожденія, за воспитаніе, за таланты, за добродѣтели, присуція дочери великаго короннаго сенатора и истинной Польской дамѣ, одаренной отъ природы умомъ и красотой. Желая выразить похвалу Польскому народу, онъ присовокушилъ, что монархамъ не впервые приходится сочетаться бракомъ съ Польскими дамами: вѣдь Московскій царь Василій былъ женатъ на Польской шляхтянкѣ Глинской, Августъ Первый, король Польскій, женился на Польской дамѣ, дочери Радзивила; «да и эта Польская дама, которую ты видишь передъ собой, пане посоль, достойна королевскаго ложа». Затѣмъ онъ поздравилъ царя по случаю его дружбы съ королемъ и Польшей, а также по поводу вступленія его въ родство со знатными Польскими фамиліями.

По окончаніи рѣчи подошли два царскихъ прислужника и разоглали шелковый коверъ, на который встали молодая и посоль. Кардиналъ запѣлъ *Veni Creator*. Капелла пѣла и играла. Король преклонилъ колѣни, за нимъ всѣ остальные. По окончаніи *Veni Creator* кардиналъ обратился къ Московскому послу и сказалъ: Согласно обряду Римско-католической церкви, повторай за мной, посоль: «Я, Димитрій, царь и т. д.». Посоль пронзосилъ хорошо и клялся въ вѣрности молодой отъ имени царя. Молодая клялась въ вѣрности царю. Когда дѣло коснулось перстней, посоль вынулъ изъ шкатулки большой перстень съ алмазомъ, величиною съ вишню, заостреннымъ къ верху, большой цѣнности. Онъ передалъ перстень кардиналу, а тотъ надѣлъ его на палець молодой, по просьбѣ посла. Когда кардиналъ хотѣлъ связать епитрахилью руки, посоль взялъ бѣлый платочекъ у супруги Смоленскаго воеводы и обернулъ имъ руку, чтобы не касаться обнаженной дѣвичьей руки. Принявъ же перстень отъ молодой, онъ не надѣлъ его на палець, а спряталъ въ ларчикъ. По окончаніи вънчальнаго обряда капеланъ кардинала взялъ шелковый коверъ, но посоль выкупилъ его за сто червонцевъ. Во время вънчанія король стоялъ по правую руку отъ кардинала.

Царицу повели въ столовую; за ней послѣдовали королевна Шведская и посоль. Они встали подъ балдахиномъ. Король сѣлъ посреди на престолъ, царица по правую руку, а королевна Шведская по лѣвую.

Подарки отъ царя молодой были слѣдующіе:

1. Икона Пресв. Троицы, писанная по-русски на золотой бляхѣ и украшенная дорогими камнями.

2. Драгоценный камень Нептунусъ, оцѣненный въ 60.000.

3. Золотое съ рубинами перо, на которомъ висѣли три очень большія и очень цѣнныя жемчужины.

4. Чаша изъ чистаго золота, украшенная рубинами и алмазами, вмѣсто бокала. Золотой ящикъ, съ жемчужнымъ ожерельемъ.

5. Пелликанъ изъ чистаго золота, у него на груди большой рубинъ.

6. Ларецъ изъ чернаго дерева, довольно большой, края позолочены, украшены дорогими камнями, на верху по угламъ серебряные трубачи трубятъ въ трубы, серебряный барабанчикъ бьетъ въ барабанъ; среди этихъ лицъ слонъ, на слонѣ башня, на башнѣ золотые часы. Серебряные предметы выдѣлялись на черномъ деревѣ, напр. трубачи, барабанчикъ, башня, слонъ; трубачи и барабанчикъ играли, когда часы били.

7. Богиня Діана на золотомъ оленѣ; послѣдній вышиною съ локоть съ кораловыми рогами, украшенными многими и различными драгоценными камнями.

8. Павлинъ изъ чистаго золота съ роскошнымъ хвостомъ, украшеннымъ финифтью натурального павлиньяго цвѣта, наслажденіе для глазъ.

9. Золотой корабль, стоимостью въ 100.000.

10. Нѣсколько жемчужинъ, величиною въ мушкатный орѣшекъ; еще нѣсколько жемчужныхъ нитей, все вѣсомъ въ 4018 лотовъ.

11. Четыре сорока лучшихъ соболей.

12. Тканой парчи и головныхъ уборовъ 18 штукъ. Наконецъ, четыре нитки восточнаго жемчуга, бѣлаго, какъ молоко, величиною съ горошину, круглago, словно точенаго; одна нить была такъ велика, что тяжело было поднять ее.

Подарки принимала супруга Безжакаго воеводы. Благодарилъ каштелянъ Матогоскій. Подношенія происходили передъ обѣдомъ. За обѣденнымъ столомъ по правую руку посадили царицу; когда она садилась, король привсталъ и снялъ шапку. По лѣвую—возгъ короля, съла королевна Шведская. Король былъ посреди. Возгъ царицы сълъ королевичъ Владиславъ, возгъ королевны Шведской—кардиналъ, возгъ королевича—папскій нунцій, возгъ кардинала—Московскій посолъ, и возгъ нунція—Сендомирскій воевода. Его супруга отсутствовала по болѣзни. Королю подали воду съ тазомъ и лейкой; пока король умывался, всѣ встали; потомъ подавали воду царицѣ и королевнѣ, которыя умывались сидя. Королевичу, кардиналу и нунцію также подали другую лейку съ широкимъ полотенцемъ; и подали послу, но онъ не хотѣлъ умываться.

Кушанья на столъ подавали придворные короля и Сендомирскаго воеводы. Передъ королемъ, царицей и королевой поставили золотыя тарелки и положили серебряные ножи. У королевскаго стола находились два кравчихъ; одинъ королевскій, а другой, воеводы. Московскій посолъ не хотѣлъ садиться за тотъ столъ, гдѣ сидѣла царица, считая себя недостойнымъ и опасаясь царскаго гнѣва; Сендомірскій воевода съ трудомъ уговорилъ его.

Король, обратившись къ царицѣ, поднялъ кубокъ, всталъ, снялъ шапку и провозгласилъ здравіе царя и царицы. Королева также отравила своего виночерпія къ царицѣ, говоря, что она пьетъ за здравіе царя и царицы. Пока виночерпій говорилъ, царица сидѣла; когда же онъ умолкъ, царица и королева встали и низко поклонились другъ дружкѣ, но царица—ниже. Затѣмъ царица обратилась къ послу и провозгласила здравіе царя. Посолъ всталъ и пилъ изъ другого кубка за здравіе царя, считая себя недостойнымъ пить изъ кубка царицы. Затѣмъ посолъ передалъ кубокъ кардиналу-королевичу, королевичъ-нунцію, а нунцій-Сендомірскому воеводѣ. Все это время не прекращалась пальба изъ орудій.

Въ томъ же покоѣ, гдѣ сидѣлъ король, стоялъ справа, пониже, еще одинъ столъ для епископовъ—Куявскаго, Пшемьскаго и Холмскаго, для великаго канцлера Литовскаго и прочихъ сенаторовъ. Слева былъ столъ, за которымъ сидѣлъ сынъ Московскаго посла, 24 Московскихъ боярина и дьяка, королевскіе служащіе и придворные. Въ смежномъ покоѣ помѣщались королевскія и царскія придворныя дамы, коронный надворный распорядитель, генералы, кавалеры и офицеры. У того стола, гдѣ сидѣлъ сынъ посла и московскіе бояре, виночерпіемъ былъ Боболо, Варецкій староста.

Во время десерта посолъ вручилъ королю въ подарокъ шесть золотыхъ бокаловъ; царицѣ—шитый золотомъ коверъ и сорокъ соболей; королевнѣ—золотой розливальникъ и кубокъ; королевичу—четыре небольшихъ золотыхъ кубка.

По окончаніи стола король всталъ, распорядители очистили ему мѣсто, и онъ пошелъ съ царицей танцовать. При его особѣ состояли: Литовскій канцлеръ и Литовскій маршалъ, Сендомірскій и Ленчицкій воеводы, каштелянъ Гнѣздинъ и надворный распорядитель. Когда король кончилъ танцовать, его смѣнилъ королевичъ. При немъ состояли: Сендомірскій воевода и сенаторы. Затѣмъ танцовали дамы и кавалеры, а царица и королева сѣли на свои мѣста.

Сендомірскій воевода, подойдя къ королю, сказалъ своей дочери: «Марина, поклонись его королевскому величеству въ ноги и благодари за благодѣянія».

Когда царица кланялась королю въ ноги, онъ снялъ шапку, поднялъ царицу, поздравилъ ее по случаю столь именитаго брака и чести, выпавшей на ея долю; совѣтовалъ ей склонять Богомъ даннаго сущруга къ любви и дружбѣ съ сосѣдкой-Польшей для счастья ея родины: если предшествовающіе цари соблюдали сосѣдскую дружбу съ Польскимъ королевствомъ, то такую связь теперь слѣдуетъ еще ревнивѣе оберегать въ силу родства. Король убѣждалъ ее не забывать родины, гдѣ она воспиталась, и гдѣ живутъ ея родители, братья, сестры и родственники; совѣтовалъ ей склонять мужа къ проявленію благодарности за благодѣянія и помощь, полученную имъ отъ Польши и отъ ея отца для отвоеванія родного наслѣдія; наконецъ, совѣтовалъ жить въ страхѣ Божьемъ и въ почитаніи отца съ матерью. Она и отецъ ея поклонились королю въ ноги и заплакали. И посолъ Московскій слушалъ эту бесѣду. Король снялъ шапку, простился съ ними и уѣхалъ во дворецъ. Было уже за полночь.

Королевы Польской здѣсь не было, вслѣдствіе вдовства короля. Царица, поклонившись королевнѣ Шведской и королевичу Владиславу, въ сопровожденіи двухъ сенаторовъ ушла въ покои къ своей матери. Московскаго посла Сендомірскаго воевода повелъ къ каретѣ, а друзья воеводы отвезли его домой.

Послу очень понравилась такая учтивость, но его свита была недовольна, потому что проказники отрѣзали у нихъ отъ поясовъ дорогіе ножи и унесли шапки, или кучмы, изъ мѣха черныхъ лисицъ и шитыя жемчугомъ скуфьи, пользуясь тѣмъ, что тѣ напились до-пьяна и еще во время стола неряшливо хватали пищу руками прямо изъ блюдъ. Когда же они жаловались на такое воровство, посолъ Аеанасій велѣлъ имъ молчать. Такимъ образомъ пиръ окончился спокойно, и на другой день гонецъ Липницкій, узнавъ о результатахъ переговоровъ, поспѣшилъ съ извѣстіями къ Царю.

24-го Ноября посолъ Аеанасій посѣтилъ дочь воеводы, какъ свою царицу и повелительницу. Въ тотъ же день посолъ передалъ слѣдующія подарки сыну Сендомірскаго воеводы, Саноцкому старостѣ:

1. Саблю и наручи въ золотой оправѣ съ дорогими камнями.
2. Золотую чашу, украшенную дорогими камнями.
3. Сорокъ пять соболей.
4. Черныхъ лисицъ три сорока.
5. Кречета съ золотымъ колокольчикомъ,

Посолъ вручилъ также супругѣ Сендомірскаго воеводы и супругѣ хорунжаго, Царицыной бабушкѣ, соболей и жемчугъ.

3-го Декабря царица выѣхала изъ Кракова въ Промникъ. Ее сопровождали отецъ, мать и посолъ со всѣми находившимися здѣсь Москви-

чами и многими другими лицами при большомъ стеченіи народа. Послѣ проводовъ посолъ и воевода возвратились въ Краковъ на свадьбу короля. Въ тотъ же день къ послу прибылъ его гонецъ съ подарками отъ царя, которые посолъ и вручилъ 12-го Декабря.

Это были канокъ съ драгоцѣннымъ камнемъ и часы.

Воевода съ своей стороны вручилъ также королю свои подарки; четыре бокала изъ чистаго золота и часы, полученные имъ въ подарокъ отъ царя.

18-го Декабря посолъ уѣхалъ изъ Кракова, а воевода съ супругой и царицей остались въ Промникѣ.

3-го Января 1606 г. царь прислалъ въ Краковъ воеводѣ 300.000 рублей, а Санокскому старостѣ 50.000 руб. Деньги привезли Янъ Бучинскій и Михайло Головановъ, Москвичъ. Съ ними царь прислалъ также подарокъ королевнѣ по случаю ея бракосочетанія.

1. Драгоцѣнный камень, на которомъ съ одной стороны имя Исусъ, съ другой Марія; буквы алмазныя по золоту; алмазовъ 96.

2. Золотая цѣпь, въ ней 136 алмазовъ.

3. Четки изъ жемчужинъ, величиною каждая съ большую горошину.

4. Алмазные маннели, перевитые жемчугомъ.

5. Золотой ларецъ съ жемчугомъ.

6. Три слитка золота вѣсомъ 2.000.

7. Два подноса изъ чистаго золота, блюдо 12.

8. Цианитовая солонка въ золотѣ.

9. Цианитовый бокалъ въ золотой оправѣ съ крышкой.

10. Тазъ съ золотымъ возливальникомъ, съ украшеніями.

11. Перстень съ тремя алмазами.

14-го Января въ Краковъ пріѣхалъ Московскій гонецъ Иванъ Гезобразовъ въ сопровожденіи десяти всадниковъ и привезъ письма королю и воеводѣ. 27-го Января онъ былъ отправленъ домой и выѣхалъ изъ Кракова вмѣстѣ съ воеводой. А днемъ раньше царица выѣхала изъ Промника въ Самборъ.

1-го Февраля. Липницкій, встрѣтивъ въ Дембовчѣ воеводу, вручилъ ему письма отъ царя, въ которыхъ царь просилъ его поспѣшить съ пріѣздомъ; поэтому воевода, не мѣшкая и проводя лишь мясопустъ въ Санокъ и Вольсаннчѣ, 11-го Февраля прибылъ съ царицей и всѣмъ дворомъ въ Самборъ. Туда часто пробѣгали москвичи-гонцы: Дембинскій, Склинскій, Гурскій, съ которыми царь посылалъ письма, сѣтуя на промедленіе пріѣзда. Наконецъ, прибылъ изъ Москвы и самъ посолъ Аванасій.

22-го Февраля, онъ въ сопровожденіи пятисотъ конныхъ, съ боль-

шимъ воплемъ обратился къ царицѣ и къ воеводѣ, сѣтуя на промедленіе ихъ прѣзда.

2-го Марта 1606 г. отбыли въ Москву воевода съ царицей, съ Аванасіемъ, посломъ Московскимъ и съ нѣкоторыми друзьями; остальные только по пути присоединились къ царицѣ: дорога стояла очень плохая.

Послѣдовательность путешествія въ Москву.

Изъ Самбора въ Люблинъ 30 миль.

1. Ночлеги въ Купновичахъ.....	2 Мар.
2. " въ Мосцискахъ.....	3 "
3. " въ Любачевѣ.....	4 "
4. " въ Луковой.....	5 "
5. " въ Щебжешинѣ.....	6 "
6. " въ Сяцковѣ.....	7 "
7. " въ Люблинѣ.....	8 "

Путники остались въ Люблинѣ до 14 Марта, туда же снова прискакалъ Склинскій съ письмами отъ царя. Поэтому они того же 14-го Марта выѣхали далѣе.

Изъ Люблина въ Брестъ 20 миль.

1. Ночлеги въ Лечной.....	14 Мар.
2. " въ Островѣ.....	15 "
3. " въ Парчевѣ.....	16 "
4. " въ Росошѣ.....	17 "
5. " въ Брестѣ.....	18 "
6. " тамъ же.....	19 Мар. Воскресенье.

Изъ Бреста въ Слонимъ 27 миль.

1. Ночлеги въ Каменцѣ.....	20 Мар.
2. " въ Серешовѣ.....	21 "
3. " въ Новодворѣ.....	22 "
4. " въ Ружаной.....	23 "
5. " въ Слонимѣ.....	24 "
6. " тамъ же.....	25 "
7. " тамъ же.....	26 Марта праздновали Святлое Христово Воскресенье.

Былъ устроенъ подобающій приемъ великимъ Литовскимъ канцлеромъ.

Изъ Слонима въ Минскъ 35 миль.

1. Ночлеги въ Мольчади.....	27 Мар.
2. " въ Кяреви.....	28

Отсюда отправили къ царю Дембицкаго. Сюда же прѣхалъ Казановскій.

3. Ночлеги подъ Миромъ, переправа черезъ рѣку Гуту.	29	„
4. Ночлеги въ Несвѣжѣ	30	„
5. „ тамъ же.....	31	„

Торжественный пріемъ Виленскаго воеводы.

6. „ въ Николаевщинѣ	1	Апр.
7. „ въ Бодановѣ.....	2	„
8. „ въ Минскѣ.....	3	„
9. „ тамъ же.....	4	„
10. „ тамъ же.....	5	„

Тамъ же въ Минскѣ получены деньги, 35.000, которыя царь прислалъ на пропитаніе. Туда же прибылъ Склинскій съ письмами, въ которыхъ царь извинялся передъ воеводой въ томъ, что въ предыдущихъ письмахъ упрекалъ его за промедленіе относительно прѣзда въ Москву.

Изъ Минска въ Оршу 38 миль.

1. Ночлеги въ Смоленичахъ.....	6	Апр.
2. „ въ Борясовѣ.....	7	„
3. „ въ Начѣ.....	8	„
4. „ въ Бобрѣ.....	9	„
5. „ въ Толочинѣ.....	10	„
6. „ въ Кохановѣ.....	11	„

Пріемъ былъ оказанъ Литовскимъ канцлеромъ.

7. „ въ Оршѣ.....	12	Апр.
8. „ тамъ же.....	13	„

Переправа черезъ Днѣпръ 13 Апрѣля. Переправа задержалась, потому что рѣка снесла всѣ мосты. Пришлось ждать до 16-го Апр.

Изъ Орши въ Баевъ 8 миль.

1. Ночлеги въ Святошицахъ.....	16	Апр.
2. „ въ Баевѣ.....	17	„

Прибыло нѣсколько Москвичей съ письмами. Изъ Баева къ Московской границѣ ровно миль. 18-го Апрѣля мы переѣхали черезъ границу: тамъ есть рѣка, черезъ нее мостъ. Никого не встрѣтили, кромѣ четырехъ Москвичей, степенныхъ людей, которые вручили Аванасію письма и привѣтствовали царицу и воеводу.

Списокъ лицъ, переѣхавшихъ черезъ границу:

Воевода 1. Его свиты съ солдатами и слугами 445, кон. 411.

Царица 1. Ея свиты лицъ 251, кон. 257.

Такъ записано для того, чтобы знать, сколько и кому дозволено имѣть челяди и коней; но при этихъ двухъ свитахъ могло сверхъ того состоять еще до двухсотъ людей и лошадей.

Красноставскій староста (Мнишекъ, братъ воеводы) № Людей его свиты № 107, кон. 115.

Князь Вишневецкій (зять воеводы) № Людей его свиты № 215, кон. 255.

Саноцкій староста (Мнишекъ, сынъ воеводы) № 1. Людей его свиты съ солдатами № 415, кон. 411.

Луковскій староста (Мнишекъ, сынъ Красноставскаго старосты) № 1. Людей его свиты № 87, кон. 96.

Тарло, Пшемьскій хорунжій съ супругой № 2. Людей его свиты № 71, кон. 69.

Мартынь Стадницкій № 1. Людей его свиты № 26, кон. 26.

(Тарлы и Стадницкіе близкіе родственники воеводы). Андрей Стадницкій № 1. Людей его свиты № 36, кон. 33.

Юрій Стадницкій № 1. Людей его свиты № 21, кон. 21.

Самуэль Баль № 1. Людей его свиты № 29, кон. 30.

Павель Тарло, сынъ Сохачевскаго старосты, съ нимъ людей № 11, кон. 10.

Немоевскій, коронный подстоляничій самъ 16, кон. 13. Ксендзъ секретарь короля самъ 17, кон. 17. Вольскій самъ 21, кон. 19. Броніовскій самъ 9, кон. 9. Помаскій самъ 12, кон. 12. Корытко самъ 11, кон. 10. Любомірскаго самъ 13, кон. 13. Ясіоновскій, который былъ приставомъ у посла Аванасія со своей свитой № 9, кон. 13. Петръ Доморацкій № 10, кон. 15. Монаховъ 5, съ челядью 15, кон. 16.

Супруга Сохачевскаго старосты Тарла со свитой 51, кон. 40.

Казановскій со свитой № 20, кон. 19. Г-жа Гебуртъ со свитой 26, кон. 17. Армянъ и купцовъ при Сендомірскомъ воеводѣ, кромѣ тѣхъ, которые ѣхали на свой счетъ, № 12, кон. 16.

Всѣхъ по этому списку людей 1969, лошадей 1961.

Но было вѣроятно еще 300 людей и столько же лошадей.

Первыми перешли черезъ границу свиты, значущіяся въ спискѣ послѣдними, за ними воевода и, наконецъ, царица. Гусары и пѣхота шли каждый возлѣ своего господина. Пароконныя коляски были отправлены впередъ, чтобы не мѣшать другимъ. Черезъ каждый потокъ были переброшены крѣпкіе мосты до самой столицы, но въ этотъ день по пути до Смоленска много колясокъ увязало въ грязи, вслѣдствіе слишкомъ плохой дороги. Отъ границы до Смоленска 15 миль. Первый ночлегъ въ Красномъ 18-го Апрѣля. Когда мы проѣзжали, то изъ cadaго села попы выносили хлѣбъ и соль въ знакъ присяги. Въ Красномъ селѣ состоялась первая большая остановка: ударила непогода, и сильно пришлось страдать отъ тѣсноты. Было всего нѣсколько избъ, а для царицы выстроили новую. Провожатые размѣстились въ сосѣднихъ деревняхъ, инымъ пришлось сидѣть въ шалашахъ, въ грязи по щиколки.

20-го Апрѣля ночлегъ въ Дубнѣ, гдѣ также не было удобныхъ помѣщений, кромѣ нѣсколькихъ заново построенныхъ свѣтлицъ для царицы и немногихъ избъ. Размѣстились въ шалашахъ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Здѣсь мы застали около тысячи человѣкъ Москвичей, которые находились тутъ уже 20 недѣль, ожидая прїѣзда царицы. Съ ними были князь Василій Михайловичъ и Михайло Александровичъ Нагой, царскій дядя. Какъ только царица вышла изъ коляски, оба они со свитой въ нѣсколько десятковъ человѣкъ привѣтствовали ее и низко били челомъ и вручили воеводѣ письма отъ царя.

Сюда же были высланы 54 бѣлыхъ какъ снѣгъ лошади и трое саней для царицы. Первые, царицыны сани съ окнами, внутри обиты соболями, на лошадяхъ бархатныя шоры. Въ эти сани были запряжены 12 бѣлыхъ лошадей, во вторыя сани 10 лошадей, а въ третьи, для придворныхъ дамъ, 8 лошадей. Остальныя лошади шли въ поводу. Русскіе уже давали отдѣльные оброки для царицыной свиты, и кухня у нея была своя. У воеводы и его друзей была отдѣльная кухня.

Третій ночлегъ въ Смоленскѣ 21 Апрѣля. Изъ Смоленска выѣхало много Москвичей навстрѣчу царицѣ, и «міру» очень много, нѣсколько тысячъ («міромъ» зовутъ простой народъ), которые били челомъ царицѣ и подносили соболей; чернецы выносили образа и хлѣбы. Царица прїѣхала въ замокъ; онъ очень помѣстителенъ, кругомъ стоятъ стрѣльцы. Тамъ царица обѣдала, а воевода и его друзья были приглашены къ князю Масальскому. Послѣ обѣда они скоро разъѣхались по домамъ. Два раза насъ тамъ потревожили пожаромъ: первый разъ загорѣлась кухня царицы, а второй разъ мой слуга зажегъ у меня нѣсколько фунтовъ пороха и спалилъ себѣ глаза и лицо *).

Въ Воскресенье 23 Апрѣля мы еще оставались тамъ: воевода слегка занемогъ. Когда играла музыка, Москвичи были очень изумлены и, проталкиваясь къ ней, ломали даже скамьи.

Изъ Смоленска въ Вязьму 28 миль.

Первый ночлегъ въ Пневѣ 24 Апр.; тамъ намъ отпускали по полторы бочки овса и по возу сѣна на десять лошадей.

Второй ночлегъ въ Дыпкахъ 25 Апр.; въ двухъ миляхъ предъ этой деревней переправа черезъ Днѣпръ. Когда люди толкались у парома, утонуло нѣсколько человѣкъ, съ которыми переполненный паромъ погрузился въ воду. Въ ротъ же Саноцкаго старосты одинъ товарищъ отрѣзалъ другому палецъ, проталкиваясь къ парому. Отъ переправы расчищали дорогу по бору; 28 мостовъ было до ночлега. Туда же при-

*) Вѣроятно въ предзнаменованіе своего будущаго несчастія, ибо онъ погибъ въ Москвѣ.

бѣжалъ съ письмами отъ царя Москвичъ Гаврило Щохъ; въ письмахъ царь выражалъ радость по поводу благополучнаго вѣзда воеводы и своей супруги въ свое царство, ожидая ихъ съ ликоваиёмъ.

Третій ночлегъ въ Дорогобужѣ 26-го Апрѣля.

Четвертый ночлегъ въ Кольпицѣ 28 Апрѣля по плохому пути: однихъ мостовъ было 45.

Въ этотъ день прибѣжалъ отъ царя съ письмами Горскій, а вслѣдъ за нимъ Аѳанасій посоль. Въ этихъ письмахъ царь просилъ воеводу пріѣхать въ столицу ранѣе царицы, взявъ съ собой нѣсколькихъ друзей и по крайней мѣрѣ сто конныхъ: царю необходимо переговорить съ нимъ устно о свадьбѣ и другихъ церемоніяхъ. Тамъ же въ Кольпицѣ посоль Аѳанасій вручилъ царицѣ подарки: алмазную корону и алмазную перевязку на шляпу, застежки, крупнаго восточнаго жемчуга 4 нити, худшаго качества жемчуга нѣсколько десятковъ нитей, золотые часы на барашкѣ, другіе такіе же на верблюдѣ.

29 Апрѣля. Въ этотъ день была Русская Пасха, но Москвичи не хотѣли отдохнуть, спѣша въ столицу. Они выпустили тамъ немало плѣнныхъ; многимъ были пожалованы чины, и всѣ награждены платками по ихъ обычаю.

Изъ Вязмы въ Русскую столицу 36 миль. Воевода развѣхался съ царицей.

Первый ночлегъ царицы въ Заозерьѣ 30 Апр., а воеводы съ княземъ Вишневецкимъ и Сапоцкимъ старостой—въ мѣстечкѣ Царевѣ. Второй ночлегъ царицы въ Доброй 1-го Мая, а воеводы въ городѣ Можайскѣ. Третій ночлегъ царицы въ томъ же Можайскѣ 2-го Мая, а воеводы въ селѣ Вяземахъ, уже только въ шести миляхъ отъ столицы. Это было владѣніе покойнаго Бориса. Тамъ большой дворъ; туда прислали свѣжихъ лошадей для воеводы и показывали царское стадо.

Четвертый ночлегъ Царицы въ томъ же Можайскѣ 3-го Мая, а воеводы—подъ селомъ Моначиномъ, въ царскихъ палатахъ, которыхъ выстроили для этого 12. Туда же для воеводы прислана была особая карета съ шестеркой лошадей.

Ночлегъ царицы въ Дровачевѣ, а воеводы—въ столицѣ.

Въ день Вознесенія Господня выслалъ царь четверку верховыхъ лошадей: одну для воеводы съ драгоцѣннымъ позолоченнымъ сѣдломъ, а остальныхъ—для его друзей. На этихъ лошадей они и сѣли за четверть мили отъ города. Съ ними выѣхалъ на богато убранномъ по гусарски конѣ Басмановъ, важнѣйшіе бояре и около полуторы тысячи Москвичей, которые сопровождали воеводу. Черезъ рѣку Москву былъ переброшенъ особенный мостъ безъ свай, висящій на однихъ канатахъ, за которымъ передъ первыми воротами стояли двумя рядами безчислен-

ные богато одѣтые конные. Воевода проѣхалъ среди нихъ, за нимъ ѣхалъ съ Польской ротой Доморацкій, а самъ царь ѣхалъ инкогнито среди Московскихъ ротъ. Переодѣтый неузнаваемо, онъ наблюдалъ за церемоніаломъ.

Воевода въѣхалъ во дворецъ, и его отвели въ покои. Тамъ сейчасъ же стали разносить яства изъ царской кухни, очень дорогія, на золотыхъ блюдахъ; больше всего было печеній, но невкусныхъ вслѣдствіе недосолу. Питей подавалось много, мушкательнаго вина вдоволь. Когда обѣдъ кончился, царь прислалъ своего родственника, князя Федоровича Хворостина—навѣстить ихъ и порадоваться ихъ благополучному прибытію. Однако въ этотъ день воевода не привѣтствовалъ царя. Въ тотъ же день царь ѣздилъ въ монастырь (что онъ всегда дѣлалъ), къ своей матери. Этотъ монастырь находится возлѣ дворца у воротъ. Верхняя и нижняя одежда у царя была бѣлая бархатная, конь саврасый, убранный золотомъ и дорогими разноцвѣтными камнями; вокругъ него нѣсколько сотъ алебардчиковъ и очень много конныхъ Москвичей.

Шестой ночлегъ Царицы въ Вяземахъ былъ 5-го Мая.

Въ этотъ день воеводу повели во дворецъ среди толпы стрѣльцовъ, которыхъ выстроили рядами по лѣстницѣ и до самаго входа въ большой пріемный покой, гдѣ было множество думныхъ бояръ, одѣтыхъ въ дорогое платье. Изъ пріемнаго покоя мы вошли въ другой большой покой, гдѣ царь Димитрій сидѣлъ на престолѣ. Его одежда была усыпана жемчугомъ и драгоценными камнями, высокая корона украшена алмазами и самыми рѣдкими камнями. Въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ. Престолъ изъ чистаго золота вышиною въ четыре локтя, покрытъ четырьмя на крестъ положенными щитами. Надъ этими щитами куполь съ орломъ изъ чистаго золота. Отъ щитовъ спускались надъ пилястрами двѣ кисти престола, изъ жемчуга и дорогихъ камней, среди которыхъ былъ камень топазъ, больше Волошкаго орѣха. Пилястры же подъ кистями были таковы: серебряные львы, величиною каждый съ волка, лежа, держали въ лапахъ два золотыхъ подсвѣчника; серебряные же грифоны, стоя на львахъ и касаясь кистей, поддерживали перекрытіе престола и ведущія къ нему шесть покрытыхъ парчею ступеней. Возлѣ царя стояло по двое вельможъ съ желѣзными алебардами на золотыхъ топорищахъ. Верхняя и нижняя одежда у нихъ была зеленая бархатная, подшитая и отороченная горностаями, сапоги бѣлые, станъ опоясанъ цѣпью. По лѣвую руку стоялъ Шуйскій въ парчевомъ платьѣ, подшитомъ соболями, держа обнаженный мечъ. По правую руку сидѣлъ патріархъ, передъ которымъ на золотомъ подносѣ держали крестъ. За нимъ сидѣли епископы и Духовный Совѣтъ, а за тѣмъ

думные бояре, т. е. сенаторы и думные дьяки, тоже, что у насъ каштеляны. Воевода сознался впоследствии, что, ставъ передъ царемъ, онъ такъ былъ ослѣпленъ великолѣпиемъ, драгоценными камнями въ коронѣ, на одеждѣ и на скипетрѣ царя и его престоломъ, что отъ блеска не могъ глядѣть на царское лицо. Поцѣловавъ царскую руку, онъ обратился къ нему съ рѣчью.

Въ ней онъ поздравлялъ его съ царскимъ достоинствомъ, ибо не по розамъ пришлось ему идти къ престолу, не безопасно, ибъжась и роскошествуя, благодаря попеченію Гефестіоновъ, а сквозь терніи, шипы и крапиву. Ужь не Гефестіонъ, а само Всевышнее, лебомъ и всѣмъ міромъ повелѣвающее, Провидѣніе Божіе защитило его отъ мстительнаго врага и тирана Бориса. Всемогущій Господь явилъ надъ нимъ свое милосердіе, какъ надъ отроками въ Вавилонской печи, какъ надъ Даниломъ среди львовъ, какъ надъ Іосифомъ, вице-королемъ и великимъ Египетскимъ старостой, брошеннымъ въ колодезь; какъ надъ Мардохеемъ противъ мстительнаго Амана и пр. Показалъ силу своей длани Господь Саваоѣ, тронувъ сердца Поляковъ, которые тебя, униженно скитавшагося въ чужой странѣ, возвели на наследственный престолъ. Показалъ силу своей длани Тотъ, чьей столицей небо, а земля подножіемъ, когда *Virtute Divina* Польское оружіе стало на столько страшно тирану, что, не будучи въ силахъ дать отпоръ и сломать горсть Польскихъ солдатъ, встревоженные Польскимъ мужествомъ приверженцы Бориса, сто семьдесятъ тысячъ Борисова войска, били челомъ тебѣ, наследному Монарху. Почтилъ тебя Тотъ, передъ кѣмъ двѣнадцать старцевъ слагаютъ свои вѣнцы, почтилъ тебя, какъ Давида, презрѣннаго безбожникомъ Сауломъ; уложилъ Саулъ тысячу, а Давидъ десять тысячъ. Тотъ, Кто возносится на крыльяхъ вѣтровъ, далъ мощь и мужество тебѣ, монархъ, противъ тирана, какъ безстрашному Іудѣ Маккавею. Пусть видитъ созвѣздіе семи, что не одна лишь воинственная Троя пронаводитъ на свѣтъ Гекторовъ: живыя подобія Марса рождаются и въ Польшѣ, отважные Камиллы, Аннибалы, Фабіи. Доказательствомъ этого служатъ побѣдоносныя пальмы, доставшіяся тебѣ въ удѣлъ, и неувядаемые лавры, которыми Польскій Ахатъ увѣнчалъ твое чело.носи же долгіе годы этотъ скипетръ сѣверной державы, непобѣдимый монархъ, царствуй съ потомствомъ своимъ и въ грядущіе вѣка. Пусть твой сѣверный орелъ обращается къ Востоку, очищая его отъ бусурманскаго полумѣсяца и, подобно тому, какъ душа Іонаана прильнула къ душѣ Давида, такъ и ты, непобѣдимый сѣверный монархъ, стань единственнымъ Іонааномъ моей отчизны Польши.

Послѣ окончанія рѣчи стоявшій у престола великій посолъ Аванасій сказалъ: «Панъ воевода гораздъ говорить». Подойдя же къ нему, онъ сказалъ: «Пане воевода, все буде гораздъ, моя братъ, твоя братъ. Пожалуй ступать босковать руки его царскаго величества».

Пока воевода говорилъ, царь такъ былъ растроганъ, что плакалъ, какъ бобръ, вытирая глаза платкомъ. Воевода, поцѣловавъ царскую руку, съѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ царя. На другой скамьѣ съли

его друзья, послѣ чего мы по порядку шли цѣловать царскую руку. Когда кончили, царь подозвалъ воеводу къ престолу и пригласилъ его къ обѣду; друзей же его пригласилъ черезъ Басмана.

Тогда царь всталъ съ престола. Его повели подѣ руки въ церковь. Передъ нимъ несли золотую державу и крестъ. Онъ остановился въ боковыхъ дверяхъ церкви и изъ сѣней слушалъ молебенъ. Въ церковь принесли царю другую корону полегче. Послѣ службы царь сѣлъ съ воеводой въ карету и бесѣдовалъ съ нимъ нѣкоторое время. Потомъ царь пошелъ съ воеводой въ деревянные, но роскошно отдѣланные, покои: двери, налчнчки и оконныя рамы были изъ чернаго дерева, дверныя петли и засовы у оконъ и дверей были золотистые, шкапы, столы изъ чернаго дерева, печи зеленыя, до половины обнесенныя серебряными рѣшетками.

Пробывъ тамъ около часу, они пошли въ столовую, передъ которой въ большой комнатѣ стояло очень много серебряной и золотой посуды, и среди ней было семь серебряныхъ бочекъ, въ родѣ сельдяныхъ, стянутыхъ золотистыми обручами. Столовая посуда была вся золотая, очень много серебряныхъ возливальниковъ и чановъ.

Столовая была обита богатой Персидской тканью, обшивки у оконъ и дверей парчевыя. Престоль въ видѣ чернаго бархатнаго навѣса, украшеннаго по швамъ широкими золотыми галунами; столъ подѣ навѣсомъ серебряный, золоченый, вмѣсто ногъ четыре серебряныхъ орла поддерживаютъ столъ, покрытый шелковой, шитой золотомъ, скатертью. У этого стола сидѣлъ только самъ царь. По лѣвую руку другой столъ, за которымъ сидѣли воевода, князь Вишневецкій, Саноцкій староста и прочіе друзья. За третій же столъ посадили насъ, придворныхъ, въ перемежку съ Москвичами, которые потчевали насъ. Тарелокъ намъ не поставили, было ихъ на столахъ всего четыре, и то царь сказалъ, что этимъ нарушенъ обычай. Сидѣли съ нами и Московскіе сенаторы, которыхъ тамъ зовутъ думными боярами. Для умыванія рукъ стоялъ большой серебряный дельфинъ, изъ ноздрей котораго струилась вода въ три раковины: перламутровую, золотую и серебряную.

Въ столовой, гдѣ обѣдалъ царь, стоялъ высокій до потолка буфетный шкафъ изъ чистаго золота. Тамъ были львы, драконы, единорожцы, олени, грифоны, ящерицы, лошади и иныя животныя, большіе бокалы все изъ чистаго золота. По ту сторону буфета стоялъ большой серебряный чанъ, въ немъ золотая Діана съ нимфами, Актеонъ, превращенный въ оленя и держащій лукъ и стрѣлы, на немъ охотничій рожокъ. Все изъ золота, кромѣ подлинныхъ оленьихъ роговъ. Миланскія и другія охотничьи собаки, въ числѣ десяти, серебряныя.

Приносили затѣмъ яства, разныя рыбы, ибо была Пятница. Поря-

докъ былъ такой: сперва ставили блюда съ одинаковыми яствами на разстояніи локтя другъ отъ друга; когда эти убрали, точно также поставили другія яства. Хлѣба не подали, но когда всё устылись, то отъ наря каждому поднесли большой кусокъ бѣлаго хлѣба, изъ котораго мы и подѣляли себѣ тарелки. Такъ продолжался обѣдъ нѣсколько часовъ. Подавали очень много различныхъ дорогихъ печеній, все на золотыхъ подносахъ.

Что касается здравницъ, то царь сперва провозгласилъ здравіе воеводы изъ большой золотой чашки, украшенной алмазами и жемчугомъ; онъ велѣлъ налить ее до краевъ и выпилъ. Потомъ передали воеводѣ и его друзьямъ, а за тѣми и намъ всѣмъ подносили царское пожалованіе: большую чашу вина, вмѣщавшую больше трехъ четвертей. Разносили всевозможные меды и хмѣльное пиво, что кому нравилось. Подавали всего въ изобиліи, и все на золотѣ, и питія, и яства. Слугъ отъ царскаго стола отправляли по просту, безъ поклоновъ. Стольники не снимали шапокъ, только наклоняли головы.

Около половины обѣда, воевода, ослабѣвъ, ушелъ въ царскій дворецъ; съ нимъ отпустили всего двоихъ слугъ.

Около половины обѣда пришли люди, числомъ 20, съ луками—Лапландцы. Земля этихъ Лапландцевъ расположена по направленію къ Индіи, у Ледовитаго моря. Ъздать они на оленяхъ. Дань царю долженъ приносить всякій, кто можетъ поднять топоръ. Дань: десять сободей въ годъ. Когда мы тамъ были, они какъ разъ привезли дань царю. Ъздать они сырѣмъ мясо и рыбу; вѣры у нихъ нѣтъ никакой,—почитаютъ только солнце, мѣсяцъ, дерево, медвѣди, что кому захочется. Изъ Москвы къ нимъ цѣлый годъ нѣтъ ѣзды. Домовъ у нихъ нѣтъ; поживъ нѣсколько недѣль въ одной пущѣ, они переходятъ черезъ нѣсколько десятковъ миль въ другую. Звѣря бьютъ изъ лука.

Послѣ обѣда не было никакого десерта; принесли только блюдо съ оливками, которыя царь раздавалъ стольничимъ собственноручно въ благодарность за ихъ услуги.

Затѣмъ царь удалился въ другіе покои; воевода и его друзья разѣхались по домамъ.

Седьмой ночлеги царицы въ Вязѣмѣ 6-го Мая. Бучинскій снова привезъ подарки: восемь богатыхъ кониковъ и восемь штукъ парчи.

Пока мы были въ Вязѣмѣ, я тоже пошелъ въ церковь и попалъ на проповѣдь, въ которой попъ прославлялъ Св. Николая.

Давъ ему всѣ небесные титулы, попъ свою рѣчь заключилъ такъ:

„Что, коли бы Богъ стары змерлъ,
Микула Богомъ бы былъ.“

Стоя дьякъ поодаль, сказалъ: Леда *) што попъ гвары,

Бо николи умирать
Богъ не може стары.

А попъ:

Леда што—дьякъ бреше за порогомъ:
Не змирè Богъ, не буде Микула Богомъ“.

Воевода, пообѣдавъ у себя, поѣхалъ въ царскіе покои. Царь былъ веселъ. Онъ велѣлъ подавать мушкательныя вина и множество другихъ питей. Въ залѣ передъ первымъ покоемъ былъ буфетъ, уставленный отъ пола и до потолка золотомъ и серебромъ, но не тѣмъ золотомъ и серебромъ, чтò въ столовой, а другимъ. Тутъ были боги: золотой Юпитеръ, сидящій на серебряномъ орлѣ, серебряный Сатурнъ, Марсъ, Меркурій, золотой Нептунъ на серебряныхъ китахъ, Венера, Юнона, золотая Паллада, Вулканъ съ Циклопами изъ серебра; золотой Аполлонъ съ серебряными музами, Кентавръ, Геркулесъ, Вакхъ, золотые Сатиры. Всѣ эти лица держали въ рукахъ мѣхи съ виномъ, чаши, бокалы, кружки, возливальники, кубки, разныя раковины для питья, поднимая нѣкоторыя на вышину локтя. Первый покой послѣ залы былъ обитъ золотыми ткаными покрывами, второй покой парчей, третій, въ которомъ сидитъ царь, очень драгоценной золотой Персидской тканью. Навѣсъ, т. е. престолъ, зеленый, бархатный, часто переплетенный золотыми галунами. Играла капелла Саноцкаго старосты, музыкантовъ было 40. Москвичи очень дивились музыкѣ. Самъ царь нѣсколько разъ переодѣвался: то по-гусарски, то по-русски, то по-польски—въ парчевой жупанъ, красную бархатную епанчу, расшитую жемчугомъ и узорами, красное платье и сафьяные башмаки. Онъ былъ очень доволенъ музыкой и велѣлъ дать всѣмъ музыкантамъ въ этотъ день двѣ тысячи. Князь Константинъ Вишневецкій съ Саноцкимъ старостой танцевали передъ царемъ, послѣ чего разъѣхались по домамъ.

8-го Мая ночлегъ царицы въ Вяземахъ, а въ столицѣ въ этотъ день вельможи веселились у царя. На другой день царь съ воеводой ѣздилъ охотиться. Тамъ между инымъ звѣремъ выпустили и медвѣдей, на которыхъ никто не хотѣлъ идти, боясь ихъ злобы и разъяренности. Самъ царь пошелъ и сразу такъ удачно бросилъ въ одного рогатиной, что сломалъ топорнице, поваливъ медвѣдя; потомъ саблей разсѣкъ ему голову. Москвичи громко ликовали. Тамъ же всѣ ѣли въ палаткахъ, гдѣ царица, выѣхавъ изъ Вяземъ, ночевала 10-го и 11-го Мая. Всѣ приготавливались встрѣчать ее въ столицѣ.

*) Нехорошо.

12 Мая 1606 г. Всѣ друзья воеводы и всѣ Польскія свиты стройно и парадно выѣхали на встрѣчу царицѣ. Выѣхалъ и царь инкогнито, переодѣтый по-венгерски, всего лишь съ десятью конными. Затѣмъ, вернувшись, онъ выстроилъ своихъ людей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны были выѣхать: стрѣльцовъ, гусаровъ и алебардчиковъ, которыхъ было около тысячи верхами. Онъ поставилъ всѣхъ на надлежащія мѣста, двумя рядами.

Посоль короля Сигизмунда, каштелянъ Малогоскій, опередилъ царицу на часъ.

Выѣхали нарядные и блестящіе воеводы, князья, думные бояре и весь царскій домъ навстрѣчу царицѣ. Подѣхавъ къ палаткамъ, она вышла изъ коляски и вошла въ палатки, гдѣ ее привѣтствовали и приносили ей поздравленія. Отъ имени царя была произнесена рѣчь, въ которой онъ выражалъ радость по поводу ея благополучнаго прибытія и приглашалъ ее въ городъ; потомъ ей подарили отъ имени царя карету, обитую серебряными блихами, на которыхъ были изображены царскіе гербы. Эта карета была запряжена 36 чубарыми конями. Когда царица сѣла въ карету, двинулись алебардчики, стрѣльцы, гусары, Польскія роты, пѣхота воеводы и его друзей. Впереди шли вельможи, передъ каретой—Москвичи.

Когда царица въѣхала за третью стѣну въ городъ, затрубили въ трубы и ударили въ литавры, которыхъ было великое множество передъ дворцомъ для встрѣчи торжественнаго въѣзда. Шумъ и грохотъ продолжался долго, до нестерпимости. Приѣхавъ во дворецъ, царица застала тамъ и привѣтствовала царя и его мать.

13-го Мая назначена въ обычномъ дворцѣ при Московскомъ Сенатѣ публичная аудіенція для привѣтствованія царя. Мартынъ Стадницкій въ качествѣ маршала царицы произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

«Друзья, вся свита и придворныя дамы привѣтствуютъ моими устами ваше царское величество съ вѣнчанной супругой и поздравляютъ в. ц. в. съ отвоеваніемъ наслѣдственнаго престола. Хотя Господу Богу угодно было посылать в. ц. в. испытанія, Онъ все же прославилъ васъ передъ всѣмъ міромъ, посадивъ на престолъ язычеству на страхъ. Великому Господу Богу угодно было породнить в. ц. в. съ Польскимъ народомъ, почти одинаковымъ по языку и нравамъ, равнымъ по силѣ и великодушію и искони славнымъ въ военномъ дѣлѣ; а также—со славнымъ Польскимъ сенаторомъ. Его ли препоручать в. ц. в., когда по волѣ Божьей в. ц. в. пришлось лично узнать его домъ, свиту, дѣятельность и доблести. Вы послѣдовали разумнымъ совѣтамъ этого великаго мужа, породнились даже съ тѣмъ, кто пользуется особой милостью короля и самъ тоже состоитъ въ родствѣ съ именитѣйшими вельможами. Поэтому можно смѣло надѣяться на благополучіе, если Господь Богъ чудесно вызвалъ привязанность в. ц. в. къ

Польскому народу, съ которымъ еще предки в. ц. в. состояли въ родствѣ. Пусть же Господь Богъ возвеличитъ престолъ и могущество в. ц. в., и дасть вамъ въ глубокой старости дождаться въ столицѣ вашихъ предковъ многочисленнаго потомства».

Затѣмъ привели пословъ короля. Когда они входили во дворецъ, на встрѣчу имъ вышелъ бояринъ Григорій Ивановичъ окольникій. Приведя ихъ въ пріемный покой, онъ представилъ ихъ царю, говоря:

«Августѣйшему и могущественнѣйшему самодержцу, великому государю Дмитрію Ивановичу, Божьей милостью царю и князю всея Руси и государствъ, Московской монархіи подчиненныхъ государю царю властелину, его величества великаго государя Сигизмунда III, короля Польскаго и вел. кн. Литовскаго послы: Николай Олесницкій и Александръ Гонсевскій в. а. ц. в. бьютъ челомъ».

Послѣ поклона королевскій посолъ Малогоскій сказалъ:

«Августѣйшій и великій государь Сигизмундъ III, король Польскій, вел. кн. Литовскій, Русскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Полѣскій, Лифляндскій, Эстонскій и т. д., наследный король Шведскій, Готскій, Вандадльскій, князь Финляндскій и т. д. изволилъ насъ отправить, своихъ пословъ, меня, Николая Олесницкаго, каштеляна Малогоскаго и Александра Корвина Гонсевскаго, Виленскаго старосту, чтобы мы отъ имени е. к. в. милостиваго государя нашего августѣйшему Божьей милостью государю, великому князю, тебѣ, Дмитрію Ивановичу, всея Руси, Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Ростовскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и другихъ и т. д. передали братскій поклонъ, освѣдомились о здравіи в. ц. в., поздравили съ благополучнымъ воцареніемъ и заявили в. ц. в. о готовности е. к. в. къ братской любви».

Затѣмъ онъ вручилъ думному дяку Аѳанасію Ивановичу письмо, которое тотъ взялъ, принесъ царю и шепотомъ прочелъ ему титулъ. Такъ какъ въ письмѣ царь не былъ названъ императоромъ, то онъ объяснилъ Аѳанасію, какъ отвѣтить на это.

Подойдя къ посламу, Аѳанасій сказалъ:

«Николай и Александръ, послы къ августѣйшему и непобѣдимому самодержцу и т. д. отъ августѣйшаго Сигизмунда, короля Польскаго и вел. кн. Литовскаго. Вы вручили письмо, въ которомъ нѣтъ императорскаго титула, поэтому берите это письмо инесите его обратно своему государю».

Малогоскій, принявъ письмо обратно, сказалъ:

«Мы беремъ это письмо е. в. милостиваго государя нашего обратно. Ни одинъ еще христіанскій монархъ не оскорблялъ такъ е. в. короля и Рѣчь Посполитую, какъ в. ц. в. Ибо е. в. король, обнаруживъ еще раньше свою доброжелательность къ в. ц. в. въ собственномъ государствѣ и теперь хотѣлъ засвидѣтельствовать в. ц. в. оную черезъ насъ, пословъ. Мы съ истинной радостью ѣхали сюда. Едва

лишь успѣли мы отряхнуть прахъ отъ погъ своихъ, какъ намъ велѣли идти сюда. Съ великой радостью шли мы лицеарътъ в. ц. в. Теперь же видимъ, насколько обманулись въ своихъ надеждахъ, ибо в. ц. в. изволили пренебречь этимъ письмомъ е. к. в., не желая его даже распечатать. Вопреки всякой справедливости в. ц. в. повелѣваете сокращать главнѣйшіе королевскіе титулы, извѣстные давнымъ давно всѣмъ монархамъ, чтó должно оскорблять не только е. в. милостиваго короля нашего и насъ, пословъ е. в. милостиваго короля нашего, но и тѣхъ, которые находятся передъ лицомъ в. ц. в., и всю Рѣчь Посполитую».

Самъ царь отвѣчаетъ.

«Непривычно монарху, сидя на престолѣ, переговариваться съ послами, но насъ къ этому вынуждаетъ лишеніе насъ королевемъ Польскимъ титула. Мы заявляли королю Польскому черезъ своихъ пословъ и черезъ Виленскаго старосту, который недавно былъ здѣсь въ качествѣ посла отъ короля Польскаго и теперь находится здѣсь же съ посломъ, что мы не только князь, не только государь, не только царь—мы императоръ нашихъ обширныхъ владѣній. Мы это заявляли. Мы употребляемъ этотъ титулъ не только на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, ибо ни Ассирійскій, ни Мидійскій монархи, ни Римскіе кесари не могли съ большимъ правомъ, чѣмъ мы, пользоваться этимъ титуломъ. Ибо мы не только князь или государь, и не только князьями или государями, но Божьей милостью и королями повелѣваемъ, которые намъ служатъ. Никого равнаго намъ по могуществу нѣтъ въ этихъ сѣверныхъ краяхъ, и всѣ императоры величаютъ насъ этимъ императорскимъ титуломъ; одинъ лишь Польскій король не признаетъ его за нами».

Отвѣтъ посла.

В. ц. в. изволили сказать, что непривычно монарху, сидя на престолѣ, переговариваться съ послами; это правда. Но непривычно и послу безъ инструкцій разъяснять дѣло. Однако в. ц. в. меня къ этому вынуждаете. Хотя я не такъ способенъ, чтобы отвѣчать на это в. ц. в., безъ подготовки, но такъ какъ я Полякъ и сынъ вольнаго народа, то и привыкъ свободно говорить. Вспомните в. ц. в. или посмотрите въ канцеляріи, или даже спросите у этихъ своихъ старыхъ думныхъ бояръ, какими титулами величали себя предки в. ц. в. Не только Польскіе короли не признавали за собой того императорскаго титула, который вы хотите незаконно присвоить себѣ, но даже и предки в. ц. в. не присвоивали себѣ никакого императорскаго титула и сами величали себя тѣмъ титуломъ, какимъ е. к. в. величаетъ в. ц. в. въ своемъ письмѣ и какимъ съ давнихъ поръ величаетъ царей. Е. к. в., почувствовавъ привязанность къ в. ц. в., обнаружилъ готовность и оказалъ великую помощь для отвоеванія родины в. ц. в. и, продолжая выражать свою искреннюю дружбу, доказывать ее не только словами, съ чѣмъ вы, в. ц. в. сами согласны. Но теперь легко можетъ увидѣть всякій, чѣмъ в. ц. в. за все это отвѣчаетъ е. в. королю. Забывъ о томъ, что в. ц. в. чудесно съ помощью Бога, е. к. в. и нашего народа (ибо братья мои—Поляки кровь свою проливали за в. ц. в.), посажены на этотъ престолъ (*онъ указалъ рукой*), вмѣсто дружбы платите

большой непріязнію, пренебрегаете дружбой е. к. в. и тѣмъ изволите подавать поводъ къ великому кровопролитію. Мы сильно огорчены этой обидой, нанесенной в. в. нашему милостивому королю, и призываемъ въ свидѣтели самого Бога и этихъ думныхъ бояръ, что не е. к. в., а в. ц. в. подаете сильный поводъ къ расторженію дружбы съ е. к. в. нашимъ государемъ и съ Рѣчью Посполитой. Мы готовы возвратиться съ этимъ къ е. в. нашему королю».

Царь отвѣчаетъ послу.

«Мы знаемъ, какими титулами величали себя наши предки и доказали бы вамъ это по документамъ, но здѣсь не мѣсто. Когда же мы велимъ этимъ думнымъ боярамъ поговорить съ вами, то они покажутъ вамъ, какими титулами наши предки величали себя. А теперь, такъ какъ король Польскій не признаетъ за нами титула, то этимъ онъ оскорбляетъ не только насъ, но и самого Бога и все христіанство. Мы объявили Польскому королю, что въ лицѣ нашего у него есть сосѣдь, есть братъ и такой другъ, какого еще не было у Польши. Теперь же король Польскій опаснѣе для насъ какого бы то ни было отдаленнаго языческаго монарха».

Посолъ отвѣчаетъ на это:

«Не желалъ бы я, чтобы изъ за титуловъ лилась христіанская кровь. В. ц. в. не изволите обижаться, но по обычаю монархи ведутъ переговоры о важныхъ дѣлахъ черезъ своихъ пословъ. Виленскій староста, который еще до этого былъ посланъ къ в. ц. в. отъ е. к. в. могъ донести или не донести е. в. королю объ этомъ распоряженіи в. ц. в. Но в. ц. в. собирались прислать своихъ пословъ на сеймъ, такъ какъ это дѣло касается сейма. В. ц. в. небызвѣстно то, что е. в., король правитъ свободной Рѣчью Посполитой, гдѣ онъ безъ всеобщаго согласенія не можетъ ничего прибавить или убавить въ существующихъ правахъ».

Царскій отвѣтъ.

«Знаю, что сеймъ конченъ и что нѣкоторые изъ вашихъ совѣтуютъ Польскому королю не признавать за нами императорскаго титула. Но еще будетъ время много поспорить съ вами на этотъ счетъ. Пана Олесницкій! Я спрашиваю васъ, если бъ вы получили отъ кого нибудь письмо, на которомъ не былъ бы обозначенъ вашъ шляхетскій титулъ, приняли ли бы вы это письмо, или нѣтъ? Я, будучи въ государствѣ е. в. короля Польскаго и зная, что вы всегда и вездѣ были къ намъ благожелательны, желаю почтить васъ въ нашемъ государствѣ не какъ посла, а какъ нашего друга. Подойдите къ рукѣ нашей, но не какъ посолъ».

И, протянувъ руку, онъ хотѣлъ его привѣтствовать.

На это Малогоскій отвѣтилъ:

«Августѣйшій и всемилостивѣйшій государь, я благодаренъ за милость, которою в. ц. в. изволите жаловать мою особу, но не могу принять ее, ибо в. ц. в. не хотите, чтобы я принялъ ее, какъ посолъ».

Тогда царь отвѣтилъ: «Итакъ, какъ посолъ».

Тогда царя привѣтствовалъ посоль и староста Велижскій—Гонсѣвскій. Послѣ этого дьякъ взялъ королевское письмо отъ Польскаго посла и медленно прочелъ его, но, получивъ распоряженіе отъ царя, сказалъ посламъ: «Хотя такое письмо безъ Императорскаго титула не слѣдовало бы принимать, но въ виду наступленія акта бракосочетанія е. ц. в. — на каковой актъ король, государь вашъ послалъ васъ къ е. ц. в. — по этой то причинѣ е. ц. в., отложивъ на время вопросъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему отсутствіемъ титула, принимаетъ это письмо отъ короля, вашего государя, черезъ васъ, пословъ. Вы же, когда вернетесь къ королю, государю вашему, скажите, чтобы онъ не посылалъ сюда писемъ съ неполнымъ императорскимъ титуломъ. Его вел. императоръ именно вамъ, посламъ, велѣлъ сказать, что впредь ни отъ вашего короля, ни отъ другого не приметъ какихъ бы то ни было писемъ безъ полнаго императорскаго титула. Теперь же, если вамъ отъ Сигизмунда, короля Польскаго, поручено передать что либо, то исполните свое посольство къ е. и. в.»

Послѣ него говорилъ Велижскій староста Гонсѣвскій.

Когда они исполнили посольство, имъ велѣли съѣсть. Затѣмъ Аѳанасій по приказанію царя подошелъ къ посламъ и сказалъ: «Николай и Александръ, посланные къ августѣйшему и непобѣдимому самодержцу и великому государю Дмитрію Ивановичу Божьей милостью императору и великому князю всея Руси и многихъ другихъ Московскихъ государствъ, подчиненныхъ той же монархіи, отъ августѣйшаго и великаго государя Сигизмунда III, короля Польскаго. Мы говорили о томъ, что августѣйшій Сигизмундъ, король Польскій, разрѣшилъ пану Юрію Мнишку, Сендомірскому воеводѣ, отвезти его дочь къ августѣйшему самодержцу. Е. и. в. съ Божьей милостью благополучно прибыла сюда и съ благодарностью принимаетъ отъ короля, вашего государя, императорскій престоль; васъ же своей императорской милостью жаловать будетъ. Что же касается того, что ты, Александръ, говорилъ отъ имени августѣйшаго Сигизмунда, короля Польскаго, который приказалъ вамъ, своимъ посламъ, поговорить съ думными боярами о добрыхъ отношеніяхъ Московской монархіи и короля Польскаго, то е. и. в. охотно даетъ на это свое согласіе и приказываетъ своимъ думнымъ боярамъ поговорить съ вами объ этихъ дѣлахъ».

Послы съѣли; Аѳанасію же они сказали: «Обычай всегда былъ таковъ, что Московскіе государи всегда освѣдомлялись о здравіи е. в. короля».

Царь, услыхавъ это, освѣдомился о здравіи е. в. короля: Какъ поживаетъ е. в. вашъ король? Посоль Малогоскій сказалъ: «Мы выѣхали изъ Варшавы, оставивъ е. в. короля государя нашего въ добромъ здравіи и благополучно правящаго. Но в. ц. в. слѣдовало встать, освѣдомляясь о здравіи е. в. короля».

Царь сказалъ: «Пане Малогоскій, по обычаю мы встаемъ, уже узнавъ о добромъ здравіи».

И, привставъ немного на престолѣ, царь сказалъ: «Мы радуемся доброму здравію друга нашего, короля».

Тутъ стали подносить подарки, списокъ которыхъ былъ сперва прочитанъ царю Григоріемъ Ивановичемъ Микулшнымъ.

Панъ Малогоскій: 1. Коня Турецкаго. 2. Коня Неаполитанскаго. 3. Золотую цѣпь панцирной работы. 4. 13 кубковъ. 5. 2 позолоченыя кружки. 6. Миланскую собаку.

Дано на водку конюхамъ хозяина этой собаки два сорока соболей и сто червонцевъ.

Панъ Гонсѣвскій: Турскаго коня.

Послѣ врученія подарковъ думный бояринъ Аѳанасій сказалъ: «Е. и. в. жалуеть васъ своимъ обѣдомъ».

Послѣ этого пословъ отвели въ посольское помѣщеніе, а ихъ друзья были на царскомъ обѣдѣ.

Въ тотъ же день царица бесѣдовала съ царемъ по поводу ѣды, ибо ей не нравились яства, которыя подавались во дворцѣ. Тотчасъ же съ большой поспѣшностью послали за кухмистеромъ и Польскими поварами, которые тамъ же, получая все необходимое, готовили для нея; имъ отданы были всѣ ключи отъ кладовыхъ и погребовъ.

14-го Мая, въ Воскресенье, свадьба по нѣкоторымъ причинамъ не состоялась; но царь торжественно угощалъ всѣхъ во дворцѣ.

15-го Мая царь подарилъ царицѣ шкатулку съ драгоценностями, которыя стоили до 500.000. Онъ велѣлъ ей раздавать ихъ по собственному усмотрѣнію. Воеводѣ онъ далъ 100.000 злот., подарилъ также сани, обитыя бархатомъ и серебряными бляхами, бѣлаго коня въ саняхъ, кантаръ въ серебряной оправѣ съ цаплей, султаномъ и шитымъ жемчугомъ колпакомъ. Сани внутри обиты пестрымъ бархатомъ, попона красная съ жемчужными наугольниками; въ саняхъ полость и одѣяло, подшитыя соболями, у хомута 40 соболей.

Изъ подаренной шкатулки царица много раздала друзьямъ и придворнымъ дамамъ.

Въ тотъ же день въ 2 часа ночи царица выѣхала со всей своей свитой, сѣвши въ подаренную ей карету. Она выѣхала ночью для того, чтобы не было толкогни. Передъ каретой шли пѣшкомъ боярскіе сыны и галебардщики.

18 Мая 1606 г. совершалось коронованіе царицы. Передъ выходомъ изъ дворца царь и царица цѣловали крестъ и корону; ихъ окропили святой водой, затѣмъ они пошли въ церковь. По пути разостлали парчу на красномъ сукнѣ, впереди несли большую драгоценную корону, а передъ нею шли двое владыкъ съ кадильницами. За короной несли золотой тазъ и инныя церковныя принадлежности. На встрѣчу этой ко-

ронъ вышелъ изъ церкви патріархъ съ епископами и, помолившись немного вмѣстѣ съ епископами, унесъ ее въ церковь. Затѣмъ черезъ полчаса всѣ направились въ церковь. Впереди шли 150 придворныхъ въ парчевыхъ одеждахъ. За ними шли друзья воеводы; далѣе четверо вельможъ съ бердышами на золотыхъ топорницахъ, пятый съ мечемъ. Наконецъ шелъ царь въ коронѣ и драгоцѣнномъ платьѣ, украшенномъ семоцвѣтными камнями. По правую руку его велъ посолъ Малогоскій, а по лѣвую князь Мстиславскій. За нимъ шла царица, одѣтая по московски въ драгоцѣнное платье, украшенное жемчугомъ и камнями по вишневому бархату. Ее велъ по правую руку отецъ, воевода, а по лѣвую княгиня Мстиславская. За нею шли друзья воеводы и шесть жень Московскихъ сенаторовъ. Воевода былъ нездоровъ и вскорѣ вышелъ изъ церкви. Молебень служили по ихъ обряду. Послѣ молебна было оглашеніе вѣнчанія и обмѣнъ колець; затѣмъ совершили коронаваніе и миропомазаніе по Греческому обряду. Послѣ коронаванія сенаторы и всѣ думные бояре, которые были на этомъ торжествѣ и въ городѣ Москвѣ, присягали, но измѣнически. Послѣ присяги они цѣловали руку. А патріархъ поцѣловалъ корону надо лбомъ. Эти церемоніи длились нѣсколько часовъ. Въ этотъ день, кромѣ коронаціи не было ничего.

На другой день, 19 Мая въ Пятницу, былъ общій пиръ во дворцѣ для всѣхъ Поляковъ, какъ придворныхъ, такъ и офицеровъ Польскаго войска. Сперва, чуть разсвѣло, стали поочередно ударять въ литавры и трубить въ трубы до самаго полудня. Шли къ обѣду воевода и его друзья; но воевода, проводивъ въ столовую царя съ царицей, возвратился къ себѣ на квартиру, потому, что Польскій посолъ не былъ на этомъ обѣдѣ: ему не разрѣшили сидѣть за царскимъ столомъ, о чемъ воевода усиленно просилъ царя, видя въ этомъ способъ отблагодарить Польскаго короля за то, что тотъ почтилъ Русскаго посла, посадивъ его на свадебномъ пиру за свой столъ. Воевода, не получивъ этого разрѣшенія, и самъ не сѣлъ за столъ.

На этомъ пиру не происходило ничего необыкновеннаго; только царь, переодѣвшись по гусарски, сидѣлъ на престолѣ, а царица сидѣла возлѣ него на другомъ такомъ же престолѣ. Возлѣ царя по правую руку стояли вельможи съ бердышами и съ мечомъ. По сторонамъ сидѣли поодаль Московскіе сенаторы, за однимъ столомъ съ ними друзья воеводы; далѣе, придворные Польскихъ вельможъ, полковники, ротмистры, хорунжіе и другіе чины Польскихъ войскъ. Золотой и серебряной посуды больше всего поставлено было возлѣ столба, который находился посреди; столы были длиною по три сажени каждый; яства и питія разносились въ изобиліи. Послѣ обѣда вельможи веселились въ царскихъ

покояхъ, пили, танцовали, слушали музыку; но зловѣщимъ было это пятничное веселье. Послѣ обѣда воевода былъ въ покояхъ у царя по поводу Польскаго посла, но вскорѣ возвратился домой.

Въ Субботу, 20 Мая, снова заиграла непріятная трубная музыка. Передъ обѣдомъ патріархъ съ духовенствомъ вручалъ царицѣ подарки: рысей, соболей, черныхъ лисицъ, парчу, кубки. Передъ обѣдомъ воевода былъ у царя, объяснялъ ему, какъ обиженъ и оскорбленъ доброжелательный король пренебреженіемъ, оказаннымъ его послу, просилъ его одуматься и посадить посла за царскій столъ. Царь согласился, но не скоро. Сегодня однако этого нельзя было сдѣлать, а только на слѣдующій день, почему воевода и не сидѣлъ за столомъ, а обѣдалъ вмѣстѣ съ посломъ въ своей квартирѣ. Въ этотъ день тоже не было никакихъ затѣйливыхъ блюдъ, ни церемоній, ни музыки. Польскіе воины: ротмистры, воины изъ дворянъ и офицеры Польской пѣхоты были приглашены къ столу; царь пилъ здравицу всего Польскаго воинства. Царица была въ этотъ день въ Польскомъ платьѣ, а царь въ Московскомъ.

21-го Мая въ Воскресенье, посолъ вручилъ подарки отъ е. в. короля, всего 33 необыкновенныхъ предмета. Здѣсь были кубки художественной работы, была и драгоценная цѣпь. Въ тотъ же день посолъ и воевода были приглашены къ царскому столу со всей ихъ свитой. Посла угощали. Царь съ царицей были въ Польскихъ платьяхъ, въ коронахъ на головахъ; Поляки же прислуживали у стола. Царь провозгласилъ здравицу за Польскаго короля. Пила и царица.

Послѣ обѣда Польскіе вельможи танцовали. Царь передѣлся по гусарски. Одинъ разъ онъ протанцовалъ съ царицей, а другой разъ съ воеводой. Всѣ вельможи соблюдали въ танцахъ такія церемоніи: когда имъ приходилось принимать участіе въ танцахъ царя, они сперва цѣловали у него руку, потомъ проходили другъ за другомъ по порядку, снявъ шапки. Воевода и Польскій посолъ шли передъ царемъ. Когда танцовали одни Польскіе вельможи, всѣ снимали шапки, кромѣ Польскаго посла, который дѣлалъ это только проходя мимо царя. Когда же воевода танцовалъ съ царицей, своей дочерью, то Польскіе вельможи шли впереди, а посолъ съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ шли непосредственно передъ царицей. Въ танцахъ царицы принимала участіе и княжна Кошерская. Наливали много всякихъ питей. Москвичей въ этотъ день не было, кромѣ Аѳанасія и Масальскаго, двухъ бояръ. Пирующіе разошлись по домамъ лишь къ солнечному закату.

24 Мая царица угощала всѣхъ Московскихъ вельможъ въ своемъ покоѣ.

Уже въ эту ночь Москвичи толпились по улицамъ, почему солдаты стояли на готовѣ, вооружившись, какъ для битвы. Думали, что

народъ бунтуеть противъ Поляковъ; но Польскій солдатъ былъ такъ отваженъ, что могъ бы и самъ отразить толпу. Царя предупреждали, чтобы онъ остерегался измѣны, о которой говорили открыто; но царь чувствовалъ себя настолько счастливымъ, что запрещалъ говорить объ этомъ и даже велѣлъ наказывать тѣхъ, которые остерегали его. По этому иные, хотя и знали, но отъ страха молчали. 25 Мая, въ день праздника Тѣла Христова, немного стихло; но мятежники, подъ предлогомъ сохраненія безопасности, оклеветали одного Поляка, говоря, что онъ изнасиловалъ проѣзжавшую боярышню, въ чемъ была подана на другой день царю жалоба. Разслѣдованіе дѣла ничего не обнаружило; они же, негодные, поступали такъ, чтобы обманывать царя и заглаживать слѣды бунта и заговора. Въ ту же ночь пойманы шесть шпионовъ, пришедшихъ во дворецъ выслѣживать; изъ нихъ троихъ убили, а трехъ замучили.

26 Мая въ Пятницу къ воеводѣ пришли солдаты, говоря, что имъ грозитъ явная опасность. Воевода тотчасъ же пошелъ доложить объ этомъ царю; но царь посмѣялся надъ нимъ, удивляясь трусости Поляковъ; однако велѣлъ Басманову засадить ночью по всѣмъ улицамъ стрѣлецкую стражу для охраны Поляковъ, такъ какъ Москвичи начали уже сильно бунтовать. Въ эту ночь народъ, въ количествѣ 18 тысячъ, собрался на разстояніи миль отъ столицы. Мятежъ, о которомъ царь былъ извѣщенъ, растеть; онъ же думаетъ, что эти толпы собираются идти въ Крымъ, куда ежедневно высылались войска. Иамѣнники-Москвичи впускаютъ эти войска черезъ разные ворота въ городъ, говоря, что они пришли для служенія царю. Овладевъ всѣми воротами, измѣнники никого не выпускаютъ и не впускаютъ даже во дворецъ, особенно ночью. Воистину, кого Господь Богъ захочетъ наказать, того Онъ сперва лишаетъ разума; ибо наши, хотя уже видѣли большую опасность, но не собрались вмѣстѣ для обороны, даже не совѣтовались, а жили безопасно, какъ дома, и ночью сладко спали.

Коварное счастье свергаетъ съ престола Димитрія, лишаетъ его царскаго вѣнца, отнимаетъ у него скипетръ, богатства, даже жизнь, и издѣвается надъ своимъ любимцемъ. До сихъ поръ вымыселъ Димитрія о его происхожденіи успѣшно помогалъ ему во всемъ до самаго вступленія его на Московскій престолъ. Но онъ не сумѣлъ беречь и уважать свое счастье, рассчитывая на Московскіе успѣхи; поэтому оно внезапно отвернулось отъ него и перенесло его на лоно Московскаго мятежа.

Причины гибели Димитрія были слѣдующія. Онъ выбралъ себѣ въ жены не Москвичку, а Польку; Польскіе нравы и обычаи предпочиталъ Московскимъ; чрезмѣрно расточалъ Московскую казну, раздавая

ее чаще всего Полякамъ; женѣ и Польскому королю, подарилъ предметы великой драгоценности, которые услалъ за границу; раздавалъ помѣстїя и должности Полякамъ, запросто бесѣдовалъ съ ними, позволялъ имъ свободно и фамильярно бесѣдовать съ собой. Все это и удивляло, и оскорбляло Москвичей, какъ и всѣхъ тѣхъ, которые только тирановъ считаютъ своими господами, привыкнувъ страшиться ихъ, а не любить. Кромѣ того Димитрій ѣлъ телятину, не каждую недѣлю ходилъ въ баню, не билъ передъ образами обычныхъ Московскихъ поклоновъ и водилъ съ собой въ церковь собакъ. Мятежъ больше всего поддерживало подозрѣніе, что этотъ Димитрій—ложный, вымышленный. Москвичамъ сильно надоѣло распутство Поляковъ, которые стали обращаться съ ними, какъ со своими подданными, нападали на нихъ, ссорились съ ними, оскорбляли, били, напившись до пьяна, насиловали замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Зачинщикомъ этого бунта, мятежа и неповиновенія Димитрію былъ Василій Шуйскій, тотъ самый, котораго Димитрій по просьбѣ Поляковъ помиловалъ въ послѣднюю минуту, когда онъ уже стоялъ колѣнопреклоненный подъ топоромъ палача. Онъ и въ самомъ началѣ не хотѣлъ признать Димитрія истиннымъ наследникомъ престола. Вотъ этотъ-то Василій Шуйскій задумалъ погубить Димитрія, чтобы самому овладѣть царствомъ, не воображая, что и ему предстоитъ быть постыдно свергнутымъ съ престола, попасть въ неволю къ Полякамъ и умереть въ Польской темницѣ.

27-го Мая царскіе покои гремятъ отъ разнообразной музыки. Московскій Гименей пляшетъ съ Польской Венерой, которой помогаетъ Вахкъ; полные кубки переходятъ изъ рукъ въ руки между Польскими кавалерами, гулкїя трубы трубятъ здравицы, звонкимъ эхомъ раздаются волторны, даже орудїя провозглашаютъ здравицы. Всѣ опьянѣли: кто отъ Фалерискаго вина, а кто отъ любви. Одни пошли отдыхать и безопасно спать; другіе, возвратившись домой, бесѣдуютъ, превознося царя и суля для себя въ будущемъ еще болѣе драгоценныя, несчетныя милости отъ царскихъ щедротъ, съ которыми они и вернутся въ Польшу. У каждаго гоститъ Гименей, о Марсѣ не думаетъ никто. Вдругъ ударили—но не въ литавры, а во всѣ колокола. Отовсюду стекается несмѣтное количество вооруженныхъ людей во дворецъ, которымъ они безъ труда овладѣваютъ. Алебардчики разсыяны. Затѣмъ самъ Шуйскій врывается съ вооруженными людьми во дворецъ. Димитрій, испуганный набатомъ, криками, смятеніемъ и звономъ оружія, окруженный со всѣхъ сторонъ, въ отчаяніи ищетъ какого-нибудь убѣжища, чтобы спасти жизнь; но нельзя ему нигдѣ укрыться: непріятель не даетъ ему времени, гонимъ за нимъ изъ покоя въ покой. Тогда онъ прыгаетъ въ окно и, падая внизъ, причиняетъ себѣ пораненіе. Враги убиваютъ

его и на веревкѣ, затянутой вокругъ шеи по грязи тащатъ на рынокъ, на глаза черни. Тутъ они его постыдно обнажили, плевали на него, отрѣзали носъ и уши, испачкали трупъ въ зловонныхъ клоакахъ, привязали къ хвосту лошади и всячески издѣвались надъ нимъ. Наконецъ, оставивъ его въ теченіе двухъ дней на рынокѣ, они говорили Полякамъ, что приведенный ими царь лежитъ въ пыльномъ убранствѣ. Они обливали его голову помоями и вонючей жидкостью, а на третій день, привязавъ къ шесту, сожгли. Такъва была кончина гордаго Димитрія, пренебрегаемаго предостереженіями доброжелательныхъ къ нему Поляковъ.

Во время смятенія царица не успѣла одѣться, такъ какъ дѣло происходило на зарѣ. Всѣ придворныя дамы были еще безъ головныхъ уборовъ: со сна онѣ не успѣли позаботиться о костюмѣ. Услыша возню во дворцѣ, царица выбѣжала и желала узнать, въ чемъ дѣло; когда же узнала, что царя убили, она вернулась на верхъ. Когда она шла по лѣстницѣ, ее толкнули, но никто не узналъ. Еслибъ узнали, то вѣроятно убили бы. Она вошла въ помѣщеніе, гдѣ собрались и печально сидѣли придворныя дамы.

При царицѣ состоялъ камердинеромъ Янъ Осмолевскій. Когда мятежники стали приближаться сюда, онъ высочилъ, загородилъ имъ путь, сталъ рубить направо и налево и долго защищался, потому что они не могли справиться съ нимъ въ тѣсномъ углу. Удивительно, что онъ одинъ, безъ всякой помощи, защищенный только стѣной и двумя боковыми колоннами, изранилъ пятьдесятъ Москвичей и двадцать убилъ. Изнеможенный наконецъ, онъ лишился сознанія; тогда Москвичи изрубилъ его и нагнали собакъ, которыя тутъ же сожрали его трупъ. Затѣмъ они ранили выстрѣломъ старую придворную даму, Хмѣлевскую, отъ чего она черезъ нѣсколько дней умерла. Но въ эту минуту подошли бояре, которые перевели царицу со всѣми женщинами въ другой покой съ увѣреніями, что имъ не грозитъ никакой опасности. Но у царицы отобрали всѣ драгоценности, деньги, богатства и лучшія украшенія, подаренныя ей мужемъ, а также и ея собственныя, привезенныя изъ Польши, отобрали не только драгоценныя ткани, парчу, но и всѣ платья, всѣ женскія наряды, оставивъ ее и придворныхъ дамъ въ однихъ исподницахъ и накидкахъ. Чернь они разогнали и поставили стражу. Слава Богу, что оставили женщинъ въ живыхъ.

Воевода, еще ничего ни зная о царѣ, но вида бунтъ, сталъ опасаться за свою жизнь. Остальныхъ во дворцѣ уже нельзя было спасти, такъ какъ ворота были заперты. Мы съ воеводой крѣпко забили окна и двери, ибо насъ было немного. 60 человекъ пѣхоты, которые ночью стояли на стражѣ по приказанію воеводы, разошлись по домамъ, а

остальные 60 не торопились придти. Но всё мои люди, которыхъ было около 300, видя опасность, двинулись къ дому воеводы, чтобы защищать его; ихъ однако не пропустили, такъ какъ всё улицы были загорожены палисадами и частоколами; они только выстроились подъ знаменемъ. Всё улицы были заняты вооруженными людьми, которые не дерзали однако напасть на отрядъ воеводы, выстроенный въ боевомъ порядкѣ. Итакъ, воевода остался только со слугами и мелкой челядью. Но мы готовы были защищаться до послѣдней возможности, боясь, чтобы и съ нами не поступили какъ, съ другими на нашихъ глазахъ. Орудія были уже направлены прямо къ намъ въ окна, инныя были выстроены у стѣнъ; но наши стѣны были каменные, сводчатые и очень крѣпкія: взять насъ приступомъ было бы трудно; можно было бы только уморить голодомъ. Они уже кидали въ насъ камнями, а стрѣльцы врывались черезъ извѣстный намъ проломъ стѣны; но бояре, подѣхавъ къ воротамъ, крикнули, чтобы воевода выслалъ кого-нибудь изъ старшихъ для переговоровъ съ ними. Мы не довѣряли имъ, поэтому они дали намъ въ заложники одного боярина, начальника 500 стрѣльцовъ. Воевода послалъ тогда своего старшаго слугу Станислава Поголинскаго; не рѣшаясь открыть ворота, мы помогли ему перелѣзть черезъ ограду. Увидя, что онъ вооруженъ, они убѣдились, что вооруженныхъ у насъ довольно. Когда онъ пришелъ къ думнымъ боярамъ, одинъ изъ нихъ, по имени Татищевъ, состоявшій въ числѣ самыхъ опасныхъ измѣнниковъ, обратился къ нему съ рѣчью, объясняя, что «Всемогущій Богъ хранить Своимъ Провидѣніемъ всякія государства и править ими по Своей волѣ. Поэтому все, что здѣсь случилось, случилось по Божьей волѣ, и измѣнникъ, несправедливо овладѣвшій нашимъ государствомъ, не происходя изъ царскаго поколѣнія, недолго тѣшилсѣ обладаніемъ его: сегодня насталъ конецъ его жизни и царствованія. Твоему господину слѣдовало бы тоже поплатиться жизнью вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ онъ былъ его опекуномъ. Онъ первый привелъ его въ нашу землю, онъ причиной всѣхъ бывшихъ несчастій и золь, онъ ввелъ смятеніе въ спокойную страну. Пусть же онъ благодаритъ Бога за то, что остался цѣль сегодня и пусть впредь не ожидаетъ никакой опасности ни для себя, ни для дочери, которую мы обезопасили со всей ея свитой. Иди и передай это своему господину».

Тогда только мы убѣдились, что царь убитъ. Нами овладѣла великая скорбь; но съ другой стороны мы радовались, что насъ обезпечили миромъ.

Едва мы успокоились немного, какъ опять ударили въ колокола: оказалось, что всѣми силами осаждали князя Вишневецкаго. Не зная, въ чемъ дѣло, онъ хотѣлъ уже скакать верхомъ со всѣми своими слугами и челядью во дворецъ или въ поле; когда же его увѣдомили объ

убіеніи царя, онъ рѣшилъ, что ѣхать не зачѣмъ, велѣлъ всѣмъ спѣшиться и собирался защищаться дома. Но его обезпечили миромъ и дали приставовъ; чернь же, жаждая добычи, напала на нихъ. Тогда князь собралъ своихъ и бросился на осаждающихъ. Москвичи, не будучи въ состояніи одолѣть его, подкатили орудія и стали стрѣлять въ домъ. Поляки продолжали защищаться. Воины князя Вишневецкаго убили до 300 Москвичей; имъ еще помогъ пушкаръ, который плохо направилъ дуло (не въ стѣну, а въ осаждающихъ, отъ чего погибло множество людей). Самъ князь не хуже другихъ пронызывалъ враговъ пулями.

Шуйскій, видя, какъ гибли Москвичи, крикнулъ князю, чтобы тотъ остановился; онъ вынулъ крестъ и цѣловалъ его, обѣщая ему миръ. Князь повѣрилъ ему и впустилъ его къ себѣ. Шуйскій, войдя во дворецъ, громко заплакалъ, при видѣ убитыми столькихъ Москвичей. Опасаясь, чтобы князь не подвергся новому нападенію черни, онъ взялъ его съ собою въ другое помѣщеніе, куда велѣлъ переправить важнѣйшихъ его слугъ, лошадей и всѣ вещи. Во время этого нападенія у князя было убито 17 человекъ солдатъ и одинъ слуга.

Къ Красноставскому старостѣ тоже стали уже подбираться и осаждали его, подкапываясь подъ заборы; онъ защищался со своими. Прибѣжали бояре, которые и уняли Москвичей.

Уже до этого многихъ изъ нашихъ побили на Никитской улицѣ, гдѣ стояла свита царицы. Туда направили большинство силъ, ибо на этой одной улицѣ находилось нѣсколько сотъ Поляковъ; но численность ихъ не помогла имъ спасти себя. Нѣкоторые спали еще, когда уже всѣ дома были окружены, поэтому каждый защищался съ челядью изъ своею квартиры. Нѣкоторые, находясь по сосѣдству, перебирались къ кому нибудь одному и защищались сообща; иные дрались на улицѣ; когда порохъ вышелъ у нихъ весь, они выскочили на улицу съ саблями и чеканами. Во время этого приступа погибло очень много Москвичей, ибо наши защищались мужественно и настойчиво. Изъ Поляковъ погибли только тѣ, которыхъ Москвичи взяли на вѣру и, отнявъ у нихъ оружіе, убили; тамъ же, гдѣ нашихъ было нѣсколько или нѣсколько десятковъ человекъ въ защищенномъ мѣстѣ, Москвичи ничего не могли сдѣлать и отказывались отъ осады. Тамъ погибли: Андрей Комаровскій, который долго и храбро защищался саблей, Самуилъ Стшижевскій, Яковъ Городецкій, слуга воеводы, Станиславъ Лагевскій, Янъ Забавскій, Войцѣхъ Пышхлинскій, Станиславъ Сумовскій, Яковъ Солецкій, Пшецлавскій, Глинскій, Крушинскій, Марцинковскій, Готардъ Ганчикъ, Куновскій, Міяковскій, Витовскій, Галлеръ, Боболо. Изъ слугъ убитаго царя погибли: Склинскій, Липницкій, Борша, Чар-

новицкій, Ивановскій, Храпковскій, Вонсовичъ, Петчицкій, Гарабурда, Головня. Надъ ними бунтовщики проявили большую жестокость: когда нѣкоторые изъ нихъ, повѣривъ клятвамъ заговорщиковъ, сдавались, то послѣдніе грабили ихъ, раненыхъ убивали, невѣроятно тиранили, глумились надъ трупами, распарывали ихъ, кололи, четвертовали, срѣзали жиръ, бросали въ лужи, въ навозъ, въ воду. На этой улицѣ они награбили много добычи, такъ какъ тамъ жили многіе богатые и нарядно одѣвавшіеся Поляки. Царскаго слугу Склинскаго они распяли на столбѣ, обрѣзали ему руки и ноги, распороли животъ и вбили на колѣ.

Осаждавшіе князя бросились на домъ Сигизмунда Тарла, Пшеминскаго хорунжаго. Онъ не могъ дать имъ отпора; поэтому они скоро овладѣли домою, подстрѣлили даже его супругу, убили нѣсколько челоувѣкъ изъ челяди и разграбили все добро. Тарло съ супругой остались въ однѣхъ рубахахъ. Тоже случилось съ госпожею Гербуртъ и съ Любомірскимъ. Оттуда они стали осаждать находящагося по сосѣдству королевскаго секретаря, ксендза Помаскаго. Онъ какъ разъ служилъ обѣдню и едва успѣлъ произнести: *Ite missa est*, какъ была взломана послѣдняя дверь. Онъ былъ еще въ облаченіи; его раздѣли и тамъ же предъ алтаремъ убили. Брата его и челядь тоже перебили, а вещи разграбили. Тамъ находился и ксендзъ Александръ Шендешкій, Бобовскій каноникъ; ему удалось спастись нагимъ, благодаря Нѣмецкому говору, такъ какъ его сочли за Нѣмца. Но если бъ они знали, что это ксендзъ, то непременно убили бы его. На Саноцкаго старосту не нападали, такъ какъ знали, что у него 100 конныхъ драгунъ и 200 пѣхотинцевъ. Сюда же сбѣжались: Немоевскій, королевскій подстоольничій, Корытко и Вольскій. Видя, что тутъ много вооруженныхъ людей, бунтовщики отошли. Только одинъ негодяй пустилъ пулю надъ головой старосты и едва не попалъ въ него.

Луковскій староста, замѣтя утромъ волненіе, пошелъ къ королевскому послу, куда собралось и много другихъ. Посоль велѣлъ всѣхъ пускать къ себѣ; да и послѣ мятежа они еще долго оставались у него: посольскій домъ не тревожили. На Стадницкихъ бунтовщики бросились было, но тамъ имъ ничего не удалось сдѣлать, потому что тѣ храбро защищались. Павелъ Тарло, сынъ Сохачевскаго старосты, и Самуилъ Балъ долго защищались въ одномъ домѣ. Москвичи, будучи не въ состояніи одолѣть ихъ безъ потерь, обѣщали имъ миръ. Балъ повѣрилъ имъ, вышелъ и отдалъ оружіе; но они, измѣнники, изрубиди и его, и его слугъ. Видя это, Тарло не вышелъ и остался невредимъ. Обманувъ также Петра Доморацкаго, они и его убили, выведя за ворота. Яковъ Броневскій, проснувшись на разсвѣтъ, не могъ больше уснуть. Какъ только разсвѣло, онъ одѣлся и, замѣтя тревогу, сѣлъ на коня, взялъ

съ собой трехъ всадниковъ и невредимо прїѣхалъ къ воеводѣ. Убитъ былъ также Краковскій купецъ Целярій, у котораго расхищены всѣ драгоцѣнности и товары. Баптиста, другого Краковскаго купца, они бросили, думая, что онъ уже мертвъ, но ему Господь вернулъ здоровье. Онъ остался нагимъ и лишился крупной суммы золота. Немало побили и другихъ купцовъ, забравъ у нихъ много золота, серебра и другихъ товаровъ; больше всего пропало драгоцѣнностей, которыя царь взялъ у нихъ, но за которыя не заплатилъ.

Всѣхъ Поляковъ, согласно спискамъ, погибло до 500, а Москвичей 1800 съ лишнимъ.

За наши прегрѣшенія Господь Богъ лишилъ насъ разума; поэтому-то намъ и не пришло въ голову во время защититъ себя, хотя мы и замѣчали, что происходитъ что-то неладное. Если бъ мы собрались всѣ вмѣстѣ и стали на смежныхъ позиціяхъ, бунтовщики не дерзнули бы напасть на насъ и, во всякомъ случаѣ, не одолѣли бы насъ.

Въ тотъ же день Татищевъ и Голицынъ, два именитѣйшихъ сенатора и главные, послѣ Шуйскихъ, руководители заговора, пришли къ воеводѣ, чтобы навѣститъ и успокоить его. Воевода былъ также въ этотъ день во дворцѣ у царицы, съ тремя всадниками, воспользовавшись разрѣшеніемъ боярѣ. Ему съ трудомъ удалось пробратъся живымъ, ибо чернь все еще стояла у дворца и какъ только воевода вошелъ туда, всѣ толпой бросились за нимъ; но бояре велѣли затворить ворота. Воевода засталъ всю свиту и придворныхъ дамъ царицы безъ одеждъ и опечаленный вернулся домой среди толпы, которая смотрѣла на него, какъ на какое-то диво.

Новый царь Василій Шуйскій.

29 Мая 1606 года выбрали другого царя, князя Василія Шуйскаго. При его избраніи было очень мало боярѣ и черни. Избравъ, они представили его міру. Царь сейчасъ же прислалъ сказать воеводѣ, чтобы тотъ ни о чемъ не беспокоился, увѣряя его, что «все буде гораздо». Царицѣ прислали во дворецъ все, въ чемъ она нуждалась. Такъ какъ она не могла ѣсть тамошнихъ яствъ, то посылали въ кухню къ воеводѣ, гдѣ варили кушанье для царицы и потомъ приносили во дворецъ. Солдаты воеводы вывели изъ столицы и повели къ границѣ, оставивъ при воеводѣ 230 человекъ.

2-го Іюня. Отнявъ у царицы все, что она получила отъ царя и что привезла съ собой, ее отослали вечеромъ вмѣстѣ со всѣми женщинами въ помѣщеніе, которое занималъ воевода. На другой день ей прислали нѣкоторыя вещи, совершенно пустыя шкатулки и ящики и немного платья; а драгоцѣнности, наряды, деньги, жемчугъ и другія украшенія, лошадей и коляски задержали.

9-го Іюня послали за воеводой во дворець. Когда онъ, всего съ девятыю другими предсталъ передъ думными боярами, то между ними начались препирательства и долгіе споры. Бояре обвиняли воеводу во всѣхъ убійствахъ, кровопролитіи и мятежахъ, возникшихъ послѣ приведенія имъ Дмитрія (котораго они звали Разстригой и замѣнникомъ) въ Москву. Они говорили: «Богъ чудесно спасъ тебя, воевода, отъ гонимой смерти; благодари Его за это, ибо и съ тобой должно было случиться то, что случилось съ Разстригой».

Коронованіе новаго царя совершилось 11 Іюня довольно жалкимъ образомъ, потому что престонародія было много, а бояръ всего нѣсколько человѣкъ.

23 Іюня 1606 г. Когда думные бояре въ обширныхъ рѣчахъ слагали всю вину за нарушеніе общаго мира въ государствахъ и за кровопролитный Московскій мятежъ на короля, Рѣчь Посполитую и на Сендомірскаго воеводу, Мологоскій отвѣчалъ имъ:

«И до насъ, въ государствѣ е. в. милостиваго короля нашего, дошла вѣсть о томъ, что послѣ великаго государя вашего, Ивана Васильевича, остался ребенкомъ Дмитрій, которому былъ данъ въ удѣлъ Угличъ. Ходилъ также слухъ о томъ, что Борисъ велѣлъ его убить. Человѣкъ, котораго вы называете ложнымъ Дмитріемъ, появившись въ государствѣ е. в. нашего короля, приводилъ много доводовъ и показывалъ знаки на тѣлѣ, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ истинный Дмитрій Ивановичъ. Онъ говорилъ что Господь Богъ чудесно избавилъ его отъ тирана Бориса, который искусно и въ свою пользу умертвилъ великаго государя Федора Ивановича, обманулъ и уничтожилъ многіе изъ вашихъ знатныхъ родовъ, а васъ, думные бояре, и многихъ знатныхъ людей такъ притѣснялъ, что вамъ негдѣ было искать помощи и совѣта. Въ проискахъ и злодѣйствахъ Бориса нельзя было сомнѣваться; ибо мы слыхали о нихъ не только отъ этого убитаго человѣка, но и отъ многихъ другихъ изъ вашего народа. Однако я скажу, что этому убитому человѣку не только е. в. король государь нашъ, но и придворные е. к. в. не вѣрили, и онъ долго подвергался насмѣшкамъ. Потомъ представители вашего народа, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, примкнули къ нему, единодушно утверждая, что онъ истинный царевичъ, Дмитрій Ивановичъ. Когда они явились съ нимъ къ е. в. королю, то е. в. не соглашался съ ними, но съ другой стороны вспомнилъ о необъяснимыхъ Божьихъ чудесахъ и о примѣрахъ исторіи, по которой извѣстны неудачные случаи покушенія злодѣевъ на жизнь царскихъ дѣтей для отнятія у нихъ престола. Хотя е. в. зналъ о тираніи Бориса, но, будучи набожнымъ христіанскимъ монархомъ, строго соблюдалъ договоры, заключенные съ вашимъ великимъ государемъ и поэтому не смелъ возможнымъ объявлять вамъ войну изъ за Дмитрія. Онъ поручилъ все дѣло Божьей волѣ, искренно вѣря, что истинный наследникъ съ Божьей помощью легко овладѣетъ престоломъ предковъ. Ни своихъ гетмановъ, ни войска онъ къ вамъ не слалъ. Человѣка этого считали у насъ не царевичемъ, а нищимъ, и подавали ему даже милостыню по

христіанскому обычаю. Иные, какъ напримѣръ Сендомірскій воевода, человѣкъ искренній и добродѣтельный, вѣрили, что этотъ человѣкъ— истинный царевичъ. Онъ согласился на просьбы его и примкнувшихъ къ нему Москвичей и далъ имъ небольшой отрядъ воиновъ, чтобы итти къ Московской границѣ. И онъ, и тѣ Москвичи, что къ нему примкнули, увѣряли, что Москва приметъ его съ хлѣбомъ-солью и покорится ему со всѣми крѣпостями, какъ своему наслѣдному государю; если-жъ этого не будетъ, тогда Сендомірскій воевода вернется отъ границы назадъ, чтобы не нарушить заключеннаго договора.

«Дѣйствительно, не доходя до Московской граници, еще во владѣніяхъ е. в. короля, подданные встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, какъ онъ предсказалъ. Ему добровольно сдались Моравскъ и Черниговъ, что еще болѣе убѣдило людей въ истинности его происхожденія. Еслибъ тѣ Москвичи, которые считали этого человѣка своимъ царевичемъ, прислали сенаторамъ короны письмо за подписью бояръ и здѣшняго духовенства, то ни е. в. король, ни сенаторы не стали бы вмѣшиваться ни въ дѣла Бориса, ни въ дѣла того убитаго человѣка, а только глядѣли бы издали, ожидая справедливаго суда Божьяго».

«Когда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ Москвичи сопротивлялись, а Борисъ писалъ къ е. в. королю, называя этого человѣка такъ же, какъ и вы, Гришкою Отрепьевымъ, а не Димитріемъ, и напоминая е. в. королю о заключенныхъ съ нимъ договорахъ: то нашъ государь послалъ строжайшія грамоты Сендомірскому воеводѣ и тѣмъ войскамъ, которыя были подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, приказывая имъ прекратить всякія сношенія съ этимъ Отрепьевымъ и тотчасъ же возвратиться назадъ изъ Московскихъ предѣловъ. Дѣйствительно, воевода и его Польскія войска тотчасъ же вернулись оттуда въ Польшу; а такъ называемый Отрепьевъ остался тамъ съ вашими Доускими казаками, съ частью Запорожцевъ и съ другими отрядами вашего Московскаго народа, которые забрали его своимъ государемъ. Послѣ отъѣзда Сендомірскаго воеводы въ Польшу, многія крѣпости, отступивъ отъ Бориса, признали Отрепьева своимъ истиннымъ царемъ».

«Когда же Борисъ скончался, и вы остались безъ государя, никого не забирая, е. в. король подумалъ, что, не завися ни отъ Бориса, ни отъ Отрепьева, вы пошлете ему увѣдомленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ; но вы вмѣсто увѣдомленія собираете все ваше лучшее Московское войско, которое было подъ Кромами, князей, воеводъ, доблестное воинство, и всѣ вы добровольно кланяетесь Отрепьеву, признавая его своимъ наслѣднымъ государемъ и приводите его сюда въ столицу. И хотя Димитрій (котораго вы называете Гришкою Отрепьевымъ) находился еще далеко, вы, думные бояре, сагаете подъ стражу жену и сына Бориса, а именитѣйшіе изъ васъ, какъ то: князь Мстиславскій, князя Шуйскіе, кн. Голицынъ и другіе думные бояре и дьяки ѣдете встрѣчать его на разстояніи дѣльхъ 30 миль отъ вашей столицы Москвы, провозглашаете его своимъ государемъ, приносите ему присягу и, приведя сюда въ столицу, коронуете. Затѣмъ вы разрѣшили своему послу, думному боярину Анастасію, котораго Борисъ посылалъ и къ е. в. королю, и къ христіанскому императору и къ другимъ госуда-

рямъ—прійхать къ е. в. королю. Онъ представилъ актъ, скрѣпленный Московскою государственною печатью, благодарилъ за хлѣбъ-соль и за благосклонность, оказанную царю въ государствѣ е. в. короля, и заявилъ о его желаніи быть въ вѣчной дружбѣ съ е. в. королемъ. Затѣмъ онъ просилъ е. в. короля, чтобы онъ разрѣшилъ Сендомірскому воеводѣ отдать свою дочь Димитрію въ жены. Е. в. король, желая сохранить вѣчный миръ съ Московскою монархіею, съ радостью далъ на это свое разрѣшеніе. Отъ имени вашего государя Димитрія бояринъ Аѳанасій повѣнчался съ дочерью Сендомірскаго воеводы. И до этого, и послѣ, всѣ гонцы, посылаемые къ е. в. королю и къ воеводѣ, утверждали, что царь—истинный Димитрій. Затѣмъ воевода привезъ сюда свою дочь, а е. в. король отправилъ насъ, своихъ пословъ, на свадьбу для скрѣпленія нашей общей дружбы мирными переговорами. Знатные Московскіе сенаторы, кн. Василій Масальскій и думный бояринъ Нагой съ великимъ Московскимъ посломъ встрѣтили воеводу и его дочь на границѣ и привели ихъ сюда въ столицу. Вы, думные бояре, еще за городомъ привѣтствовали ее, какъ свою государыню, и присягнули ей. Потомъ она была всенародно коронована вашимъ патріархомъ и владыками при соблюденіи вашихъ Русскихъ церемоній. Насъ, пословъ, встрѣтилъ подъ Смоленскомъ вашъ полкъ съ приставами, для сопровожденія сюда до самой столицы. Мы собирались съ вами на совѣщанія, и никто изъ васъ не выражалъ сомнѣнія на счетъ подлинности Димитрія. Хотя нѣкоторые люди изъ вашего народа сомнѣвались въ томъ, что онъ истинный Димитрій, но вы, Москвичи, сами разсѣяли всѣ сомнѣнія, торжественно объявивъ сосѣднимъ государствамъ, что онъ вашъ истинный государь и наследникъ. Убивъ же его, вы теперь свидѣтельствуете противъ себя, обвиняя е. в. короля нашего и Рѣчь Посполитую въ томъ, въ чемъ сами виноваты. Мы не коримъ васъ за его смерть, такъ какъ у насъ нѣтъ причинъ сожалѣть о немъ: вы сами были свидѣтелями того, какъ онъ обращался съ нами, несправедливо требовалъ императорскаго титула, не велѣлъ принимать писемъ отъ е. в. короля и сталъ не въ мѣру спѣсивъ. Мы очень удивлены и опечалены тѣмъ, что вы посягнули на жизнь знатныхъ Поляковъ и нашихъ воиновъ, которые не подали никакого повода къ несогласіямъ съ вами изъ за него. Вы же многихъ нашихъ убили, совершили великое кровопролитіе, расхитивъ наши деньги и имущество. Убивъ Гришку Отрепьева, вы должны были удовлетвориться, а насъ оставить въ покоѣ, такъ какъ мы васъ не трогали. вмѣсто того, чтобы утѣшить насъ, вы стараетесь еще больше растравить нашу скорбь. Вся вина лежитъ на васъ, потому что договоръ ни въ чемъ не нарушенъ съ нашей стороны».

«Мы надѣялись, что все происшедшее вы примите, какъ кару за свои грѣхи и Божье предостереженіе, испросите прощенія сперва у е. в. короля нашего, потомъ у воеводы, вернете его дочери все то, что вы у нея похитили и тотчасъ же выведете подъ своимъ копьёмъ изъ Москвы всѣхъ Поляковъ и насъ пословъ со всѣмъ нашимъ имуществомъ. А мы, возвратясь къ е. в. королю нашему, строго будемъ блюсти неприкосновенность договоровъ и вѣчный миръ съ вами. Если же вы не отошлете насъ со всѣмъ имуществомъ въ Польшу

и не извинитесь передъ е. в. королемъ нашимъ, то нельзя ничего ждать хорошаго отъ взаимныхъ отношеній между нашими народами».

Бояре были сильно поражены этой свободной, дерзновенной рѣчью пословъ, которые, не будучи посланы къ теперешнему правительству, а къ бывшему растригъ Грипкѣ Отрепьеву, осмѣливались бросить такой упрекъ Московскому Сенату и открыто обвинять его. Сильно озлобились бояре за рѣчь посла и его несокрушимые доводы, подтверждающіе ихъ виновность.

Посламъ такъ отвѣчалъ думный бояринъ Татищевъ: «Почто вы тутъ до Москвы пришли, напали на нашъ край.... и стучала на волка.... коза, а волкъ съѣлъ-то ее и схватилъ другую. Ахъ, кавалеры, ахъ, кто васъ не знаетъ, пускай стануть, если вашъ Марсъ въ трубы заиграетъ, какъ..... *) къ лисѣ, въ свою сторону, такъ всѣ удираете къ другимъ подь охрану».

Когда же послы хотѣли требовать удовлетворенія за такой мужицкій отвѣтъ, они не дали имъ говорить и воскликнули:

«Слушай, ты, полякъ, не дури! Говори, не говори, что хочешь говори, намъ то все буде лихо. Ступай дальше, не говори, молчи. Коли дураки, такъ что будетъ, что не будетъ, быть намъ у насъ въ посрамленіи, гораздъ молодець Москаль. Полякъ, не бурчи: колы не будешь уходить, побьемъ».

Претерпѣвъ такое оскорбленіе, послы вышли. Ихъ потомъ долго держали арестованными подь стражей, и они пробыли въ Россіи почти два года.

23 Юня царь отправилъ своего посла къ е. в. королю, съ которымъ позволилъ каждому изъ нашихъ отправить гонцовъ съ письмами, что они и сдѣлали.

25 Юня собралось нѣсколько десятковъ тысячъ народу передъ воротами дворцоваго двора, на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ царь обыкновенно являлся народу. Миръ собрался съ оружіемъ, съ камнями; но мы не знали, зачѣмъ. До насъ дошли слухи о томъ, что нѣкоторые бояре, озлобленные на королевскихъ пословъ, безъ вѣдома царя и другихъ бояръ, вабунговали чернь, сказавъ, что царь велѣлъ побить остальныхъ Поляковъ. Царь выѣхалъ къ нимъ и, выслушавъ причину ихъ сѣборища велѣлъ имъ разойтись, а бунтовщиковъ наказать. Но мы сильно встревожились и нѣсколько ночей почти не смыкали глазъ.

1-го Юля до насъ дошли слухи о томъ, что Димитрій живъ и избѣгъ опасности; но мы этимъ слухамъ не вѣрили.

8-го Юля перевели воеводу съ царицей и со всей челядью изъ Борисова дворца за другую стѣну, въ домъ Аванасія, который за свое посольство въ Польшу былъ сосланъ въ Сибирь.

*) Не разобрано.

15-го Юля Саноцкаго старосту первый разъ пустили къ воеводѣ. Въ слѣдующіе дни бояре вели тайные переговоры съ міромъ, выѣзжая въ поле. Они желали погубить насъ, но міръ не позволялъ; а потому въ эти дни мы тревожились.

1-го Августа во дворцѣ поднялось смятеніе изъ за подброшенныхъ писемъ, которыя были подписаны именемъ Димитрія. Ихъ не хотѣли читать всенародно, но, считая подложными, испытывали почерки всѣхъ дьяковъ, при чемъ оказалось, что ни одинъ изъ нихъ не писалъ такимъ почеркомъ. Въ виду же того, что народъ льнулъ къ Димитрію, появившись ему въ вѣрности и повиновеніи, правительство сильно встревожилось и стало поспѣшно собирать войска. Но мы никакъ не могли повѣрить тому, что Димитрій живъ.

20-го Августа приказано было воеводѣ, царицѣ, Красноставскому старостѣ, сыну его, Луковскому старостѣ и Саноцкому старостѣ приготовляться въ путь, въ крѣпость Ярославль, расположенную еще дальше Москвы, на разстояніи 42 миль отъ нея. Остальныхъ вельможъ, какъ-то князя Вишневецкаго, Тарлова, Стадницкихъ и другихъ, отправилъ съ женами (ибо онѣ ѣхали на свадьбу, а не на войну), въ другія крѣпости.

Мы выѣхали изъ столицы 26 Августа. Всѣхъ насъ было 375 человекъ вмѣстѣ со свитой придворныхъ дамъ царицы. Къ намъ приставили 300 Московскихъ стрѣльцовъ. Въ эту ночь сгорѣлъ въ столицѣ домъ Бориса, гдѣ стоялъ воевода, и Монастырскій дворъ, такъ что и церковь оказалась поврежденной.

4-го Сентября. Мы остановились на Ярославскомъ предмѣстьи. Намъ отвели четыре двора на предмѣстьѣ за валомъ. Три изъ нихъ были вмѣстѣ, а четвертый поодаль. Въ одномъ изъ нихъ поселился воевода со слугами; въ другомъ, смежномъ, царица съ придворными дамами, въ третьемъ—старосты Саноцкій и Луковскій, а въ отдаленномъ—Красноставскій. Остальныхъ помѣстили по близости.

Городъ Ярославль представляетъ довольно большое поселеніе, но онъ неказистъ; каменныхъ построекъ нѣтъ, кромѣ монастыря, окруженнаго каменной же оградой. Полуразрушенный замокъ обнесень заборомъ; онъ расположенъ на курганѣ въ междурѣчьи Которосли и Волги. Городъ тянется отъ берега къ берегу и, начиная съ предмѣстья, онъ окруженъ валомъ вышиною въ двѣ копны. Мы стояли за этимъ валомъ.

Прибыли въ Ярославль письма царя Шуйскаго, въ которыхъ онъ велитъ не вѣрить тому, что Димитрій живъ, потому что онъ еще мальчикомъ былъ убитъ въ Угличѣ, по приказанію Бориса, и останки его

перенесены въ Москву; тотъ же, котораго убили въ Москвѣ назывался Гришкой Отрепьевымъ, Разстригой. Теперь появился другой такой измѣнникъ, который оустошаетъ ихъ земли съ шайкой подобныхъ себѣ разбойниковъ, захватывая нѣкоторые укрѣпленные города силой, а другіе обманомъ и называя себя Димитріемъ. «Поэтому, если онъ и къ вамъ станетъ писать, не вѣрьте ему, сдержите данную мнѣ присягу и молитесь Господа Бога о томъ, чтобы мнѣ удалось погубить этого измѣнника».

Такия письма читались всенародно.

Вскорѣ бояре и войска Шуйскаго возвратились, проигравъ сраженіе, въ которомъ у нихъ, по ихъ же словамъ, погибло до семи тысячъ человекъ. Это сраженіе происходило на разстояніи восьми миль отъ столицы Москвы, послѣ чего войско Димитрія быстро подступило къ Москвѣ. Мы хорошо знали одно: что войско Шуйскаго всегда въ проигрышѣ и постыдно разбито. Мы не знали только, кто билъ; что Димитрій—мы не могли повѣрить этому; нѣкоторые называли Петраска.

Пристава приказывали намъ именемъ царскимъ отдать свое оружіе; мы же отвѣтили, что не отдадимъ его, развѣ только вмѣстѣ съ жизнью; поэтому они часто пугали насъ вымышленными опасностями.

Прибылъ отъ царя, или неизвѣстно отъ кого, бояринъ, который увѣрялъ, что его послали для отобранія у насъ оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ всему міру собраться на валахъ, чтобы насъ утратить, а самъ съ приставами пріѣхалъ къ воеводѣ и царскимъ именемъ требовалъ выдачи оружія. Вельможи отвѣтили: «Мы скажемъ тоже, что и раньше говорили, наше вооруженіе достанется вамъ только съ нашей жизнью». Вмѣсто того, чтобы насъ напугать, они сами испугались, ибо наши, увидя нѣсколько тысячъ народа на валу, тотчасъ же схватились за оружіе. Приставы велѣли стрѣльцамъ закрыть наши ворота; когда тѣ подошли къ воротамъ, одинъ изъ нашихъ разогналъ ихъ винтовкой. Затѣмъ насъ увѣрили въ томъ, что не будутъ больше тревожить, велѣли черни разойтись, и сами отъѣхали прочь. Обо всемъ этомъ они доложили царю, и бояринъ уѣхалъ.

Приѣзжалъ изъ столицы гонецъ, объявляя царскую милость воеводѣ: царь не будетъ отбирать оружія отъ Поляковъ; пусть только оно хранится у одного воеводы, который будетъ отвѣчать за всѣхъ, если кто-нибудь изъ Поляковъ провинится или перейдетъ на сторону измѣнника Димитрія.

Два легкоконныхъ воина изъ знатныхъ дворянъ ушли изъ города пѣшкомъ. Приставы, узнавъ объ этомъ на другой день, подняли большой переполохъ, подозрѣвая, что воевода выслалъ ихъ съ письмами въ Польшу. Воевода доказалъ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ.

Впослѣдствіи приставы и сами убѣдились въ этомъ. Тогда они стали требовать выдача вонна, жившаго въ одномъ домѣ съ двумя ушедшими. Товарищи взяли его къ себѣ и не хотѣли выдавать; а Русскіе, вооружившись, собрались и послали сказать Польскимъ воннамъ, что закидаютъ ихъ кольями, если не выдадутъ измѣнника. Тѣ отвѣчали, что не выдадутъ, развѣ только ихъ вытаскать мертвыхъ вмѣстѣ съ нимъ. Когда утихло, воинъ этотъ пошелъ было вечеромъ къ Саноцкому старостѣ. Стража, завидя его, подняла крикъ; на него напало нѣсколько сотъ человекъ спереди и сзади; онъ довольно долго избѣгалъ ихъ въ переулкахъ, страшая оружіемъ, и наконецъ попалъ на дорогу, ведущую къ нему въ домъ. Дойдя до воротъ, онъ разогналъ стрѣлечную стражу. Его товарищи, услыша шумъ и узнавъ вонна, впустили его, а нападавшіе больше не гнались за нимъ.

Когда Димитрій Шуйскій, братъ царя, сталъ осаждать войско противника, то къ послѣднему пришли на помощь ближнія подкрѣпленія, зайдя въ тылъ Шуйскому. Противникъ вышелъ тогда на него изъ Калуги, разбилъ его войско и преслѣдовалъ его на разстояніи нѣсколькихъ миль. Самъ Шуйскій едва успѣлъ спастись; на полѣ битвы осталось 14.000 его воиновъ. Въ Москвѣ воцарилась скорбь и тревога великая, усилившаяся тѣмъ, что ихъ опять побили и разгромили подъ Серпуховымъ.

Случилось однажды, что, по недостатку дровъ, наши послали слугъ вытаскивать колья изъ заборовъ. Русскіе, завидя ихъ, собрали нѣсколько десятковъ человекъ и хотѣли ихъ бить. Нашимъ пришлось защищаться и они втроемъ разогнали мужиковъ, причинивъ нѣкоторымъ изъ нихъ пораненія. Но все это улеглось, и воеводу никто не беспокоилъ. Когда пришло извѣстіе о томъ, что войско царя Шуйскаго снова разбито, кузнецъ Красноставскаго старосты, подвыпивъ, побѣждалъ съ стрѣльцами царя Шуйскаго и сказалъ имъ: «Если царь Димитрій вернется на престолъ еще при насъ, то мы вашего царя Шуйскаго воткнемъ на колъ и бояръ вмѣстѣ съ нимъ, а васъ четвертовать будемъ». Приставы, узнавъ объ этомъ, требовали выдачи кузнеца. Красноставскій староста старался его оправдать; но они не удовлетворились этимъ, говоря, что *«не приходится нашему царю въ своей землѣ удовлетворяться оправданіями»*. Однако кузнеца имъ не выдали. Карла Дунайскаго схватили за то, что онъ привезъ въ Москву писма отъ Димитрія, которыя и подбросилъ. Его поймали, и на допросѣ онъ утверждалъ, что Димитрій живъ и что онъ видѣлъ его собственными глазами десять недѣль тому назадъ. Хотя онъ подтвердилъ это присягой, но намъ не вѣрилось.

ИСТОРИЯ ДИМИТРИЯ ЦАРЯ МОСКОВСКАГО И МАРИНЫ МНИШЕКЪ, ДОЧЕРИ СЕНДОМИРСКАГО ВОЕВОДЫ.

Дневникъ Мартына Стадницкаго.

Часть II*).

Уже почти два года сидѣли мы подъ стражей въ Россіи, какъ наконецъ дождались радостнаго извѣстія объ освобожденіи и получили разрѣшеніе вернуться на родину. Случилось это благодаря усиліямъ е. в. короля, который выслалъ къ царю пословъ, требуя нашего освобожденія. Мы получили отъ этихъ королевскихъ пословъ письмо, высланное изъ столицы, въ которомъ насъ освѣдомляли объ окончаніи переговоровъ. Вотъ это письмо:

«Вельможные и уважаемые братья!

Послѣ долгихъ переговоровъ съ думными боярами мы заключили между е. в. королемъ и Московскимъ государемъ миръ на четыре года безъ одного мѣсяца. При установленіи этого мира самымъ важнымъ условіемъ было то, чтобы освободить васъ и всѣхъ воиновъ е. в. короля, находящихся здѣсь въ плѣну. Государемъ уже изданы распоряженія, чтобы освободить всѣхъ Поляковъ изъ крѣпостей, гдѣ они находились подъ стражею, и дать имъ возможность уѣхать на родину. На счетъ вознагражденія васъ за разграбленное имущество—Богъ свидѣтелемъ тѣхъ усилій, которыя мы употребляли долгое время въ вашу пользу. Но дѣло въ томъ, что грабителями они считаютъ не себя, а насъ, и послѣ долгихъ споровъ пришлось отложить это дѣло до рѣшенія комиссіи, составленной изъ представителей обѣихъ сторонъ. Надо было больше позаботиться о жизни и освобожденіи вашемъ, нежели объ имуществѣ, такъ какъ того и другого вмѣстѣ нельзя добиться. Препоручаемъ васъ Вожію Провидѣнію, умоляя Его о томъ, чтобы поскорѣе свидѣться съ вами на родинѣ. Дано въ столицѣ Москвѣ, 1-го Августа 1608 г.».

Приставы пріѣхали къ намъ, объявляя, что великій государь освободилъ насъ, разрѣшилъ вернуться въ Польшу и жалуетъ насъ 200 рублями, которые наши старшины должны раздать по усмотрѣнію между отдѣльными лицами, по 15 р. каждому. Лошадей нашихъ тоже обѣщали

*) См. выше, стр. 128.

намъ возвратить. Готовиться въ путь намъ приказали немедленно, раздавая по мѣрѣ надобности подводы. Радость нашу описать невозможно; можно только догадаться о ней, вообразивъ, какъ радуется узникъ, выйдя изъ темницы. Пришла вѣсть, что наши братья уже освобождены изъ крѣпостей и отправились въ путь.

Мы выѣхали изъ Россіи въ Польшу 3-го Октября.

Послы е. в. Польскаго короля Конецпольскій, Огинскій и князь Острогскій говорили царю Шуйскому:

«Почему королевскій посоль, Сендомірскій воевода и другіе знатные люди, находившіеся при немъ въ большомъ количествѣ, такъ долго были содержимы въ тюрьмѣ безъ всякой уважительной причины? Вѣдь они пріѣхали не грабить землю, а привезли бывшему царю супругу, руки которой онъ просилъ у е. в. короля. Они же сами встрѣтили коронныхъ пословъ, изъявляли желаніе подтвердить дружбу и вести переговоры относительно вѣчнаго мира». На это царь и думные бояре отвѣтили, что и посоль, и воевода, и все королевскіе люди пріѣхали не къ истинному царю, а къ Разстригѣ, на погибель Русскаго государства. Поэтому съ нимъ иначе нельзя было поступить, какъ только убить его. Польскій посоль доказывалъ имъ, что «онъ былъ ихъ истиннымъ государемъ, потому что они сами признали его; ихъ войско подъ Кромами перешло къ нему, все присягнули ему и короновали его. Но все то, что случилось, послужить лишь къ вѣчному позору Русскаго народа по всему свѣту. Если же теперь царь не велитъ выпустить людей моего государя, то онъ вручаетъ ему эту саблю». И, положивъ на голой саблѣ письмо, онъ сказалъ: «Мой государь объявляетъ тебѣ справедливую войну».

Однако на другой день царь угощалъ пословъ и воеводу, устроивъ торжественный пиръ. Послѣ долгихъ переговоровъ былъ наконецъ заключенъ миръ на нѣсколько лѣтъ. Видны были движущіеся огненные столбы на небѣ.

Такъ какъ царю Шуйскому не везло, и онъ все хотѣлъ уйти въ монастырь, то его уговорили жениться. И онъ женился на дочери Ростовскаго князя, Петра Буйносова, но не на долго: царь женился, пожилъ одинъ годъ съ женой, а на другой годъ отдалъ ее въ монастырь.

Димитрій Шуйскій, родной братъ царя, погубивъ болѣе 100.000 войска и не надѣясь на успѣхъ, вернулся изъ подъ Алексина. Онъ упрекалъ царя въ томъ, что тотъ веселился и устраивалъ свадьбу въ то время, когда проливалась кровь. Онъ говорилъ царю: «Твоей власти скоро конецъ настанетъ, ибо тебѣ не на что рассчитывать; позаботься поэтому и о насъ, и о себѣ. Придется кланяться тому, кому по праву принадлежитъ власть».

Послѣ ухода Димитрія Шуйскаго изъ подъ Алексина, все остав-

шіяся тамъ его войска поддались царю Димитрію, отдавъ оружіе и обѣщавъ миръ. Посоль Димитрія Адамъ, полковникъ, самъ-шость пріѣхалъ въ столицу съ письмами къ Шуйскому и къ міру. Его приняли радушно, и онъ обѣщаль царское помилованіе въ томъ случаѣ если добровольно признають его царемъ. Патріархъ громко читалъ эти письма при царѣ передъ міромъ. Міръ спрашивалъ мнѣніе царя, а царь—мнѣніе міра. Царь рѣшилъ, что выбирать не приходится, когда дѣло касается жизни. «Видно, Богу такъ угодно, я уступаю ему и отнесу ему мечъ на своей головѣ». А міръ крикнулъ: «И мы тоже, *да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ, всея Руси великій государь!* Но мы просимъ, чтобы онъ помиловалъ насъ и не позволилъ солдатамъ грабить насъ. Пусть царь Димитрій пришлетъ принять присягу». Съ этимъ они и отправили посла.

Хотя царь Шуйскій и міръ хотѣли добровольно сдаться, но этого не случилось. Когда царь Димитрій послалъ своихъ бояръ, онъ отправилъ вмѣстѣ съ ними небольшое войско съ Голицынымъ и Иваномъ Нагимъ во главѣ. Тогда Димитрій Шуйскій, братъ царя, съ отцомъ жены царя, убѣдили міръ не довѣрять самозванцу и встрѣтить его съ оружіемъ. «А такъ какъ мой братъ не способенъ царствовать, то обѣщайте мнѣ: когда я васъ защищу и успокою государство, вы признаете меня своимъ царемъ». Они обѣщали ему это, а онъ роздалъ цѣнные подарки боярамъ. Сейчасъ же онъ вышелъ съ отцомъ царской жены во главѣ ополченія и, встрѣтившись съ войскомъ Димитрія, проигралъ сраженіе, ибо разгромленное войско Шуйскаго было разбито, самъ Димитрій былъ раненъ, но спасся бѣгствомъ; отца жены царской взяли въ плѣнъ и содрали съ него кожу. Изъ подъ Смоленска прибыли на помощь царю Димитрію Поляки Стадницкіе съ войскомъ въ 12000; они ворвались въ Москву и, взявъ въ плѣнъ многихъ бояръ, отослали ихъ къ царю Димитрію.

Въ это время Донскіе и Запорожскіе казаки взяли также Ростовъ. Съ ними было 200 Москвичей, а всѣхъ казаковъ 800. Всѣ они служили царю Димитрію. Въ Ростовѣ было нѣсколько бояръ и 2000 войска царя Шуйскаго. Напавъ ночью на соборъ, они захватили митрополита и воеводу, тамъ же убили поповъ и множество черни, забрали въ плѣнъ многихъ женщинъ, царскую казну, золото, серебро, жемчугъ. Среди награбленныхъ предметовъ была статуя, отлитая изъ золота, которую зовутъ ракою Леонтія Чудотворца и которая вѣсила пудъ и двадцать фунтовъ, также серебряная гробница, очень много золота и серебра на образахъ. Все это они похитили.

Въ столицѣ Москвѣ великое смятеніе, люди другъ съ другомъ де-

рутся: одни хотятъ Шуйскаго, другіе не стоятъ ни за того, ни за другаго, а все изъ-за того, что войска Димитрія берутъ окрестныя крѣпости. Царь Шуйскій послалъ Луковскаго старосту Мнишка къ царю Димитрію, чтобы узнать, онъ ли это; но Димитрій не выпустилъ его назадъ.

Царица Марина, отецъ ея воевода, королевскіе послы, князь Вишневецкій, Московскій гетманъ Ружицкій и остальные Польскіе вельможи не ѣдутъ въ Польшу, а остаются въ лагерь Димитрія.

Только что обогранный свѣжей кровью Московскій престолъ занимаетъ искусный зачинщикъ этой кровавой трагедіи, Василій Шуйскій. Изъ колоды палача выросла его порфира. Но страшная гроза надвинулась на него. Въ самомъ началѣ у него сталъ оспаривать престолъ Петрашекъ, увѣряя, что онъ принадлежитъ къ линіи Московскихъ царей. О Боже, сколько пролито человѣческой крови, которая не только оросила Россію, но ею покрыты Русскія поля, какъ глубокимъ озеромъ! 300.000 народу полегло съ той и съ другой стороны въ этой брани. Что же послѣ случилось? Петрашекъ, требуя царской короны и надѣясь на нее, попалъ,—но не на престолъ, а на висѣлицу, на которой и погибъ отъ руки палача. Но тутъ еще не конецъ: надъ Московской монархіей и несчастнымъ Василіемъ Шуйскимъ поднимается еще болѣе страшная Немезида, предвѣщающая кровавую гибель. Изъ свѣжаго и не остывшаго еще костра (на которомъ, думали, сгорѣлъ Димитрій) онъ встаетъ живымъ. Подобно Арабскимъ фениксамъ, смертный прахъ произвелъ безсмертныхъ Димитріевъ для Московской монархіи. Итакъ, расходится слухъ, что Димитрій избѣгъ преслѣдованія Шуйскаго, спасаясь въ подземельяхъ. Его никѣмъ не видѣнное лицо, незнакомое міру, долго обманывало Москвичей; иныхъ же привела къ Димитрію тиранія Шуйскаго. Человѣкъ этотъ былъ ложный Димитрій и разстрига; его звали, по словамъ Москвичей, Григоріемъ Шаховскимъ. Пользуясь смятеніемъ, онъ вывелъ изъ конюшни нѣсколькихъ царскихъ лошадей и бѣжалъ къ Польской границѣ. Поляки узнали, что Димитрій остался живъ и бѣжалъ. Они пылали гнѣвомъ за своихъ убитыхъ въ Москвѣ братьевъ, жаждали войны и мщенія вышли изъ границъ Польши на встрѣчу Димитрію, собравъ отмѣннѣйшіе полки и конвойные отряды. На помощь Димитрію вышелъ съ войскомъ и Литовскій гетманъ, Янъ Сапѣга. Русскіе тоже все чаще и гуще собирались около Димитрія. Такимъ образомъ ложный Димитрій собралъ большое войско, и счастье военное улыбалось ему, о чемъ уже выше было сказано.

Когда по окончаніи переговоровъ Польскіе вельможи собрались ѣхать въ Польшу, царица Марина, не будучи въ состояніи вынести своего позорнаго сверженія съ престола Шуйскимъ, задумала рискнуть

собственной жизнью, чтобы отмстить измѣннику и овладѣть престоломъ Московской монархіи. Она тайно выслала своего вѣрнаго придворнаго Запорскаго съ письмомъ къ Димитрію, увѣдомляя его о томъ, что она, въ качествѣ его законной жены, собирается пріѣхать къ нему; пусть только онъ немедленно вышлетъ проводника, знающаго окольные пути, а за нимъ пусть идетъ конвойный отрядъ тѣми же окольными путями, по которымъ поведетъ проводникъ. Она совѣтовала Димитрію также выѣхать на встрѣчу къ ея отцу, воеводѣ и посламъ, нѣвѣжавшимъ изъ Москвы торною дорогою, и пригласить всѣхъ Польскихъ вельможъ въ лагерь.

Дѣйствительно, Польскіе вельможи, воевода, князь Вишневецкій, Красноставскій и Саноцкій старосты выѣхали со свитами изъ Москвы. Конныхъ воиновъ было 250. Въ Переяславѣ они встрѣтились съ Польскими войсками, которыя послѣ обоюдныхъ привѣтствій пригласили ихъ съ собой въ лагерь Димитрія, чтобы потомъ отмстить за свою обиду. Снабдивъ ихъ свѣжими Татарскими лошадьми и знаменами на копьяхъ, всѣ они дружно направлялись къ лагерю.

Гонецъ, высланный царицею къ Димитрію, привезъ ему письмо, по прочтеніи котораго царь былъ преисполненъ радости, ибо столь неожиданное извѣстіе явилось для него какъ нельзя болѣе желаннымъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ еще больше энергіи къ выполненію задуманнаго предпріятія—овладѣнію Московской монархіей; ибо съ прибытіемъ царицы Марины вѣсь его въ глазахъ людей поднимется, и всѣ признають въ немъ истиннаго Димитрія.

Димитрій, призвавъ гетмана Ружицкаго, показываетъ ему письмо царицы, доказывая очевидность того, что онъ ихъ не обманывалъ, такъ какъ царица признаетъ себя его женой, а его своимъ мужемъ. Ружицкій отвѣчаетъ: «Лучшаго доказательства не надо; я съ войскомъ своимъ жизнь свою положу въ отмщеніи обиды в. ц. в. Когда пріѣдетъ царица, она укрѣпитъ силу в. ц. в.; одна ея особа равняется стотысячному войску, ибо Русскій народъ станетъ на сторонѣ в. ц. в.»

Царь тотчасъ же высылаетъ проводника, хорошо знающаго окольные дороги и съ нимъ возвращаетъ гонца, давъ ему за принесенное письмо сто червонцевъ. Кромѣ того онъ послалъ съ проводникомъ три тысячи конвойныхъ гусаръ. Самъ гетманъ Ружицкій отправился съ конвоемъ и остановился въ лѣсахъ, черезъ которыя должна была проѣзжать царица.

Димитрій выслалъ также отрядъ войска на встрѣчу Польскимъ вельможамъ: шесть полковъ Русскихъ и шесть тысячъ Поляковъ во главѣ съ Яномъ Сапѣгой, Усвятинскимъ старостой.

Гонецъ вручаетъ царицѣ Димитріево посланіе. Послѣ этого царица,

уже приготовленная къ путешествію, высылаеть коляску впередъ, а сама подъ вечеръ садится въ карету и, прибывъ на постоянный дворъ, переодѣвается гусаромъ, привѣшиваетъ съ боку саблю и сайдакъ и, сѣвъ на коня съ рогатиной въ рукахъ, спѣшитъ ночью вмѣстѣ съ гонцомъ и проводникомъ въ лагерь Димитрія. Подъѣхавъ къ войску, она застаеть конвой и привѣтствуетъ гетмана. О, какъ обрадовались гетманъ и его гусары, увидя Польскую амазонку, свою государыню! Какъ удивились они ея энергіи, мужеству и храбрости! Гетманъ велѣлъ своимъ направиться къ царскому лагерю, выславъ впередъ гонца съ извѣщеніемъ о прибытіи царицы.

Посланный еще передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ въ лагерь. Тотчасъ же самъ царь въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ всадниковъ выѣхалъ навстрѣчу царицѣ. На разсвѣтѣ они встрѣтились, и царица, сойдя съ лошади, побѣжала на встрѣчу царю съ распростертыми объятіями. Царь сдѣлалъ тоже самое и съ великой радостью повелъ царицу въ лагерь; онъ велѣлъ стрѣлять изъ орудій, стоящихъ во злѣ палатокъ, чтобы войско знало о пріѣздѣ царицы, велѣлъ также ударять въ литавры и трубить въ трубы. Когда же загремѣли лагерныя орудія, Русское войско, узнавъ о причинѣ палбы, отвѣтило на нее изъ орудій своей артиллеріи.

И Сендомірскій воевода выѣхалъ также на другой день съ королевскими послами, съ княземъ Вишневецкимъ, Красноставскимъ и Саноцкимъ старостами, Тарлами, Любомірскими и другими; но онъ не зналъ, что его ждетъ по пути. Черезъ нѣсколько миль, изъ лѣсовъ—спереди, сзади, сбоку—Польскіе вельможи внезапно окружены войсками Димитрія, которыя привѣтствуютъ ихъ въ лицѣ Сапѣги, приглашая всѣхъ въ лагерь къ царю Димитрію, гдѣ уже находится царица. Послы, воевода и всѣ вельможи должны были согласиться на это. Когда они вѣхали въ лагерь, для привѣтствія королевскихъ пословъ данъ былъ залпъ изъ орудій, которому отвѣтили и Русскія орудія. Великая радость, торжество и ликованіе въ Димитріевомъ войскѣ, а въ столицѣ у Шуйскаго великое отчаяніе, скорбь и нужда.

Воевода, познакомившись съ самозванцемъ, сразу увидѣлъ, что это не его зять, но промолчалъ объ этомъ. Увидѣла и царица, что это не ея мужъ, но жила съ нимъ не вѣнчанная. Жажда власти и мести была у нея сильнѣе стыда и честности. Такимъ образомъ, жена, отецъ, послы, Польскіе вельможи, воины и придворные пристали къ ложному Димитрію (руководимые лишь чувствомъ вражды къ измѣнникамъ Шуйскимъ и боярамъ). Царство, власть, великолѣпіе, казавшіяся утерянными, вернулись полностью къ ложному Димитрію. Мистификація!

Король Сигизмундъ идетъ съ войскомъ въ Москву въ 1609 г.

Жестокій Марсъ губительно поколебаль основы Сѣверной монархіи для того, чтобы созвѣдіе семи склонилось подъ Польское владычество и чтобы Русскій народъ не господствовалъ на Сѣверѣ. Марсъ, благоволя къ Польскому народу, приглашалъ короля Сигизмунда на Московскій престолъ, предлагая ему скипетръ и корону въ награду за военные труды.

1609 годъ годъ былъ въ исходѣ, когда король, въ Августѣ мѣсяцѣ, лично выѣхалъ подъ Смоленскъ, который и осаждалъ почти два года. Смоленскъ, большой и обширный городъ, былъ обнесенъ двойной стѣной и валомъ, снабженъ провіантомъ и многочисленнымъ гарнизономъ. Это была сильная и безопасная крѣпость. Самый городъ, расположенный на берегу Днѣпра, заключалъ 8.000 домовъ. Такъ какъ Русскимъ было бы трудно отстоять его, они сами сожгли его, перевезя цѣнности въ крѣпость по ту сторону Днѣпра и, выйдя изъ города, тоже заперлись въ крѣпости. Она была опоясана стѣнами съ 38 башнями и свободно могла вмѣстить городскихъ жителей, числомъ 200.000, среди которыхъ способныхъ къ бою воиновъ оказалось до 40.000, не считая почти столь же многочисленнаго гарнизона. Комендантомъ у нихъ былъ Михаилъ-Борисъ Шеинъ, Смоленскій воевода. Вотъ этотъ-то Шеинъ, способствовавшій торжеству Сигизмундову, и былъ взятъ въ плѣнъ.

Причины къ войнѣ съ Россіей слѣдующія. Если бъ король не пошелъ съ войскомъ на Россію, то она, раздвоенная, обратилась бы съ отчаянія либо къ Турецкому, либо къ Татарскому покровительству. Язычники стали бы тогда такъ сильны, что всему христіанству пришлось бы страшиться ихъ, если бъ они овладѣли Московской монархіей, простирающейся отъ границъ Польши до Персіи; а если бъ Москва не подпала владычеству язычниковъ, то, вѣроятно, ею овладѣлъ бы Карлъ Зудерманландскій король Шведскій, который давно уже выжидаетъ удобнаго случая овладѣть Московскимъ престоломъ, какъ овладѣлъ Шведскимъ, отнявъ его у своего племянника, Сигизмунда. Вотъ тогда онъ сталъ бы пробираться и въ Польшу, чтобы и ее завоевать, измышляя разные поводы къ войнѣ, набѣги и наѣзды. Король долженъ былъ спасти честь своего дѣда, во время правленія котораго Смоленскъ отпалъ отъ Польши; поэтому ему было надо постоять за свое, а также отмстить за плѣненіе въ теченіе двухъ лѣтъ Краковскихъ пословъ.

(Войско Димитрія, встревоженное прибытіемъ королевскаго войска, составляетъ заговоръ).

Неожиданное прибытіе короля въ Россію испугало, всполошило войско царя Димитрія. Гетманъ, главнокомандующіе, полковники и ротмистры возмутились этимъ пріѣздомъ короля. Неужели онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы остановить ихъ кровавый и успѣшный бѣгъ къ славѣ?

Неужели они цѣлыхъ два года воевали для того, чтобы онъ отнялъ у нихъ жалованье, выслуженное кровавымъ трудомъ, и лишилъ возможности зарабатывать и впредь? Они проливаютъ кровь, а король пожинаетъ лавры, которыми будетъ кичиться. Если они отступятъ отъ Димитрія, то кто же заплатитъ имъ за труды? Димитрій выдѣлилъ войску Сѣверщину со Смоленскомъ (лучшую и плодороднѣйшую землю во всей Россіи) въ награду за труды. Доходы съ этой земли были большой поддержкой для войска, а теперь король овладѣлъ ею! Итакъ, одинъ трудился, а другой будетъ пользоваться плодами его трудовъ. Вожди были опечалены тѣмъ, что король хотѣлъ помѣшать вступленію Димитрія на престолъ. Димитрій же обѣщалъ выдать каждому изъ старшинъ по 100.000 червонцевъ, если они отвоюютъ ему престолъ. Тогда войско поклялось, что не отступитъ отъ Димитрія. Итакъ, въ Россіи были три партіи: царя Шуйскаго, Димитрія и Польши.

Старшины отправили тогда пословъ отъ войска къ королю, чтобы объяснить ему причины, по которымъ они не могутъ отступить отъ Димитрія, и просить е. к. в., чтобы онъ не мѣшалъ имъ стяжать дальнѣйшую славу. Когда они приближались къ лагерю Струся, одна изъ ротъ, находящихся подъ начальствомъ гетмана, желая ихъ почтить, выѣхала имъ навстрѣчу и торжественно сопровождала въ королевскій лагерь.

Явившись передъ королемъ и отдавъ ему должную дань уваженія, старый главнокомандующій, посолъ Мархоцкій, сказалъ: (Суровая рѣчь обращенная къ королю). «Пріѣздъ короля не согласуется съ договоромъ, заключеннымъ на Варшавскомъ сеймѣ съ послами Димитрія. Если погибнуть кровавыя заслуги его войска, и кто-нибудь другой будетъ пожинать плоды этихъ заслугъ, тогда войско это не будетъ считать государя государемъ, братьевъ братьями, отчизну отчизной».

Посолъ хотѣлъ продолжать, но его перебилъ коронный вице-канцлеръ, Феликсъ Крескій, сказавъ: «Что это за безстыдная и неразумная рѣчь? Неужели ваши братья велѣли вамъ произносить столь рѣзкія и непочтительныя для е. в. слова? Неужели они дали вамъ столь суровыя и спѣсивыя инструкціи?»

Нисколько не смущенный этимъ, посолъ смѣло продолжалъ: «Мы ни на волосокъ не отступили отъ данной намъ инструкціи». Тогда вице-канцлеръ потребовалъ, чтобы они показали инструкцію своего посольства. Послы тотчасъ же вручили вице-канцлеру два параграфа, одинъ за подписью Романа Ружицкаго, гетмана Русскихъ войскъ, другой—Александра Зборовскаго, союзнаго маршала. Оба были снабжены подписями. Вручивъ ихъ, они отошли.

Высокомѣрные требованія пословъ были для всѣхъ такъ непріят-

ны, что имъ ужъ не оказывали никакого почтенія. Въ королевскомъ лагерѣ осмѣивали войско Димитрія, говоря, что ихъ Димитрій живетъ вымыслами поэтовъ; называли Эзопами тѣхъ, которые создаютъ воскресшаго Димитрія послѣ убитаго и сожженнаго. У пословъ спрашивали также, вѣнчалась ли Марина, жена перваго Димитрія, съ теперешнимъ. Послы отвѣчали: «Зачѣмъ вѣнчаться второй разъ, когда она въ Краковѣ въ присутствіи короля принесла клятву въ супружеской вѣрности никому иному, какъ только этому?» Итакъ Марина не вѣнчалась съ этимъ вымышленнымъ Димитріемъ, они легли на одно ложе и обсуждали свои дѣла. Добродѣтель совсѣмъ не входитъ въ расчетъ, когда преобладаетъ жажда власти.

Державная и на все рѣшившаяся женщина не отказалась отъ своихъ высококомѣрныхъ требованій даже въ виду такой великой неудачи. Послѣ сверженія съ престола она глядѣла такъ же величественно и важно, какъ и во время обладанія скипетромъ и короной. Она получила письма отъ своего родственника, Пшемьскаго каштеляна Стадницкаго, который извѣщалъ ее о походѣ короля съ войскомъ на Россію. Но царскихъ титуловъ въ письмѣ онъ не употребилъ, называя ее, какъ свою родственницу, ея первыми Польскими титулами: ясне вельможной и т. д.

Она отвѣтила, что обращеніе каштеляна къ ней, какъ къ родственницѣ, пріятно ей; она надѣется, что Богъ разгромитъ ея измѣнниковъ, и что она снова обрѣтетъ престолъ; самъ король желаетъ этого для нея, въ этомъ она не сомнѣвается. О походѣ короля на Россію она умолчала, досадуя за это на него. Чувствуя себя оскорбленной опущеніемъ царскаго титула, она наполнила всю первую страницу письма своими неизмѣримыми титулами и подписала: «Императрица Марина». Подъ подписью она написала собственноручно слѣдующія слова: «Кого Богъ осѣняетъ, тотъ не можетъ лишиться свѣта. Солнце не перестаетъ быть яснымъ отъ того, что его закрываетъ темная туча; и я, хотя свергнута съ престола измѣнниками и клятвопреступниками, но все же остаюсь царицей».

На третій день призвали пословъ, которымъ вице-канцлеръ сказалъ: «Е. в. король съ удовольствіемъ принялъ внѣшніе знаки покорности, оказанные ему войскомъ; но и король, и сенатъ, и всѣ не могутъ понять, какъ осмѣлилось войско оскорбить такой инструкціей е. в., дѣйствуя въ разрѣзъ съ вѣрноподанической присягой престолу? Пусть же знаютъ, что е. к. в. ихъ государь и король. Стяжаніе славы и похвалъ съ нарушеніемъ правъ и оскорбленіемъ престола не есть дѣйствіе свободнаго шляхтича: это хитрость, это преступленіе своевольнаго человѣка». Затѣмъ ихъ призвали для лобызанія королевской руки. Послѣ аудіенціи они были приглашены къ обѣду у вице-канцле-

ра; на другой же день, пообедавъ у короннаго гетмана Жулковского, они выехали обратно.

Вскорѣ и король отправилъ своихъ пословъ, знатныхъ лицъ: Станислава, Стадницкаго, Пшемьскаго каштеляна; князя Христофора Збарскаго Януша Тышкевича, писаря Литовскаго; Станислава Домарацкаго, Брацлавскаго старосту; Мартына Казановскаго, главнокомандующаго, и Яна Добку. Они получили такую инструкцію: стараться изо всѣхъ силъ удержать Московскій престолъ за королемъ, а Дмитрія погубить; убѣдить войска, что король не хочетъ заграждать имъ путь къ славѣ и возможность пользоваться плодами своихъ кровавыхъ трудовъ. Онъ хочетъ только, чтобы Польскій народъ овладѣлъ Россіей; труды же войскъ онъ подстарается наградить достойнымъ образомъ. Если они говорятъ, что держатъ сторону Дмитрія въ надеждѣ на тѣ награды, которыя онъ имъ обѣщалъ; то онъ не вознаградитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ Московскимъ престоломъ. Вѣдь они и отъ короля могутъ ждать такой же милости, что и отъ Дмитрія, и отъ короля гораздо скорѣе (такъ какъ онъ обязанъ имъ помогать), нежели отъ посторонняго челоуѣка, который легко можетъ не сдержать даннаго слова. Съ того дня, какъ они перейдутъ на службу короля, имъ будетъ положено жалованіе. Однако пусть они придерживаются стороны Дмитрія до тѣхъ поръ, пока гетманъ не подойдетъ съ королевскимъ войскомъ къ столицѣ: ибо Русскіе, увидя, что Поляки покинули Дмитрія, перейдутъ къ царю Шуйскому, чѣмъ сильно затруднятъ задачу короля и свою собственную. Русскихъ надо склонять и плѣнять большими обѣщаніями щедрыхъ королевскихъ милостей; главнымъ же образомъ убѣдить ихъ въ томъ, что король сохранитъ ихъ права, Греческую вѣру, обряды, праздники св. Русскихъ угодниковъ, монастыри, церкви, доходы которыхъ будутъ увеличены, при чемъ всѣмъ будутъ даны новыя права и привилегіи. Король клятвенно обѣщаетъ это.

Получивъ такую инструкцію, послы отправились къ Дмитріеву войску и прибыли туда 17 Декабря 1609 г. Они стройно и торжественно въехали въ лагерь. Собственныхъ конныхъ гусаръ у нихъ было 100, а пѣхоты 280—все люди отборныя. Навстрѣчу къ нимъ выехалъ союзный маршалъ Александръ Зборовскій съ 200 конными, а также гетманъ Ружицкій. Они привѣтствовали ихъ. Встрѣтили ихъ также послы Дмитрія, привѣтствуя королевскихъ пословъ отъ имени царя и говоря, что ихъ пріездъ въ лагерь очень пріятенъ великому государю Дмитрію, который освѣдомляется о здравіи е. в. к.

Каштелянъ Пшемьскій отвѣтилъ, что они съ благодарностью принимаютъ привѣтъ отъ великаго государя, что е. в. король здоровъ и въ свою очередь желаетъ великому государю Дмитрію всякаго

благополучія. При въѣздѣ пословъ въ лагерь Дмитрій и Марина смотрѣли изъ оконъ до тѣхъ поръ, пока они не вошли въ палатки. Тамъ ихъ угощаль гетманъ Ружицкій; они пили здравицы короля изъ полныхъ кубковъ при пушечной пальбѣ.

На другой день въ 10 ч. утра королевскихъ пословъ съ величайшимъ почетомъ вывели изъ лагеря на равнину, гдѣ въ полномъ парадѣ стояли войска со старшинами. Пословъ пригласили съѣсть. Тогда каштелянъ Пшемьскій, какъ старшій въ посольствѣ, объяснилъ причины прибытія короля, предлагалъ войску королевскія милости и заявилъ о всемъ томъ, что заключалось въ инструкціи. Старый главнокомандующій Витковскій отвѣтилъ отъ имени войска, что оно благодарить е. в. к. за прибытіе къ нему столь именитыхъ особъ послами и обѣщаетъ посвятить все на службу родинѣ и королю. Затѣмъ онъ весьма почтительно просилъ пословъ показать войску рукопись инструкціи. Этимъ посольство и окончилось.

Королевскіе послы уговаривали и склоняли Русскихъ самыми осторожными, мягкими и искусными способами къ тому, чтобы они перешли на сторону короля. Они пригласили къ себѣ однихъ только Русскихъ съ ихъ представителемъ, Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, и перечисляли имъ милости короля, который желаетъ успокоить ихъ государство и родину, желаетъ освободить ихъ отъ тирановъ, овладѣвшихъ ими послѣ кончины наслѣдниковъ, погубить ложныхъ претендентовъ на престолъ и вернуть имъ спокойствіе, свободу и прежнее счастливое время. А такъ какъ Россія больше всего привязана къ своей Греческой вѣрѣ, то послы увѣряли ихъ, что король и впредь сохранитъ у нихъ эту вѣру, поддерживая богослуженіе въ церквахъ, увеличивая доходы монастырей и т. д., въ чемъ готовъ поклясться имъ.

Русскіе съ удовольствіемъ слушали рѣчи пословъ и плакали отъ радости, вспоминая прежнія спокойныя времена, цѣловали королевское письмо, на которомъ Греческими буквами было начертано имя короля, благодарили короля за обѣщанія и желали ему удачу. Они хотѣли ѣхать къ царю Шуйскому или по крайней мѣрѣ послать ему письмо съ оправданіемъ своего вторженія въ Россію; но онъ не принялъ ни писемъ, ни пословъ, а послѣднимъ даже пригрозилъ смертью.

Дмитрій, узнавъ, что войско на сторонѣ короля, а его бранить, тайно бѣжалъ изъ лагеря въ Калугу, ожидая тамъ своей дальнѣйшей судьбы. Марина же стала вводить разногласіе въ войскѣ.

Послы получили отъ войска такой отвѣтъ: они готовы посвятить имущество и жизнь на служеніе всѣми силами е. в. королю и родинѣ.

Царица Марина тоже написала королю письмо, исполненное призываній на подчиненіе себѣ Московской монархіи. 15-го Янв. 1610 г.

«Превратная судьба отняла у меня все, оставивъ лишь справедливое право и претендентство на престоль Московской монархіи. Обрацаю высокое вниманіе в. к. в. на мое посвященіе на царство и признаніе за мною наслѣдственнаго права на престоль, подтвержденнымъ двойной присягою Московскихъ сословій. Я убѣждена, что в. к. в. своимъ высокимъ разумомъ и по доброй совѣсти согласитесь со мной, а мнѣ и моей семьѣ, жертвующей своей кровью и несущей большія издержки на это дѣло, придете на помощь своей королевской милостью». Говоря о подчиненіи себѣ монархіи, она такъ возмнила о себѣ, что равняла себя мысленно съ королемъ, собственноручно подписалась: *«Императрица Марина»*.

Когда же королевскій посолъ пріѣхалъ къ Маринѣ, донося, что король предлагаетъ ей Саноцкую землю и доходы съ королевской экономіи съ тѣмъ, чтобы она отказалась отъ притязаній на Московскій престоль, Марина отвѣтила, что охотно уступила бы королю Варшаву, если бы онъ уступилъ ей Краковъ.

Королевскіе послы вернулись съ радостнымъ извѣстіемъ отъ Дмитріева войска въ королевскій лагерь; но радость была омрачена внезапной смертью старшаго посла Пшемьскаго каштеляна Станислава Стадницаго. На третій день по возвращеніи въ королевскій лагерь онъ слегъ въ постель отъ сильной горячки и скончался. Весь королевскій лагерь скорбѣлъ о немъ.

Марина поняла, что нельзя ждать ничего хорошаго, если Польскій орелъ соединится съ двуглавымъ Московскимъ орломъ и взлетитъ на престоль. И вотъ эта дерзновенная женщина старается подняться на Московскій престоль съ помощью гербовыхъ эмблемъ своего рода. Она разжигаетъ бунты противъ короля и сильно волнуетъ войско, подстрекая его отступить отъ него. «Королевскіе послы», говоритъ она, «хитростью склонили къ себѣ войско, говоря, что король дастъ ему денегъ. Вотъ онъ взялъ себѣ Сѣверцину, съ которой войско должно было получать опредѣленные доходы, а послы вмѣсто денегъ платятъ войску обѣщаніями. Обѣщанной же суммы король ему не высылаетъ». Потомъ она вкрадчивыми и льстивыми словами восхваляла мужество, твердость и вѣрность солдатъ, а также ихъ частыя побѣды, возбуждающія удивленіе. То опять она умоляла ихъ сжалиться надъ ея судьбой, просила войско не отступать отъ нея и помочь ей овладѣть престоломъ, какую заслугу она всецѣло припишетъ ихъ доблести, мужеству и дѣятельности. Она напомнила имъ о сокровищахъ Москвы, которыя торжественно обѣщала раздать между ними. Ея ласковыя слова и обѣщанія брали штурмомъ солдатскія сердца. Заманчивыя обѣщанія и мягкое восхваленіе женщиною воинской доблести, ея трогательная скорбь о мужѣ, котораго королевскіе послы прогнали изъ лагера, ея просьбы,

ея мольбы именемъ Бога, чести и славы, пріобрѣтенной ихъ героическимъ мужествомъ, чтобы они сжаились надъ ней и не покидали ея, звучали словно мягкіе зефиры въ ушахъ солдатъ. Кромѣ того, настойчивая женщина употребляла всевозможныя усилія, являлась на солдатскія сходки, проводила время въ разговорахъ съ ротами, объѣзжала форпосты, предлагая щедрую плату, награды и подарки. Надѣвъ мужское платье, она распутно проводила ночи со старшинами въ палаткахъ, забывъ стыдъ и добродѣтель, и заставляла воинскія сердца не отступать отъ Дмитрія. При этомъ Марина раздала между военными 100.000 р., извиняясь, что по недостатку не можетъ дать больше, и добилась своего; ибо слитокъ золота, хотя и небольшой, воодушевилъ сердца.

Такимъ образомъ женскіе зефиры тотчасъ же превратились въ рѣзкіе аквилоны, производящіе бурное замѣшательство. Лагерь былъ настроенъ противъ короля за то, что онъ не сдержалъ обѣщанія, не посылаетъ суммъ для войскъ, поэтому и войска отказались стать на сторонѣ короля. Они ругали и проклинали пословъ за то, что тѣ обманули ихъ. Но когда они узнали, что царь Дмитрій бѣжалъ, о, какое смятеніе, шумъ, крикъ, скрежетъ, лягъ оружія поднялись! Они яростной толпою, подобно безумнымъ, бросаются къ гетману Ружицкому и съ крикомъ обвиняютъ его въ бѣгствѣ Дмитрія изъ лагеря, такъ какъ онъ не исполнилъ своихъ обязанностей главнокомандующаго и гетмана.

Только къ вечеру волненіе нѣсколько улеглось, когда мужественный Бучинскій осмѣлился упрекнуть солдатъ, сказавши, что зачинщики подобныхъ бунтовъ не принадлежатъ къ списку своихъ предшественниковъ, имена которыхъ блещутъ прісхожденіемъ, доблестью, мужествомъ и знаніемъ военного дѣла. Они принадлежатъ къ тѣмъ, у которыхъ нѣтъ ни чести, ни вѣры, ни сапоговъ, ни подковъ: такіе пригодны лишь къ работѣ шиломъ и сапожнымъ ножомъ, или къ службѣ въ трактирахъ наполнять кружки и кувшины, но не къ военному дѣлу въ лагерѣ. Такіе солдаты, которые дерзаютъ подняться на командира, называются солдатами только по имени.

Чтобы произвести еще большее смятеніе въ войскѣ и сильнѣе привязать его къ себѣ, Марина собственноручно написала письмо, которое оставила въ своей палаткѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ ея отъѣзда оно было громко прочитано войску. Сама же, переодевшись гусаромъ и взявъ сайдакъ и саблю, садится верхомъ и тайно покидаетъ въ полночь лагерь, направляясь, въ сопровожденіи двухъ всадниковъ, къ мужу въ Калугу. Стиль письма этой дамы достоинъ удивленія; онъ свидѣтельствуетъ о ея мужественной энергіи, колкомъ остроуміи и необыкновенномъ умѣ, не свойственнымъ ея молодымъ годамъ и полу.

Письмо царицы Марины къ войску.

«Согласно инстинкту природы, безсловесныя животныя и неразумный скотъ привыкли уклоняться отъ болѣзненныхъ ударовъ, и нигдѣ не найти столь безопаснаго звѣря, который не страшился бы и не избѣгалъ бы несчастныхъ случаевъ. Какъ же послѣ этого не заботиться о спасеніи своей жизни человѣку, котораго Богъ возвысилъ по благородству надъ всѣми животными, одарилъ его умомъ, словно частицей Своей божественности, предоставивъ всѣ заботы и охрану человѣка себѣ? Воистину Божіе Провидѣніе особенно охраняетъ и осѣняетъ ежедневно монарховъ и князей; это доказываетъ опытность, которою Господь Богъ одаряетъ государей, а также высокое преимущество правителей обладаніе ими частицей небесной мудрости. Вдохновеніе внушаетъ лучшія и самыя безопасныя средства, предостерегаетъ о будущихъ случайностяхъ, совѣтуетъ осторожность и предупредительность. Этому то всемогущему вдохновенію приписываю я всѣ полученныя благодѣянія. Поручивъ Божьему покровительству себя, свои обиды и права, я надѣюсь также, что Онъ освободитъ меня отъ всѣхъ тѣхъ поношеній, которыми злые языки терзаютъ мое имя.

Не хочу быть жестокой къ самой себѣ и оставить на произволь сомнительной судьбы того, о чемъ каждый дѣятельный человѣкъ долженъ заботиться, и не хочу быть болѣе жалкой, чѣмъ животныя. Мною руководитъ не только боязливый желскій геній: разумокъ велитъ мнѣ заботиться о своемъ дѣлѣ и защищаться отъ поношеній тѣхъ людей, которымъ поручена охрана моей жизни, имени, славы и чести. Эти люди предводители войскъ. Мое сердце, погруженное въ скорбь и глубокую печаль, едва можетъ снести посягательства на мою честь, опороченіе имени и оскорбленія сана.

Начались съ королевскими послами какіе-то переговоры, конференціи и сдѣлки для того, чтобы меня унижить и покинуть. На зазданіяхъ и пирахъ, среди пьянаго веселья, каждый бокалъ сопровождался насмѣшками и клеветами по моему адресу отъ тѣхъ, защита которыхъ я поручила жизнь, честь и неприкосновенность царскаго престола. Судорожно вздрагивала душа, находясь въ безпрестанной тревогѣ, ибо не только мой санъ былъ во мнѣ оскорбленъ: мнѣ грозилъ съ помощью тайнаго заговора взять меня подъ арестъ и отправить, какъ плѣнницу, къ королю. Я не могла вынести той мысли, чтобы попасть въ руки тѣхъ, которые жаждутъ погубить меня. Точно такъ же Богъ не допуститъ и того, чтобы кто-либо воспользовался моей особой и моими правами на престолѣ, какъ предметомъ торговли, чтобы приобрести отъ этого пользу себѣ и купить королевскія милости, унижая мой столь высокій санъ и измѣнительно предавая меня въ руки короля, *который не имѣетъ никакихъ правъ ни на мою особу, ни на эту принадлежащую мнѣ монархію.* Господь отмститъ за меня и накажетъ измѣнниковъ за клятвопреступничество, мнѣ же благій Богъ станетъ защитникомъ и опекуномъ; Ему поручаю я свою скорбь, испытанія и обиду, оставшись одна, безъ отца, безъ матери, безъ родныхъ,

безъ друзей, покинутая всѣми. Вынужденная опасностью, ѣду къ мужу, которому клялась въ супружеской вѣрности въ Краковѣ, въ присутствіи короля. Я хочу посоветоваться насчетъ возстановленія своего добраго имени и, въ виду заговоровъ и замѣшательства, хочу отдохнуть у себя въ своемъ замкѣ и буду молить Праведнаго и Всевышняго Судію объ удостовѣреніи моей невиновности.

Снова призываю въ свидѣтели Бога въ томъ, что, сохраняя за собою неприкосновенное имя, царекій санъ и полныя права на престолъ,—такъ какъ я, государыня сѣверныхъ странъ, Русская царица и Польская шляхтянка,—такъ же точно не хочу и не буду признавать надъ собою ни королевской, ни какой бы то ни было другой власти, и изъ всѣхъ силъ буду заботиться о благѣ и о награжденіи тѣхъ воинскихъ чиновъ, которые, любя доблесть и славу, не забываютъ данной мнѣ клятвы и сдержать ее. Я уѣзжаю. Императрица Марина».

По прочтеніи письма въ войскѣ поднялся страшный мятежь, буря негодованія и крики: «Гетманъ Ружицкій—измѣнникъ!» Охваченные гнѣвомъ войны бросились къ палаткамъ Ружицкаго съ обнаженными саблями и криками: «Ружицкій! Такъ это ты продаешь нашу государыню Польскому королю! Пьянствуя съ королевскими послами, ты клеветалъ на нее? Гдѣ же твоя клятва? Пьянствуя съ послами, ты прогналъ изъ лагеря царя и царицу? Подъ чьимъ же именемъ будемъ мы теперь воевать? Кто будетъ вознаграждать насъ за наши заслуги? Мы тебя считаемъ измѣнникомъ, а не вождемъ. Верни намъ изгнанныхъ изъ лагеря государей, измѣнникъ! Гдѣ царь, гдѣ царица? Если ты хочешь выдать войско на рѣзню, то самъ попадешь на нее!»...—

Гетманъ Ружицкій, пользуясь значеніемъ своего званія, думалъ оправдываться; но они, не слушая его, дали залпъ и убили бы, безъ сомнѣнія, еслибъ стража у его палатки не удержала рвавшихся туда солдатъ; въ это время Ружицкому удалось бѣжать изъ палатки.

Раньше другихъ ушли Донскіе казаки, въ числѣ 20.000, во главѣ со своимъ гетманомъ Заруцкимъ, вѣрнымъ до самой смерти приверженцемъ Марины. Пренебрегши распоряженіями Ружицкаго, въ боевомъ порядкѣ съ развѣвающимися знаменами, они, въ полдень, на глазахъ у всего войска вышли изъ лагеря и дружно направились къ Калугѣ, къ Дмитрію и къ Маринѣ.

Непгунъ своимъ могучимъ трезубцемъ не могъ бы усмирить волненія, поднявшагося тогда въ войскѣ: ни одинъ полководецъ не пользуется довѣріемъ; приказанія не исполняются, стража не стоитъ на посту; нѣтъ того, на которомъ они могли бы излить свою месть за оскорбленіе царя и царицы. Впавъ въ ярость, войска подожгли лагерь. Затѣмъ, забравъ изъ Осипова орудія, они пошли къ своему Дмитрію.

Ружицкій донесъ королю о замѣшательствѣ въ войскѣ, требуя,

чтобы онъ отправилъ часть своего войска подъ Москву и выслалъ деньги на подкупъ Димитріева войска.

Однако лучшіе вожди Димитріева войска перешли на сторону короля. Гусарскій полкъ Александра Зборовскаго, полкъ Андрея Млоцкаго, весь полкъ Ружицкаго (самъ онъ умеръ въ Волочкѣ отъ болотной лихорадки), полки Копуцинскаго, Ланцкронскаго, Вильколоскаго, Мархоцкаго и конные отряды въ полномъ составѣ перешли къ королю. Но Янъ Сапѣга, сынъ Литовскаго канцлера, перешелъ на сторону Димитрія.

Счастье все еще улыбается Димитрію. Подкрѣпленный вспомогательными Польскими полками, онъ двинулся съ войскомъ на Шуйскаго, къ столицѣ.

Подойдя къ городу, Димитрій расположился лагеремъ и приготовился осаждать столицу, въ которой пребывалъ царь Василій Шуйскій.

Къ Востоку расположились Донскіе казаки со своимъ гетманомъ Заруцкимъ; Касимовскій же станъ съ Татарами расположился на берегахъ рѣки Москвы. У противоположнаго входа въ лагерь расположилась легкая конница. Тылная часть лагеря охранялась Русскими и Поляками. Такое устройство лагеря уподобляло его городу: въ немъ были улицы, площади, рынки и лавки. Онъ былъ окруженъ толстыми большими стѣнами и палисадами изъ остроконечныхъ кольевъ кромѣ того неширокими, но глубокими рвами. Сапѣга же осаждалъ монастырь Св. Троицы, чтобы отрѣзать отсюда помощь Москвѣ. Димитрій стоялъ лагеремъ подъ столицей до тѣхъ поръ, пока не подошелъ съ войскомъ коронный гетманъ Жулкевскій.

Часть III.

Великій коронный гетманъ, Станиславъ Жулкевскій, завоевалъ Московскую монархію, взявъ въ плѣнъ царя Шуйскаго, обезпечилъ престолъ за королевичемъ Владиславомъ, принявъ отъ думныхъ бояръ присягу на его имя. Царь Димитрій погибъ, а съ нимъ и Марина.

Король, узнавъ, что войско на сторонѣ Димитрія, и что послѣдній осаждаетъ Шуйскаго, отдаетъ приказъ великому коронному гетману Станиславу Жулкевскому, въ то время Киевскому воеводѣ, идти съ войскомъ на Москву.

Гетманъ немедленно пошелъ на Москву съ войскомъ, противъ котораго князь Димитрій Шуйскій вышелъ съ 80.000, среди которыхъ было 40.000 вспомогательныхъ Шведскихъ, Французскихъ и Шотландскихъ воиновъ, и еще столько же Русскихъ подъ начальствомъ князей: Голицына, Куракина, Мезецкаго и Урвиша.

Шпіоны увѣрили гетмана, что въ прошлую ночь непріятель на- ходился на разстояніи всего 8.000 шаговъ отъ Царева. Созвавъ вождей и военныхъ старшинъ, онъ спросилъ у нихъ, слѣдуетъ ли ждать наступленія непріятели, или же пойти къ нему навстрѣчу и предупредить его? Они рѣшили идти къ нему навстрѣчу. Гетманъ, не высказавшись ни за тогъ, ни за другой проектъ, вышелъ изъ собранія, какъ бы въ раздумьи; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ ждать непріятели, а идти и предупредить его. Такъ какъ въ его войскѣ были Русскіе, то онъ таилъ свое мнѣніе и намѣреніе: не ждать врага. Таилъ онъ его потому, чтобы какой-нибудь измѣнникъ не могъ предостеречь непріятели. Въ это время пріѣхалъ къ гетману Александръ Зборовскій съ 2.500 конныхъ гусаръ. Самъ гетманъ выѣхалъ къ нему, съ радостью привѣтствуя и съ благодарностью принимая его желаніе общими силами двинуться на непріятели. Онъ обѣщалъ ему королевскія милости и награду за военные труды. Оставивъ въ сторонѣ пѣхоту, онъ вечеромъ разослалъ вождамъ, полковникамъ и ротмистрамъ собственноручные приказы относительно того порядка, который они должны будутъ соблюдать въ походѣ. За одну ночь, которая въ Іюлѣ весьма непродолжительна, онъ отправилъ къ Клушину 5.000 гусаръ. Пройдя четыре мили, онъ передъ разсвѣтомъ подступилъ къ непріятелю. Съ нимъ были Станиславъ Конецпольскій, кор. кравчій, его зять, ставшій послѣ него вел. кор. гетманомъ и Краковскимъ каштеляномъ; Александръ Балабанъ, его племянникъ, князь Порыцкій, Николай Струсь, Гербургъ, Малинскій, Хвалибогъ и другіе доблестные воины.

Князь Димитрій подъ Клушиномъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, имѣя въ виду небольшое число Поляковъ. Поэтому непріятель, не поставивъ никакихъ карауловъ, сладко спалъ. Самоувѣренность его была настолько велика, что по его мнѣнію гет. Жулкевскій, узнавъ о большой численности Московскихъ и вспомогательныхъ войскъ, долженъ отступить назадъ. А Понтусъ де-ла-Гарди, фельдмаршалъ иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ, изъ чувства великаго самоувѣренія, поддерживалъ славу Димитрія лестными словами и надеждой на его побѣду. Присутствуя вечеромъ на пиру у князя Димитрія, онъ смѣялся надъ гетманомъ Жулкевскимъ и рассказывалъ, что, будучи взятъ Жулкевскимъ въ плѣнъ подъ Вольмаромъ, онъ получилъ отъ него въ подарокъ полушубокъ изъ черныхъ лисицъ; а онъ, когда захватитъ Жулкевскаго, подаритъ ему въ награду за лисій полушубокъ—соболій.

Но вопреки ожиданіямъ непріятели Жулкевскій оказался мужественнымъ вождемъ и разбудилъ бы раньше спящихъ Москвичей, еслибъ его не задержали плохія дороги, мелкія болота и трясины, въ которыхъ увязали два орудія: пока ихъ вытаскивали, время прошло.

По пути между заборами находились двѣ деревни. Если бы Московская пѣхота овладѣла ими, то Жулкевскому ничего не удалось бы сдѣлать. Поэтому дальновидный вождь велѣлъ зажечь эти деревни. И такъ, алое зарево зажженныхъ деревень разбудило непріятеля; и тотъ, который пренебрегалъ малочисленнымъ Польскимъ войскомъ, убѣдился, что мужественный и дѣльный вождь Польскій, Жулкевскій, стоитъ надъ головой у врага.

Правымъ крыломъ командовалъ Александръ Зборовскій, а лѣвымъ Николай Струсь; фланги закрывали полки Казановскаго и войскъ воеводы Поморскаго. Гетманскій полкъ Ксенія былъ отданъ подъ начальство Порыцкому, а остальные отряды оставлены на подмогу.

Непріятель также приготовился къ сраженію, выбравъ себѣ очень выгодную позицію, защищенную озерами, заборами и лѣсами. Лѣвое крыло занимала Московская кавалерія, правое фельдм. Понтусъ де-ла-Гарди. Инфантерія расположилась подъ лѣсомъ за плетнями, чтобы придти въ помощь кавалеріи.

Воодушевивъ сердца солдатъ краткой рѣчью, гетманъ велѣлъ трубить къ атакѣ. Полки, получившіе приказаніе выступать, быстро двинулись на Русскихъ противниковъ и силою своего напора выбили ихъ изъ позиціи.

Но съ другой стороны Полякамъ трудно было справиться съ Русской пѣхотою, защищенной перегородами и заборами, къ которымъ никакъ нельзя было подступить для атаки. Поэтому пѣхота произвела значительныя опустошенія среди Польскихъ солдатъ, успѣвъ три раза зарядить ружья и дать три залпа. Однако Поляки и подъ градомъ оловянныхъ пуль не лишились мужества. Жажда славы, презирая смерть и не обращая вниманія на частые выстрѣлы, они настойчиво, усиленнымъ натискомъ конскихъ силъ, ломали и опрокидывали преграды и, очистивъ себѣ путь, бросались съ копьями на пѣхоту; иные рубили саблями. Тутъ недоспѣли двѣ увязшія по пути въ грязи пушки, которыя помогли одолѣть непріятеля. Гусары, произведя копьями широкіе проходы среди непріятельской пѣхоты, произвели замѣшательство въ рядахъ войскъ: не будучи въ состояніи выдержать яростнаго напора Польскихъ солдатъ, инфантерія повернула тылъ и отступила въ лѣсъ.

Но не теперь еще конецъ битвы, не здѣсь побѣда: иностранные вспомогательные полки соединились и возобновили бой. Хотя Поляки и въ этой битвѣ храбро сражались, но въ тѣсномъ мѣстѣ трудно было дѣйствовать копьями. Бой продолжался четыре часа, при чемъ военное счастье склонялось попеременно то на ту, то на другую сторону; наконецъ, роты гетмана, Конецпольскаго и Балабана, атаковавъ непріятеля сбоку, положили начало побѣдѣ: онѣ не дали непріятелю времени

оправиться и построиться вновь, ударили съ большой силой и рубили такъ, что образовались цѣлые курганы непріятельскихъ труповъ. Войско въ 80.000 человекъ было снесено, разсыяно, и лагерь взятъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ много могутъ сдѣлать конное войско и доблесть вымуштрованного военного солдата. Въ этомъ случаѣ битва происходила въ неудобномъ тѣсномъ мѣстѣ, огороженномъ перекладинами, и побѣда досталась лишь послѣ долгой упорной, кровопролитной борьбы. Многие, лишившись коней и смѣшавшись съ конными, должны были сражаться пѣшими, рискуя попасть подъ лошадиныя копыта: такъ князь Порыцкій, лишившись двухъ коней, долженъ былъ спѣшившись сражаться съ коннымъ непріателемъ. Ротмистръ Гербуртъ тоже пѣшкомъ рубился съ непріателемъ: окруживъ себя почти на вышину своего роста трупами, онъ спасся только благодаря тому, что конюхъ подвелъ ему коня, на котораго онъ съѣлъ, вообразившись на кучу труповъ. Наиболее стойкими оказались роты гетмана, Конецпольскаго и Балабана. Гетманъ больше всего призывалъ царскія милости на Николая Струся, Балабана, Конецпольскаго, въ то время кор. кравчаго, князя Порыцкаго, Гербурта и Щедринскаго.

Разбитый на голову непріатель бѣжалъ. Понтусъ де-ла-Гарди, фельдмаршалъ вспомогательныхъ войскъ, и Эдвардъ Горнь, Шведскій генералъ, въ самомъ началѣ битвы укрылись въ лѣсу, оказавшись жалкими трусами. Князь Димитрій бѣжалъ изо всѣхъ силъ и его не догнали. Онъ былъ бы схваченъ, если бъ не употребилъ хитрости, приказавъ разложить и развѣсить въ лагерь добычу—платье, серебро, мебель, соболя мѣха, какъ въ лавкѣ. Этимъ онъ задержалъ погоню, возбудивъ желаніе воспользоваться готовой добычей. Конь его палъ, и ему пришлось пѣшкомъ дойти до Можайска, куда онъ принесъ голову, увѣчанную не побѣдными лаврами, а обыкновенной злополучной крапивою.

Изъ вспомогательныхъ войскъ было уведено нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Взявъ съ нихъ клятву въ томъ, что они не будутъ воевать противъ короля, ихъ отпустили на волю и позволили идти, куда угодно. Князь Куракинъ палъ въ битвѣ, Урвишъ взятъ въ плѣнъ. Русскихъ погибло 15.000, вспомогательныхъ 2.000, а Поляковъ 107. Между ними погибъ доблестный ротмистръ Станиславъ Ланцкоронскій. Ранено 120 Поляковъ, а лошадей убито и ранено великое множество.

Русскіе, осажденные въ Смоленскѣ, конечно узнали о торжествѣ королевскихъ войскъ. Въ лагерьъ были выставлены доказательства побѣды, захваченныя знамена, особое бѣлое знамя съ чернымъ двуглавымъ орломъ, карета и булава Димитрія Шуйскаго. Пунечная и ру-

жейная стрѣльба, веселые звуки трубъ и литавръ разглашали побѣду надъ Димитріемъ. Однако все это не поколебало упрямаго Смоленскаго коменданта, Михаила Шеина, и онъ не сдался королю:

Карль Зудерманъ, Шведскій король и дядя короля Сигизмунда, силою лишившій своею племянника принадлежавшаго ему королевства, получивъ тяжелую и печальную вѣсть о потерѣ войска, пришелъ въ бѣшенство, рвалъ бороду, страшно богохульствовалъ, бранилъ короля, грозилъ мщеніемъ, потомъ впалъ въ безуміе (этому недугу онъ былъ всегда подверженъ) и не щадилъ своихъ же Шведовъ. По примѣру Августа Цезаря, восклицавшаго: «Квинтилій Варъ, возврати мнѣ потерянные полки!» онъ съ тѣмъ же воплемъ обращался къ своему Сенату.

Воздавъ благодареніе Господу Богу за побѣду, гетманъ отправился съ войскомъ въ столицу. Ему сдались города: Осиповъ, Ржевъ, Зубцовъ, Можайскъ и другіе; а Русскіе выбѣгали къ нему навстрѣчу, заранѣе моля побѣдителя о пощадѣ.

Жулкевскій, который умѣлъ не только побѣждать, но и пользоваться побѣдой, постарался прежде всего отбить войско отъ Димитрія и присоединить его къ своему. Онъ направился къ лагерю Димитрія и, расположивъ войско въ боевомъ порядкѣ, неожиданно появился у его лагеря.

Тогда, пригласивъ Сапѣгу и главнокомандующихъ на конференцію, онъ сталъ ихъ ожидать. Дѣйствительно, изъ лагеря Димитрія вышли для переговоровъ Сапѣга и главнокомандующіе. Жулкевскій сталъ объяснять имъ, что для нихъ гораздо почетнѣе служить королю, ихъ собственному государю, который гораздо добросовѣстнѣе должнаго Димитрія, что король исполнитъ все то, что обѣщаль имъ Димитрій, что они могутъ быть увѣрены въ полученіи почестей и наградъ за труды, а также милостей отъ короля ихъ государя. Онъ, Жулкевскій, разбилъ съ помощью Всевышняго большое непріятельское войско и теперь надѣется также разбить Димитрія, противъ котораго съ нимъ соединились и Русскіе, признавшіе главенство короля.

Вождь и главнокомандующіе согласились на это; согласилось и Димитріево войско, перейдя на сторону короля, подъ начальство гетмана Жулкевскаго.

Когда Москвичи узнали, что гетманъ Жулкевскій одержалъ побѣду, то думные бояре, чернь и даже ихъ патріахъ Гермогенъ рѣшили положить конецъ кровопролитію и выбрали царемъ и государемъ Польскаго королевича Владислава. Они возстали противъ царя Шуйскаго, заявляя ему, что Господь не хочетъ, чтобы онъ царствовалъ на Московскомъ престолѣ, которымъ овладѣлъ силою, съ величайшимъ кровопро-

литіемъ и на погибель народа, что во все время его царствованія они ничего хорошаго не видѣли, а потому они больше не считаютъ его «своимъ государемъ». Дѣйствительно, они отняли у него корону и скипетръ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, съ помощью нѣсколькихъ сильныхъ людей, постригли его въ монахи, облекли въ монашеское платье и заперли въ монастырь.

Городъ пришелъ въ великій ужасъ, когда за стѣнами появился гетманъ Жулкевскій, вмѣстѣ съ войскомъ Дмитрія Растриги. Передъ нимъ открыли ворота, ввели побѣдителя въ городъ, били ему челомъ; гетманъ въѣхалъ во дворецъ, гдѣ патріархъ Гермогенъ, сидя на царскомъ престолѣ, и всѣ думные бояре избрали 15-ти-лѣтняго королевича Владислава своимъ царемъ и государемъ. Гетманъ принялъ отъ нихъ присягу на имя Владислава; они вручили ему корону, скипетръ, ключи отъ казны и печати; къ тому же они отдали во власть гетмана Жулкевскаго бывшаго царя, нынѣ свергнутаго съ престола, Василя Шуйскаго; отдали также въ плѣнъ его двухъ братьевъ, Дмитрія и Ивана Шуйскихъ. Черни бросали монеты, на которыхъ съ одной стороны былъ изображенъ королевичъ Владиславъ, а съ другой сдѣлана надпись: «Владиславъ, королевичъ Польскій, императоръ Россійскій, великій князь, государь Московскій, Калмыцкій, Казанскій, Сибирскій, Астраханскій, Черемисскій, владѣтель земель до Каспійскаго и Сѣвернаго морей».

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ мужественно Польское Дмитріево войско сражалось съ царемъ Борисомъ и съ Василюмъ Шуйскимъ, какъ много побѣдъ оно выиграло надъ послѣднимъ, не только ослабивъ его силы, но и уничтоживъ ихъ окончательно. Въ теченіе двухъ лѣтъ оно осаждало столицу, изнуряя ее огнемъ, голодомъ и нападеніями, воевало съ самаго появленія Дмитрія въ Москвѣ и сопротивлялось Московскому могуществу. Наконецъ, дождавшись прибытія гетмана Жулкевскаго, оно овладѣло всей Московской монархіей въ пользу Польскаго королевича и разнесло славу Польскаго народа до самыхъ границъ Персіи. Мужеству, храбрости и доблести Польскаго солдата будутъ удивляться грядущіе вѣка.

Итакъ, великій воинъ, доблестный вождь, старшій гетманъ Польскаго войска, славный Жулкевскій, Московскій намѣстникъ царя Владислава, оставивъ 6.000 Польскаго гарнизона въ столицѣ и сдавъ общее командованіе надъ этой частью войска Александру Гонсѣвскому, въ сопровожденіи доброжелательныхъ къ нему Марса и Беллоны, выступилъ изъ Москвы и направился въ лагерь короля, подъ Смоленскъ, который уже былъ взятъ послѣ сильнаго штурма. Оттуда онъ отправился въ Варшаву, ведя съ собой къ царю Владиславу свергнутаго

царя Василя Шуйскаго и братьевъ его князей Ивана и Дмитрія Шуйскихъ. Во время генеральнаго сейма въ Варшавѣ Жулкевскій, всенародно поздравивъ короля съ побѣдой, а Владислава со вступленіемъ на Сѣверный престолъ, передалъ этихъ плѣнныхъ королю и Владиславу, приказывая бить имъ челомъ.

*

Ложный Дмитрій находился съ Мариной въ одномъ монастырѣ, на разстояніи трехъ миль отъ лагеря. Узнавъ, что его войско перешло подъ начальство гетмана Жулкевскаго, и что вскорѣ и его самого хотятъ взять приступомъ, онъ ускакалъ съ Мариной къ Персидской границѣ, въ Калугу, злополучный для него городъ. Казачій гетманъ Зарудскій тоже пошелъ за Дмитріемъ въ Калугу, взявъ съ собой часть своего войска. Часть Татаръ также примкнула къ Дмитрію и къ Маринѣ.

Хотя король и хвалилъ Жулкевскаго за его мужество, дѣльность и доблесть, но упрекалъ его за то, что онъ, не доложивъ королю, согласился на избраніе Владислава, на имя котораго и принялъ присягу. Король желалъ, чтобы царемъ избрали его, а не сына, и чтобы послѣдній только послѣ его смерти получилъ престолъ и скипетръ. Изъ-за этого неудовольствія онъ и не отпустилъ сына Владислава въ Москву, хотя Россія два года упрашивала короля-отца отдать ей царя ея. Видя пренебреженіе короля, Россія отвѣчала ему тѣмъ же и возстала, о чемъ будетъ сказано ниже.

Всякому понятно, какъ заблуждался король, предъявляя такія требованія къ чужому народу, на владѣніе которымъ у него не было правъ. Этимъ онъ снова раздражилъ жестокою и едва улегшуюся злобу Русскихъ и разбередилъ зажившія было раны. Завидуя сыну, препятствуя добровольному избранію его и неволя народъ, онъ только разочаровался и понесъ потерю.

*

Уже второй годъ кончался съ тѣхъ поръ, какъ король началъ осаждать Смоленскъ, но безъ успѣха. Ему надоѣла такая потеря времени, и онъ захотѣлъ испытать счастья, приложивъ всѣ крайнія силы къ атакѣ. Поэтому еще до разсвѣта первымъ пошелъ со своими на приступъ Каменецкій каштелянъ, Яковъ Потоцкій, назначенный главнокомандующимъ вмѣсто гетмана Жулкевскаго. Схвативъ лѣстницу и смѣшавшись съ простыми солдатами, онъ съ ихъ же помощью влѣзъ на стѣну; за нимъ бойко послѣдовали солдаты. Русскіе, встревоженные неожиданнымъ и быстрымъ появленіемъ непріятеля на стѣнахъ, подняли тревогу, ударили въ набатъ, призывая гарнизонъ и народъ. Съ про-

тивоположной стороны пѣхота Поморскаго воеводы взобралась на стѣны. Противники сдѣлись, и произошла жестокая битва на стѣнахъ, которыя были шириной въ 12 локтей. Чтобы нашихъ не согнали со стѣнъ, и чтобы ихъ больше могло взобраться туда, изъ лагеря шла непрерывная стрѣльба по непріятелю. Нѣкоторые притащили орудія и стрѣляли изъ нихъ въ стѣны и въ крѣпость.

Хотя наши овладѣли стѣнами Смоленска, но нельзя было еще надѣяться на взятіе крѣпости. Прыгать съ высокой стѣны въ городъ было опасно, кромѣ того внизу наблюдали за нами Русскіе. Вся надежда на взятіе города зависѣла отъ умѣнья и искусства военныхъ приѣмовъ маршала Христофора Дорогостайскаго и Варооломея Новодворскаго, Мальтійскаго кавалера, которые хотѣли воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что все вниманіе непріятеля было направлено въ одно мѣсто, гдѣ съ нимъ дрались наши. Пользуясь этимъ, Новодворскій выбралъ самое удобное мѣсто, близъ Кирилловскихъ воротъ, гдѣ вытекалъ изъ-за желѣзной рѣшетки каналъ, отводившій нечистоты изъ города въ сосѣдній Днѣпръ; каналъ этотъ проходилъ подъ стѣной Смоленской крѣпости. Новодворскій заложилъ въ этомъ мѣстѣ въ стѣну мѣдную петарду и, презрѣвъ опасность, собственноручно зажегъ ее. Вскорѣ петарда разорвалась съ такой страшной силой, что разрушила стѣну на 30 локтей въ длину и на 12 локтей въ ширину; черезъ эту брешь былъ открытъ доступъ въ крѣпость. Первыми вошли въ городъ Дорогостайскій и Новодворскій съ пѣхотой; за ними послѣдовали остальные полки. Трубы, литавры и барабаны возвѣстили всѣмъ, что крѣпость уже взята. Испуганный непріятель еще болѣе удивился, видя столь большую пробоину въ широкой стѣнѣ, къ тому же въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не опасался ни минъ, ни подкоповъ, считая его вполне безопаснымъ. А въ крѣпости хозяйничаютъ конные и пѣшіе солдаты, рубятъ, рѣжутъ, убиваютъ всѣхъ, кто имъ попадется, молодыхъ, старыхъ, дѣвушекъ, женщинъ и дѣтей, безъ разбора, безъ пощады. Весь городъ наполненъ трупами.

Тѣ, которые могли, спасались въ высокой, обширной церкви; но здѣсь имъ пришлось еще хуже, потому что загорѣлась колокольня, подожженная либо самими же Русскими, либо петардой Новодворскаго. Пожаръ усилился отъ взрыва пороха, сложеннаго на колокольнѣ, и уничтожилъ семь башень.

Еще сильнѣе вспыхнулъ пожаръ надъ Царскими воротами. Онъ начался въ домахъ и, какъ оказалось, произошелъ отъ поджога, устроеннаго самими же Русскими, которые хотѣли погубить вмѣстѣ съ собой и Польскихъ солдатъ, грабившихъ крѣпость. Горѣли дома. Маршалъ Дорогостайскій старался потушить пламя, чтобы спасти иму-

щество, богатства, серебро, золото и инья драгоценности; но ни приказанія, ни просьбы, ни общанія не могли остановить разъяренныхъ солдатъ, которые толпами грабили дома и убивали людей. Мало того: когда пламя охватило церковь, оно проникло и въ подземные погреба и усыпальницы, находившіяся вблизи церкви, въ которыхъ взорвало 1500 боченковъ, содержавшихъ по шefeldю пороха каждый. Послѣдовалъ ужасный, неопиcуемый грохотъ. Кажалось, что земля разступилась, и небо собирается упасть, какъ будто соединились вмѣстѣ землетрясеніе, громаы и молніи. Пламя охватило величественный каменный каедральный соборъ, гдѣ искало пріюта множество мужчинъ и женщинъ и гдѣ хранилось золото, серебро, деньги, драгоценности и богатые товары. Все это сгорѣло; уцѣлѣло только то, что успѣли захватить Польскіе солдаты. Гибли враги отъ огня, отъ меча; Польскіе солдаты еще прибавляли огня въ огонь. Одни сгорѣли, другіе задохлись отъ вредныхъ газовъ, иные были взорваны на воздухъ порохомъ или раздавлены обломками стѣнъ и обрушавшимися балками. Прискорбно было смотрѣть, когда Русскіе отъ великой ярости и отчаянія бросали въ огонь золото, серебро, собольи и другіе мѣха, товары и богатства, вслѣдъ за которыми и сами прыгали въ огонь.

Такимъ образомъ черезъ четыре часа была взята эта славная, богатая, сильная крѣпость, обильно снабженная припасами и страшная врагамъ. Она лишилась всѣхъ украшеній и всего своего великолѣпія, разрушенная пламенемъ и наполненная развалинами, ямами, трупами и могилами, къ стыду Русскихъ. У алтаря былъ схваченъ въ богатомъ облаченіи Смоленскій архіепископъ Сергій. Съ него содрали облаченіе, ранили въ голову и сильно окровянили. Съ нимъ взяли Петрыло Ивановича Горчакова, воеводу, чиномъ ниже коменданта Шеина.

Одного лишь не доставало: Михаила Шеина, Смоленскаго Гектора. Но толпа бѣгущихъ женщинъ выдала, что онъ живъ и скрывается съ нѣкоторыми другими въ одной запертой башнѣ, откуда надеется бѣжать. Тотчасъ же Польскіе солдаты направились туда; но Шеинъ защищался, боясь жестокости Поляковъ и мщенія за то, что онъ истязалъ ихъ братьевъ. Онъ потребовалъ къ себѣ кого-нибудь изъ вождей и заявилъ, что если таковой не явится, то онъ готовъ защищаться и готовъ лучше погибнуть, нежели отдать себя на растерзаніе Польскимъ солдатамъ. Прибѣжалъ каштелянъ Каменецкій, которому онъ немедленно сдался съ женой и сыномъ.

Крѣпость была взята въ день св. Антонія, благодаря заступничеству котораго она вновь досталась своему прежнему государю, пробывъ сто лѣтъ въ рукахъ Русскихъ. Польскихъ солдатъ погибло при этомъ весьма немного, всего 15 человекъ во время битвы на стѣнахъ

и столько же въ домахъ во время грабежа. Погибъ также одинъ мужественный и славный ротмистръ, Станиславъ Горецкій.

Солдаты нашли подъ обломками стѣнъ живыхъ мужчину и женщину, пролежавшихъ тамъ безъ пищи 16 дней; вынесенные на свѣжій воздухъ, они тотчасъ же скончались.

Король, поручивъ взятую крѣпость каштеляну Потоцкому, черезъ нѣсколько дней послѣ взятія ея направился въ Вильно.

Перемѣна мирныхъ соглашеній въ Москвѣ послѣ отъѣзда въ Польшу вел. кор. гетм. Жулкевскаго.

Снова подулъ рѣзкій, сильный, бурный Аквилонъ въроломныхъ сѣверныхъ измѣнниковъ; снова всколыхнулъ онъ лицемѣрную и ненадежную Московскую монархію, Русскія сердца не смягчились даже предлагаемыми отъ теплыхъ фавоніевъ царскими милостями Владислава. ни за что не хотѣли выразить повиновенія, къ которому обязали себя присягой, не растаяли и не отказались отъ упорнаго мятежа, даже чувствуя горячее прикосновеніе огненнаго Марса.

Сперва наблюдались небольшія вспышки этого Московскаго мятежа; ихъ можно было легко задавить, какъ змѣю въ травѣ. Но всевышній приговоръ небесъ былъ иной.

Всевышнему Подателю счастья показалось, что поколѣніе Сигизмунда слишкомъ разрослось, также, какъ и слава Польскаго народа. Обладаніе Московской монархіей на много усилило бы его могущество и дало бы возможность отвоевать королевство Шведское. Наконецъ, король захотѣлъ бы овладѣть также королевствами Даніей и Норвегіей. Эти три королевства, Шведское, Датское и Норвежское, были соединены подъ одною властью во время правленія королевы Маргариты Шведской въ 1380 г. Королю Сигизмунду легко было бы сдѣлать тоже самое, если бъ онъ распоряжался по волѣ Небесъ и если бъ удержался на Московскомъ престолѣ. Небеса лишь показали ему приракъ такого счастья, не давъ этому призраку возможности осуществиться, т. е. не допустили соединенія Московской, Польской, Шведской и другихъ монархій подъ его скипетромъ. По мнѣнію Небесъ королевскій домъ былъ бы чрезчуръ щедро одаренъ, если бъ все это досталось ему въ удѣлъ.

Вся вина утраты Московскаго государства падаетъ на самого короля; ибо думные бояре, патріархъ съ митрополитами, владыками и архимандритами, со всѣмъ духовенствомъ, Русскимъ народомъ и всѣми Московскими чинами избрали 15-ти лѣтняго королевича Владислава своимъ государемъ и царемъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Жулкевскій

немедленно привезъ его въ Москву для коронованія. Управимаемый Московскими чинами, гетманъ Жулкевскій согласился на это условіе и поклялся имъ, что немедленно привезетъ въ столицу царя Владислава. Когда же гетманъ сталъ осаждать просьбами короля, чтобы тотъ отпустилъ съ нимъ королевича въ Русскую столицу, король отговаривался юными годами послѣдняго, еще не позволяющими ему править государствомъ, и посылалъ Жулкевскаго въ столицу, чтобы онъ получилъ присягу на имя короля-отца, какъ царя. Гетманъ же, который торжественно и съ великими почестями выѣхалъ изъ Москвы, не хотѣлъ вопреки своей клятвѣ показаться въ Москвѣ безъ Владислава. Онъ предупреждалъ короля о замѣшательствѣ въ Москвѣ, но самъ не поѣхалъ въ Москву, а подалъ въ отставку и съ небольшимъ войскомъ пошелъ къ Турецкой границѣ охранять Польшу.

И не одинъ только гетманъ управивалъ короля. Не дождавшись Владислава въ Москвѣ, Московскіе чины отправили въ Польшу послами шесть князей и думныхъ бояръ къ королю съ просьбой отпустить съ ними въ Москву царя Владислава. Король воспротивился этому и сказалъ имъ тоже, что и гетману. Такимъ образомъ, зависть отца и честолюбіе короля, желавшаго владѣть двумя скипетрами, были причиной потери права на Московскую монархію. Тогда зачинщикъ мятежа, патриархъ Гермогенъ, и князь Голицынъ стали уговаривать народъ, чтобы онъ отказался отъ Владислава: ибо если онъ будетъ править, то ихъ Греческая вѣра падетъ и будетъ введена Римская. Они совѣтовали Москвичамъ выбрать на престолъ соотечественника и корили чужеземца. Этими и другими подобными доводами они склонили чернь къ тому, что она пренебрегла Владиславомъ, стала нападать на Польскихъ солдатъ, находившихся въ столицѣ при гарнизонѣ, вызывать ихъ на ссоры и, наконецъ, осмѣлилась говорить имъ, что не признаетъ Владислава своимъ государемъ.

А Проколій Ляпуновъ самъ вызвался быть вождемъ мятежниковъ. Къ нему сбѣгались бунтовщики, съ которыми онъ собирался брать приступомъ столицу и выгнать оттуда Польскій гарнизонъ. Ляпуновъ говорилъ народу: «Такъ какъ король нарушилъ клятву Жулкевскаго, то и они уволены отъ присяги». Жарницкій, казачій гетманъ, тоже присталъ къ Ляпунову, по какимъ причинамъ и на какихъ условіяхъ, смотри ниже.

Димитрій, ложный царь, называвшійся Григоріемъ Шаховскимъ, убитъ.

Долго душилъ волкъ стадо, но пришло время, что и волка убили. Дѣло было такъ. Черезъ три мѣсяца послѣ окончанія переговоровъ

между Жулкевскимъ и Московскими чинами, бѣглець, ложный Димитрій, называвшійся прежде Григоріемъ Шаховскимъ, бездѣлничалъ въ Калугѣ. При немъ находилось весьма немного знатныхъ Москвичей. Онъ больше всего надѣялся на казаки и Татарскіе отряды и грозилъ Полякамъ мщеніемъ. Онъ не отчаевался въ своемъ успѣхѣ, говоря, что пока будетъ живъ, пока у него будутъ войска, не уступитъ своихъ притязаній на престолъ. Однажды его Татары напали на Польскую роту ротмистра Чаплинскаго, разбили ее и привели въ Калугу нѣсколько плѣнныхъ Поляковъ, которыхъ подарили своему царю. Димитрій такъ радовался этой побѣдѣ, какъ будто завоевалъ уже Москву. Онъ устроилъ пиръ, на которомъ ѣлъ, пилъ, угощалъ и веселился. Послѣ пира онъ поѣхалъ за городъ въ сопровожденіи Татарскаго вожда Петрыло Вжозово и 300 Татаръ. Остановившись на прекрасной и обширной равнинѣ, покрытой въ то время снѣгомъ, онъ чрезмѣрно развеселился, послалъ нѣсколько саней за водкой и медомъ, призывалъ именитѣйшихъ Татаръ къ веселью, угощалъ ихъ, пилъ за ихъ здоровье, наполняя собственноручно большіе кубки. Все поле оглашалось криками пьяныхъ Татаръ. Когда же веселье достигло крайнихъ предѣловъ или вѣрнѣе перешло въ дебошъ, когда Русскіе осушали за здравіе Димитрія и Татаръ кубки, наполненные до краевъ, когда всѣ опьянѣли отъ водки и меда, Петрыло Вжозово, Татарскій вождь, видя, что настала удобная минута, привелъ въ исполненіе намѣреніе, относительно котораго условился заранѣе со своими Татарами: въ то время, какъ Димитрій подавалъ ему кубокъ съ напиткомъ, онъ вонзилъ ему ножъ подъ сердце... Тогда всѣ Татары схватили сабли и вырѣзали Московскую шляхту. Ложнаго же Димитрія разсѣкъ на части самъ Петрыло и, содравъ съ него одежду, поскакалъ къ столицѣ.

Причина убіенія Димитрія была та, что онъ незадолго передъ тѣмъ велѣлъ наказать ударами невиннаго Петрыло Вжозово и держалъ его въ заключеніи, изъ котораго только что выпустилъ, а хана Касимовскаго велѣлъ убить, подозрѣвая его въ измѣнѣ. Поэтому Татары эговорились отметить Димитрію за такой позоръ и обиду и рѣшили убить его. Узнавъ объ убіеніи Димитрія, Марина въ ужасѣ выбѣгаетъ изъ замка въ городъ, оглашаетъ его криками, воплями и рыданіями; растрепавъ волосы, она обнажаетъ грудь, собираясь пронзить себя, потомъ въ яростномъ озлобленіи велитъ подать себѣ коня, садится верхомъ и призываетъ Донскихъ казаковъ къ избіенію Татаръ. Вырѣзавъ ихъ нѣсколько сотенъ, она все же не оживила своего мужа.

Такъ окончилъ жизнь тотъ, который присвоилъ себѣ семью, состояніе и государство перваго убитаго Димитрія, который выдавалъ себя за Димитрія и обманывалъ Московскіе чины, будучи неизвѣстнаго

происхожденія. Русскіе пристали къ нему, спасаясь отъ тираніи Шуйскаго, а Поляки—для отмщенія Шуйскому и его приверженцамъ за убіеніе Димитрія и оскорбленіе ихъ единоплеменниковъ. Они скрывали крючкотворство и обманъ убитаго ложнаго Димитрія, чтобы захватить Московскія богатства и присоединить къ Польшѣ Московскую монархію. Всего вѣроятнѣе, что этотъ убитый обманщикъ былъ Еврей по происхожденію, такъ какъ среди его вещей въ ящикѣ нашли Еврейскій Талмудъ, множество другихъ Еврейскихъ книгъ, писемъ и бумагъ, написанныхъ по-еврейски.

Онъ отличался тѣмъ, что глумился надъ угодниками Божьими, богохульничалъ, былъ совсѣмъ не воспитанъ, грубъ, жестокъ, хитеръ. Это былъ разнузданный развратникъ, нечестивецъ, бездѣльникъ, пьяница, погрязшій въ преступленіяхъ, негодный для того, чтобы даже въ комедіи разыгрывать ложнаго царя, ибо въ немъ не было ничего царскаго: ни достоинства, ни вѣщности, ни малѣйшей доблести. Поддерживали же его только вспомогательныя Польскія и Русскія силы.

Послѣ убіенія ложнаго Димитрія Ляпуновъ призывалъ къ себѣ казачьяго гетмана, чтобы онъ со своими казаками помогъ ему выгнать изъ Москвы Поляковъ, обѣщая за это посадить на Московскій престолъ оставшагося сына Димитрія и Марины. По этой причинѣ Заруцкій присталъ къ Ляпунову: какъ вѣрный до смерти любовникъ Марины, онъ хотѣлъ ей помочь. Князь Трубецкой тоже стягивалъ со всѣхъ сторонъ Русскихъ солдатъ, чтобы увеличить войско Ляпунова. Столичная чернь съ своей стороны стала надѣяться на Ляпунова: узнавъ, что онъ собралъ войско, она стала смѣлѣе сговариваться, чтобы погубить Поляковъ.

Когда Александръ Гонсѣвскій, мужественный и умѣлый воинъ и комендантъ Польскаго гарнизона въ столицѣ, получилъ достовѣрные извѣстія о бунтѣ и измѣнѣ народа, онъ тотчасъ же созвалъ думныхъ бояръ, дьяковъ и самого патріарха для переговоровъ и сказалъ имъ:

«Что это? Почему они такъ коварно поступаютъ и нарушаютъ клятву? Уже стали извѣстны ихъ заговоры и измѣнническія совѣщанія на погибель Польскаго воинства. Пусть же знаютъ, что имъ придется омытъ задуманное ими позорное предпріятіе кровью многихъ тысячъ ихъ же соотечественниковъ и патриціевъ. Пусть бояре усмирятъ бунтовщиковъ, пусть заставятъ мятежниковъ отказаться отъ ихъ безчестныхъ замысловъ. Если же мятежники будутъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, то да будетъ имъ извѣстно, что я и вожди мои твердо рѣшили стоять за короля и за царя Владислава, вашего государя, до послѣдней возможности сопротивляться вамъ, драться съ вами за обиду, нанесенную королю, моему государю и царю Владиславу, вашему государю, до тѣхъ поръ драться, пока достанетъ силъ у меня и у под-

властныхъ мнѣ солдатъ. Мы предпочитаемъ славную смерть, какъ и подобаетъ мужественнымъ солдатамъ, а вамъ не сдадимся. Но прежде чѣмъ положить насъ мертвыми на полѣ битвы, вы заплатите за нашу смерть и кровопролитіе своей жизнью. И не ручьями потечетъ ваша кровь: кровавый потопъ изъ нея учинимъ, въ которомъ и вы погибнете. Мечъ и пламя будутъ бушевать въ вашемъ городѣ, и съ военной безопасностью будутъ тиранить васъ Польскіе солдаты».

Послѣ этихъ словъ Гонсѣвскій обратился къ патриарху:

«Ты же, злобный измѣнникъ Гермогенъ, первый зачинщикъ и создатель мятежа, слушай! Если ты не перестанешь возмущать страну вашего государя, царя Владислава, и если не успокоишь бунта, то не избѣжать тебѣ кары, ожидающей всякаго зачинщика. Тебя не спасетъ твоя высокая санъ, на него не обратятъ вниманія; ибо ты осквернилъ патриаршество безчестной измѣной и клятвопреступничествомъ».

Когда патриархъ оправдывался, говоря, что ничего не знаетъ ни объ измѣнѣ, ни о мятежѣ, Гонсѣвскій показалъ ему письма, писанныя его рукой, въ которыхъ онъ совѣтовалъ не признавать Владислава царемъ и выгнать Поляковъ. Онъ велѣлъ взять смущеннаго патриарха подъ стражу, которая постоянно находилась бы при немъ, наблюдая за его малѣйшими движеніями и дѣйствіями.

Послѣ угрозъ Гонсѣвскаго Москвичи смирились и живо увѣрили въ своей вѣрности и повиновеніи Владиславу. Когда же они узнали, что Ляпуновъ идетъ съ большимъ войскомъ къ столицѣ, то стали искать поводовъ къ ссорѣ съ Польскимъ гарнизономъ. Въ столицу сходились изъ деревень и мѣстечекъ люди, подъ предлогомъ исканія защиты, тайно принося съ собой оружіе; приходили и солдаты Ляпунова, тайно переодѣвшись въ городское платье; ихъ никто не узнавалъ, такъ какъ они смѣшивались съ городской чернью. Въ городѣ многіе могли жить скрыто, такъ какъ Москва очень велика: въ ней числится до 180.000 домовъ, не считая церквей и монастырей.

При Московскомъ населеніи въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, шеститысячный Польскій гарнизонъ, состоящій подъ начальствомъ Александра Гонсѣвскаго, казался лишь снопомъ передъ большимъ скирдомъ. Но предусмотрительный, осторожный и мужественный Гонсѣвскій умѣлъ со своей небольшой горстью солдатъ устоять противъ страшнаго напора непріятеля. Гарнизонъ также не страшился столь превосходящаго его численностью врага: небольшой по числу, онъ былъ хорошо обученъ, опытенъ въ битвахъ, презиралъ смерть и дивно воевалъ. Комендантъ Гонсѣвскій занялъ со своими солдатами два замка: Кремль-городъ и Китай-городъ; онъ укрѣпилъ ихъ какъ можно лучше и снабдилъ орудіями для защиты отъ внезапной атаки мятежниковъ.

Уже войско Ляпунова было незамѣтно введено въ городъ; оно

смѣшалось съ чернью, сообщая ему больше смѣлости къ мятежу. Москвичи стали задиратьсъ съ Поляками и ругать ихъ; улицы были загромождены цѣпями; чернь вскочила на лошадей и атаковала гарнизонъ. Бывшіе наготовѣ вожди, Казановскій и Зборовскій, сдѣлали тоже, ударили на непріятеля и уложили на мѣстѣ 6.000 человекъ. Но это сраженіе мало или почти совсѣмъ не способствовало успокоенію: Русскіе не утрастились, а напротивъ того, возгорѣлись еще большею яростью и поклялись сами погибнуть, лишь бы погубить Поляковъ.

Но мужественный вождь Гонсѣвскій, несмотря на неизмѣримое превосходство непріятеля, поклявшася уничтожить Польскій гарнизонъ, собирается одолѣть его Геркулесовой десницей. Онъ хватается за отчаянное средство: велитъ въ шести мѣстахъ Бѣлгорода (обширной части города, названной такъ отъ бѣлыхъ стѣнъ) приготовить запасы горячаго матеріала, состоящаго изъ сѣры, смолы и пороха, и зажечь ихъ. Тотчасъ же надъ городомъ взвился ужасный пожаръ, охватившій всѣ дома, церкви и монастыри. Благодаря обилію деревянныхъ построекъ, ни одна изъ нихъ не уцѣлѣла. Жалко и больно было смотрѣть, какъ одни горѣли въ домахъ, другіе, желая тушить пожаръ, задохались отъ дыма. Гонсѣвскій еще усилилъ гибель и смерть врага, направивъ дула орудій въ бѣгущую толпу. Подъ непрерывную стрѣльбу изъ нихъ, Польскіе солдаты стали умерщвлять народъ мечемъ и выстрѣлами изъ винтовокъ. Они разсѣкали, рубили, кололи всѣхъ безъ различія пола и возраста. На башняхъ и въ склепахъ были также зажжены склады пороха; несчастная Москва освѣтилась словно фейерверкомъ, и поднялся такой грохотъ, котораго не могли запомнить старѣйшіе изъ солдатъ. Страшный дымъ превратилъ ясный день въ темную ночь, и этотъ столичный городъ воистину уподобился Троѣ. Слезы, крики жертвъ, возгласы убивавшихъ солдатъ, безпрестанный бой изъ орудій приводили всѣхъ въ отчаяніе. Многіе проклинали патріарха, Ляпунова, Голицына, умоляли о пощадѣ, но, какъ измѣнники, не удостоились ея. Поляки затыкали уши, отворачивали взоры отъ умоляющихъ и никого не щадили. Тогда погибло болѣе 150.000 народу; погибъ Голицынъ, совѣтникъ патріарха, погибъ и самъ патріархъ, котораго выволокли наружу, убили и разрубили на части. Поляковъ погибло одиннадцать, кромѣ тѣхъ, которые пошли грабить въ домахъ. Гонсѣвскій запретилъ имъ рваться къ добычѣ, такъ какъ послѣ побѣды вся она должна была достаться имъ.

Гонсѣвскій, уничтоживъ непріятеля и освободивъ городъ отъ бунтовщиковъ, со всѣхъ сторонъ обезпечилъ себя. Онъ разставилъ часть войска по пунктамъ въ городѣ для отпора непріятелю, если онъ возвратится снова. Въ случаѣ же сильной атаки они должны были искать

спасенія въ замкѣ, гдѣ находились остальные воины. Гонсѣвскій велѣлъ сжечь предмѣстья города, которыя могли служить непріятелю для защиты.

Послѣ столь славной побѣды Польскому войску досталась неоцѣнимая добыча.

Почти невѣроятныя сокровища находились въ царскомъ дворцѣ, въ подворьяхъ убитаго патріарха, въ монастыряхъ и церквахъ, и притомъ въ такомъ изобиліи, что пѣхота, которой уже надоѣлъ и опротивѣлъ жемчугъ, набивала самыми крупными жемчужинами мушкеты и стрѣляла ими въ воздухъ. Алмазы, драгоценныя камни, рога единороговъ, украшенные алмазами и жемчугомъ, и иныя драгоценности, золото, серебро были распределены между вождями и воинами. То, что должны были получить Поляки, состоявшіе на службѣ у ложнаго Дмитрія, получили они же, но какъ слуги королевскіе.

Въ то время, когда королевскій дворъ и волнующійся сеймъ радуются извѣстіямъ о побѣдахъ, Россія, освободившись отъ удилъ, сбросила съвшую къ ней на спину торжествующую Польшу. Я изложу вкратцѣ, какъ это было. Народъ, потрясенный внутренними усобицами, несогласіями и притѣсненіями чужеземныхъ властелиновъ и уже завоеванный Поляками, снова освободился и вернулся къ прежнему состоянію. Все это случилось благодаря всемогущимъ Небесамъ: они, пресытивъ взоры зрѣлищами, происходившими въ столь могущественной монархіи, велѣли сойти со сцены Польшѣ, которая, подобно актеру, исполняла въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на Московскомъ театрѣ роль триумфатора.

Непріятель пренебрегъ пораженіемъ, нанесеннымъ ему Гонсѣвскимъ. Все гуще собиралась вождѣ Ляпунова, онъ сталъ атаковать замки Кремль-городъ и Китай-городъ, находящіеся во власти Поляковъ. Эти набѣды происходили въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Жулкевскаго. Польскіе солдаты давали отпоръ непріятелю и дѣлали вылазки изъ крѣпостей.

Въ это время Гонсѣвскій сталъ подумывать о томъ, какъ бы погубить врага, и придумалъ хитрость, благодаря которой погибъ Ляпуновъ. Онъ зналъ, что Донскіе казаки со своимъ гетманомъ Заруцкимъ помогали Ляпунову и находились у него въ лагерѣ. И вотъ Гонсѣвскій написалъ письмо, какъ будто посланное отъ Ляпунова къ Москвичамъ и скрѣпленное его печатью, въ которомъ онъ, Ляпуновъ, издаетъ приказъ, чтобы Москвичи въ условленный моментъ вырѣзали казаковъ, такъ какъ послѣдніе—измѣнники. Это ложное письмо онъ вручилъ знакомому съ тайною посланцу, чтобы тотъ какъ будто нечаянно попалъ съ нимъ къ казакамъ. Такъ и случилось. Посланный попалъ въ руки казаковъ, на допросъ рассказалъ въ чемъ дѣло и отдалъ имъ письмо

къ Москвитамъ. По прочтении его, казаки подняли ужасное смятеніе, побѣжали къ палаткѣ Ляпунова, упрекали его за тайный замыселъ и показывали письмо. Онъ увѣрялъ ихъ, что не писалъ письма, не думалъ даже объ этомъ, что это измѣнническая хитрость враговъ-Поляковъ, и страшно клялся въ своей невинности; но казаки не повѣрили ему и на мѣстѣ убили. Удалась хитрость Гонсѣвскому: онъ погубилъ Прокопія Ляпунова. Послѣдній отличался не только величественной осанкой, серьезнымъ выраженіемъ лица, молодостью, умомъ, но и знаніемъ военнаго дѣла, осторожностью, предусмотрительностью и мужествомъ. Когда онъ говорилъ царю Василию Шуйскому въ глаза, что его правленіе не приноситъ ничего хорошаго, что онъ овладѣлъ престоломъ благодаря бунтамъ, убійствамъ и интригамъ, что ему надо отказаться отъ вѣнца и уступить престолъ другому, болѣе счастливому правителю, царь, вспыхавъ гнѣвомъ, схватилъ ножъ, чтобы пронзить его. Ляпуновъ, поднявъ руки на него, воскликнулъ: «Стой, Шуйскій, не замахвайся, ибо ты погибнешь отъ этихъ рукъ». Если бъ царь не отбросилъ ножа, то Ляпуновъ убилъ бы его. Тотчасъ же съ согласія черни Ляпуновъ былъ тогда заключенъ въ монастырь. На его мѣсто мятежники выбрали себѣ вождемъ думнаго боярина Трубецкого, военнаго мужа.

Гонсѣвскій давалъ отпоръ сильному непріятелю, грома его спереди въ то время, какъ Сапѣга громилъ его съ поля. Онъ навѣрно разбилъ бы мятежниковъ, если бъ не произошли раздоры среди Польскихъ вождей.

Пришелъ въ столицу съ войскомъ Карлъ Ходкевичъ, полевой Литовскій гетманъ, котораго ненавидѣли солдаты Гонсѣвскаго и Сапѣги, благодаря наговорамъ Якова Потоцкаго, Брацлавскаго воеводы и Смоленскаго старосты. Этотъ Потоцкій подсылалъ нарочныхъ въ столицу къ Польскому гарнизону, стараясь очернить Ходкевича въ глазахъ солдатъ, изъ за того, что король вручилъ главное командованіе Московскимъ гарнизономъ не ему, а Ходкевичу. Это разъ. Во-вторыхъ, тотъ же Брацлавскій воевода на собственные средства командировалъ Николая Струся, Хмѣльницкаго старосту, съ многочисленной инфантеріей и гусарами къ столицѣ. Струсь, подойдя къ городу, потребовалъ сдачи ему командованія надъ гарнизономъ и удаленія Гонсѣвскаго изъ Кремля-города и Китая-города. Все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы окончательная побѣда надъ непріателемъ досталась не Гонсѣвскому, который (какъ о немъ говорили) пробилъ первый непріятельскій ледъ, и не Литовскому гетману Ходкевичу, который, совершая частые набѣги на непріятеля и подкрѣпляя Гонсѣвскаго подвозомъ провіанта осажденному гарнизону, готовилъ себѣ побѣдные лавры, а Брацлавскому

воеводѣ, который командировалъ на свои средства полки подѣ начальствомъ своего зятя, Николая Струся. Вотъ онъ-то и добивался, чтобы усмиреніе мятежниковъ и приведеніе Россіи къ признанію Владислава царемъ было приписано ему. Гонсѣвскій, какъ дальновидный и осторожный вождь, безъ пререканій сдалъ командованіе гарнизономъ заявившему на это свои права Стусю. Онъ уступилъ командованіе надъ гарнизономъ и втайнѣ радовался, что, славно выдержавъ и подавивъ напоръ непріятельскихъ силъ Геркулесовыми трудами, а затѣмъ получивъ увольненіе послѣ такихъ побѣдъ, онъ не рискуетъ быть опозореннымъ будущими неудачами въ Москвѣ. Онъ предугадывалъ, что вольности солдатъ, интриги среди вождей и стремленіе ихъ овладѣть командованіемъ лишатъ Владислава Московской монархіи, опозорятъ войско и дадутъ врагамъ возможность встать на ноги.

Послѣ ухода Гонсѣвскаго начались ежедневныя несогласія среди солдатъ: одни хвалили Ходкевича, другіе Струся, третьи Гонсѣвскаго. Когда непріятельское войско направилось къ Москвѣ, чтобы атаковать Кремль-городъ и Китай-городъ, Ходкевичъ сразился съ нимъ, освободивъ отъ осады Кремль, отогналъ осаждающихъ и послалъ съ Невяровскимъ 400 повозокъ провіанта для осажденныхъ. Въ то время, какъ Польскіе солдаты отдыхали послѣ битвы, Москвичи собрались ротами въ засадѣ, захватили провіантъ, овладѣли дорогою служащей для подвоза, поставивъ тамъ многочисленную охрану, комендантъ Струсъ бездѣятельно смотрѣлъ на это и не отразилъ врага, надѣясь на свои силы и не желая помочь Ходкевичу, подѣ начальствомъ котораго служилъ Невяровскій. Отсюда и произошла окончательная неудача, жестокое пораженіе, позоръ и безнадежная утрата Московской монархіи.

Злополучная зависть, интриги и несогласія заставили такъ внезапно повернуть колесо Фортуны назадъ, что достигшія высшей степени вѣроятія надежды на обладаніе Московскимъ престоломъ рушились и провалились въ пропасть.

Однако Ходкевичъ не полѣнился и собралъ въ другихъ мѣстахъ провіантъ для Польскаго гарнизона, находившагося въ Кремль-городѣ, подвозя его другимъ путемъ. Москвичи, замѣтивъ это, тотчасъ же заняли мѣсто на рѣкѣ, протекавшей подѣ Кремлемъ-городомъ, по которой провозились продукты, расположили сильную охрану и батарею по ея берегамъ и отрѣзали доступъ въ замокъ глубокими прокопами. Послѣдній былъ тѣсно окруженъ, такъ какъ входъ и выходъ изъ него сдѣлались невозможными. Къ осадѣ приступили 100.000 Русскихъ.

Ходкевичъ возвращается съ нѣсколькими сотнями возовъ провіанта, но съ удивленіемъ замѣчаетъ большую перемѣну: онъ видитъ, что на берегахъ рѣки стоитъ инфантерія, по дорогѣ выстроены орудія,

доступъ къ замку вездѣ отрѣзанъ, а стотысячное непріятельское войско, защищенное батареями и окопами, несравненно превосходить Польскія силы. Искренно пожалѣвъ о томъ, что завистничество вождей погубило осажденныхъ и привело къ уtratѣ Московской монархіи, онъ отступилъ назадъ и пошелъ къ Смоленску.

Голодъ уже начиналъ мучить осажденныхъ Поляковъ и былъ на столько силенъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ люди ѣли собакъ, кошекъ, крысъ, мышей, свѣжіе трупы, и даже—страшно сказать—другъ друга убивали и ѣли. Наконецъ, осажденные Поляки вынесли все то, что только вынесъ осажденный Сагунтъ, что вынесъ Гаарлемъ отъ Испаніи. Поляки съ отчаянія хотѣли сдѣлать вылазку, но враги клятвенно обѣщали имъ, что если они сдадутся, то выйдутъ живыми на волю съ оружіемъ и имуществомъ. Коварные Русскіе нарушили клятву: они заключили Струся и вождей подъ тяжелый арестъ въ темницу; иные погибли отъ меча и всякихъ жестокостей, а иныхъ сослали въ Сибирь.

Русскіе, освободившись отъ неволи и вырвавъ свою родину изъ Польскихъ рукъ, нарушаютъ клятву, данную королевицу Владиславу: они дерзновенно выбираютъ себѣ царемъ Михаила Феодоровича, сына Ростовскаго митрополита, которому охотно несутъ присягу въ вѣрности и повиновеніи.

Первой заботою новаго монарха было убіеніе Марины, приверженцемъ которой былъ гетманъ Заруцкій, ея самый преданный и вѣрный другъ. Онъ-то со своими Донскими казаками поддерживалъ притязанія Марины на престолъ. Но многіе казаки были вырѣзаны, иные подкуплены золотомъ, а остальные разсѣяны. Тогда Марина переѣхала со своимъ сыномъ изъ Калуги въ Астрахань, очень обширную провинцію, а оттуда хотѣла бѣжать въ Персію. Для поимки Марины былъ командированъ изъ станицы Иванъ Одоевъ, который немедленно и съ величайшей поспѣшностью исполнилъ ввѣренныя ему порученія. Онъ нагналъ спасавшуюся Марину на морскомъ кораблѣ и привезъ ее вмѣстѣ съ сыномъ и съ Заруцкимъ въ станицу. Тамъ, по приказанію царя Михаила Феодоровича, ей отсѣкли голову, сына повѣсили, а Заруцкаго посадили на колъ.

Неужели ты, злая Фортуна, только для этого вывела изъ отчизны въ чужую страну, съ родительскаго лона, на поля Беллоны, изъ сенаторскаго кресла, на Московскій престолъ Польскую даму, несчастную Марину? Неужели ты прельстила блескомъ золота Польскую Нимфу для того, чтобы покрыть ее копотью позора? Неужели ты украсила ей шею драгоценнѣйшимъ лилейно-бѣлымъ жемчугомъ, чтобы потомъ туже шею отдать на поруганіе подъ руку палача? Изъ монархини ты превратила ее въ невольницу и обезчещенную! Ты уснащала ей власть, посыпала

сахаромъ отраву—притязанія на престолъ для того, чтобы твоя любимица поплатилась горькой и позорной смертью за богатства, почести, царскіе титулы, пышность и побѣды. Сохраняй же впредь для себя эти дары и предложенія, измѣнница! Пусть принимаетъ ихъ отъ тебя тотъ, кто ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, кто также слѣпъ, какъ и ты. Тотъ же, кто осѣненъ свѣтомъ разума, пусть оттолкнетъ ногой твои предложенія и дары, какъ обманчивые силки. Ты уже потеряла свой кредитъ въ глазахъ міра. Да будетъ это для всѣхъ предостереженіемъ! Ахъ, коварная! Слѣдовало бы развязывать твои завязанные глаза и поломать тебѣ ноги, чтобы ты остепенилась, чтобы ты сидѣла и не переносила своихъ даровъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного къ другому!!

Семья Марины извѣстна была своимъ стариннымъ происхожденіемъ, знатностью и высокими достоинствами не столько въ Польшѣ, сколько въ Чехіи. Ея дѣдъ, страшась разгнѣваннаго нашего императора Фердинанда I, покинулъ Чехію и обширныя владѣнія рода Мнишковъ, Кончицы, переѣхалъ во время правленія короля Польскаго Сигизмунда I въ Польшу въ 1508 г. и получилъ отъ короля самыя почетныя должности, женился на дочери вел. кор. гетмана, Николая Камецкаго, Подольскаго воеводы. Съ нею онъ прижилъ много дѣтей, между прочимъ и Юрія, Сендомірскаго воеводу. У послѣдняго отъ его первой жены, урожденной Тарло, родилась Марина. Слѣдовательно, отецъ Марины и послужилъ началомъ, поводомъ и факеломъ, отъ котораго произошелъ великій пожаръ Московской войны. Наконецъ, Марина, выданная замужъ за одного Дмитрія, послѣ его смерти пристала къ другому человѣку (какъ было изложено выше), незнакомцу, грубому развратнику. Презрѣвъ стыдъ и добродѣтель, она употребляла всѣ и допустимыя и предосудительныя средства, чтобы добиться власти: одѣвалась въ случаѣ надобности въ мужское платье, садилась верхомъ, ѣздила по лагерю, входила въ палатки, проводила тамъ время въ веселыхъ бесѣдахъ, подкупала военныхъ подарками, обѣщаніями, лестью; женскимъ кокетствомъ и ласками плѣняла военныхъ, суля имъ побѣду и богатую добычу. Она отлично умѣла приспособляться ко вкусамъ войска и этимъ снискала себѣ его привязанность. Наконецъ, изъ-за жажды власти она пренебрегла благополучіемъ родины и отвергла предложенныя ей кородемъ экономіи Самборскую и Гродзинскую, взамѣнъ которыхъ ей было предложено отказаться отъ ея намѣреній, препятствовавшихъ замысламъ короля. Отвергнувъ этотъ даръ, она еще велѣла передать королю слѣдующія спѣсивыя слова: *«Если онъ уступитъ ей Браковъ, то ея мужъ подаритъ королю Варшаву»*.

Такая непомирная жажда власти привела ее къ позору и къ смерти, въ которой она понесла заслуженную кару.

Такъ какъ и Заруцкій прославился во время Московскихъ войнъ, то скажу нѣсколько словъ и объ этомъ вѣрномъ спутникѣ Марины.

Онъ родился въ Тарнополѣ. Во время наѣзда Татары поймали его на Руси и повели за собой въ Тавриду. Затѣмъ онъ бѣжалъ къ Донскимъ казакамъ и воевалъ такъ хорошо и удачно, что Марсъ сдѣлалъ изъ него военнаго мужа и наградилъ казачьей булавой. Онъ присталъ со своимъ войскомъ къ Димитрію, который очень полюбилъ его за храбрость, суровость, выносливость въ трудахъ и бодрствованіи, находчивость въ опасностяхъ и пренебреженіе къ смерти. Покинувъ Димитрія, онъ служилъ королю подъ начальствомъ Жулкевскаго, участвовалъ въ славной битвѣ подъ Клушиномъ, удачно громилъ врага и весьма отличился въ этой битвѣ, становясь вездѣ подъ огонь и выстрѣлы и храбро сражаясь. Потомъ, обиженный Жулкевскимъ, онъ пошелъ съ казаками къ Маринѣ и, какъ храбрый солдатъ, отдалъ за нее жизнь на колу.

*

Приложеніе о Россіи очень интересное.

Когда Западная и Сѣверная Русь и всѣ княжества, которыя заключаются въ Польскомъ королевствѣ, въ вел. кн. Литовскомъ, а также въ Россіи (случайно) были подчинены старшему Кіевскому князю, жалкій и незначительный въ то время Московскій край тоже находился въ зависимости отъ Кіевскихъ князей.

Великій князь Литовскій Гедиминъ лишилъ Кіевскаго монарха Святослава Кіевской монархіи. Бѣглець жилъ сперва въ Брянскѣ, а потомъ во Владимирѣ, считая ихъ обширнѣйшими владѣніями, такъ какъ находился тутъ въ безопасности. Оттуда его наслѣдники перенесли столицу въ Москву. Москвой называется столичный городъ, какъ и все государство. Все свое достоинство и богатство князя пріобрѣли черезъ родство и браки, а различные удѣлы, полученные въ приданное за женами, присоединили къ Москвѣ. Однако они подпали подъ тяжелое Татарское иго, какъ только освободились отъ Литовскаго. Они настолько подчинились Татарамъ, что навстрѣчу Татарскимъ посламъ, ѣхавшимъ верхомъ, цари выходили пѣшкомъ; а когда Татарскіе послы, по обыкновенію сидя верхомъ, пили конское молоко, капли котораго стекали на конскую гриву, эти Московскіе цари облизывали ихъ своими губами съ конской гривы. Они стояли даже съ непокрытой головой передъ сидящими Татарскими послами, выслушивая ханскія грамоты и приказы. Только Иванъ Васильевичъ III, царь Московскій, свергъ Татарскую неволю и вернулъ свободу своему народу въ 1500 году. Послѣ

него внукъ его Иванъ Васильевичъ IV отнялъ у Татаръ и завоевалъ Казань, Сибирь, Пleshковъ, Новгородъ, Рязань и Астраханское государство, а также граничація съ Персіей королевства до самаго Каспійскаго моря. Къ нимъ же онъ присоединилъ и Ливонію до самаго Балтійскаго моря. Но столь страшное Московское государство ни отъ какого народа не потерпѣло такого удара, какъ отъ Польскаго. При Польскомъ королѣ Стефанѣ Москва утратила всю Ливонію и вернула ее Польшѣ. При Польскомъ королѣ Сигизмундѣ III она была завоевана имъ и приняла подданство въ 1610 г. При Польскомъ королѣ Владиславѣ IV Русскіе стали осаждать Смоленскъ, находившійся въ Польскихъ рукахъ, но были отбиты съ такимъ страшнымъ урономъ, что Владиславъ, осадивъ ихъ лагерь подъ Смоленскомъ, уничтожилъ 17.000 войска, убивая мечомъ, огнемъ и голодомъ, и отнялъ весь лагерь съ орудіями, знаменами, имуществомъ и со всею добычею, въ 1632 г. Своимъ притязаніямъ на Московскій престолъ онъ согласился оставить взаимно полученыя слѣдующихъ Московскихъ областей и городовъ: Смоленскъ, Бѣлая, Дорогобужъ, Славяносербскъ, Трубецкъ, Новгородъ-Сѣверскъ съ уѣздами до рѣки Десны, Монастырищъ, Муромскъ, Стародубъ, Почоповъ, Поповая Гора, Невель, Ледичъ, Красне и Попоръ съ замками, орудіями, со всѣми боевыми припасами. По смерти Владислава, Янъ Казимиръ, братъ его, утратилъ все; кромѣ того, Русскіе овладѣли также Вильной, разграбивъ со страшной жестокостью всю Литву въ 1654 г.

Михаилъ Ѳедоровичъ, избранный мятежниками въ 1613 г., въ царствованіи котораго Владиславъ уничтожилъ 17.000 Русскихъ и отнялъ вышеупомянутыя области, умеръ 12 Іюля 1645 г. 49 лѣтъ отъ роду.

Московская монархія по обширности равняется Польскому, Нѣмецкому государству и Французскому королевству. Всѣ эти государства вмѣстѣ могли бы помѣститься въ Московской монархіи. Области управляются воеводами; царь—законодатель, т. е. господинъ войны, мира, жизни и смерти. Онъ не созываетъ ни Рѣчи Посполитой, ни шляхты, ни областей на совѣтъ и мнѣній ихъ не выслушиваетъ; достаточно бываетъ, когда онъ издастъ универсалъ, т. е. царскій приказъ. Правда, есть мѣсто въ столицѣ, называемое Лобнымъ, гдѣ царь, собираясь начать большую и опасную войну, созываетъ народъ, совѣтуется съ нимъ и испрашиваетъ разрѣшенія на эту войну; но не для того, чтобы почтить этимъ народъ или считаться съ его мнѣніемъ, а для того, чтобы сложить всю вину на него въ случаѣ неудачи. Итакъ, царь, а не народъ, въ угоду себѣ и для спасенія своей чести, пользуется этимъ правомъ.

У нихъ настолько суровы обязанности подданства и соблюденіе верховенства царя, что Русскіе говорятъ «Одинъ Богъ на небѣ, дру-

гой царь на землѣ». Когда царь собирается на войну, то выходитъ указъ, чтобы каждый землевладѣлецъ выставилъ десятого человѣка со своихъ помѣстій. Войскомъ командуютъ Англійскіе, Нѣмецкіе, Шотландскіе и Шведскіе офицеры. Удивительно, что въ столь обширной странѣ такъ быстро собираются полки. Неправда, будто ихъ обширныя области, какъ напр., Сибирь, пустуютъ. Объ этомъ ниже.

Ordo Senatorius.

Первый чинъ сенаторовъ—30 думныхъ бояръ.

Второй чинъ. Окольничіе.

Третій чинъ. Думные дворяне. Ихъ шесть.

Четвертый. Думные дѣяки, старшіе секретари и канцлеры.

Казначей—подскарбій.

Оружейничій артиллеріи—царскій генералъ.

Дворецкій, т. е. вел. Моск. маршалокъ.

Государственный конюшій, т. е. *Supremus Minister* Московскихъ чиновъ. Царь содержитъ въ столицѣ городской гарнизонъ въ 16.000.

Царскій дворъ состоитъ изъ подкоморіевъ, которые называются ключниками, стольниковъ—это хлѣбники или ситники. Подчасшіе называются скатертными, походовыми, степенными. Ловчіе называются сокольниками. Придворные, т. е. слуги царскіе, называются жильцами. Шамбеляны называются стряпчими.

Роскошь и великолѣпіе Московскія.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Цесарскій посолъ пріѣзжалъ въ столицу. Его принимали слѣдующимъ образомъ. Сперва выѣхалъ полкъ отборной конницы. Потомъ Артамонъ Сергѣевичъ, думный бояринъ, сенаторъ Московскій, въ шитомъ жемчугомъ платьѣ и въ собольей шубѣ; онъ велъ 200 конныхъ царскихъ чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ, на убранныхъ нарядно коняхъ. Они называются конюхами. Первый рядъ былъ въ пурпурныхъ платьяхъ и въ желтыхъ шапкахъ; второй—въ желтыхъ платьяхъ и въ пурпурныхъ шапкахъ; третій—въ голубыхъ платьяхъ и зеленыхъ шапкахъ; четвертый въ зеленыхъ платьяхъ и голубыхъ шапкахъ.

Поодаль отъ нихъ слѣдовала свита вельможъ въ богатыхъ одеждахъ. Ихъ было 500. На каждомъ изъ нихъ было золотое или серебряное платье; сѣдло было расшито золотомъ и жемчугомъ. Колокольчиковъ и золотыхъ цѣпей было навѣшано по ихъ модѣ такое множество, что отъ бряцанія, гудѣнія и звона они не слышали что говорили другъ другу. Посолъ же сидѣлъ въ царской каретѣ, запряженной шестеркой.

Когда при вѣздѣ поилъ дождь, нарядные всадники, жалѣя шапки больше, чѣмъ свои головы, снимали ихъ и попрытали подъ себя на сѣдла. Дождь лилъ имъ прямо на голову, такъ какъ у нихъ не было ни попонъ, ни плащей. Оказалось, что нарядная ихъ одежда—барская и политичная, но обычай Московскіе—secundum.

Fortuna non mutat genus.

Московская сокровищница.

Сокровищницу Московскихъ царей такъ описываетъ Гваньинъ по Павлу Польчовскому. Въ 1609 году мы видѣли своими глазами громадныя кучи золота и серебра, серебряныя бочки, наполненныя золотомъ, видѣли 12 апостоловъ, вышиною въ три локтя, отлитыхъ изъ золота, образа, короны, скипетры, престолы изъ чистаго золота. Царь Дмитрій устроилъ пиръ для Сендомірскаго воеводы, во время котораго весь столъ былъ заставленъ золотой посудой. Въ то же время онъ устроилъ пиръ и для королевскихъ пословъ на 150 блюдахъ изъ чистаго золота; кромѣ блюдъ и вся остальная посуда была золотая. Однажды былъ устроенъ пиръ для царицы Марины, во время котораго было подано 600 золотыхъ блюдъ съ явствами. Посолъ Максимилиана Герберштейнъ пишетъ, что кромѣ большихъ сокровищъ онъ видѣлъ также Московскую корону, столь драгоценную и богатую, что съ нею не можетъ сравниться ни Испанская, ни Французская, ни Венгерская, ни даже Императорская короны. Безопасность свою царь вручилъ пѣхотѣ; для защиты отъ мятежей и бунтовъ черни онъ содержитъ 20 полковъ тѣлохранителей. Царь Алексѣй Михайловичъ, по примѣру Китайцевъ, обвелъ границы свои по сосѣдству съ Татарами валомъ и прокопами на 200 миль для защиты отъ ихъ наѣздовъ.

Московское правосудіе.

Когда гетманъ выиграетъ сраженіе, то не гетманъ торжествуетъ, не гетмана хвалятъ, а царю приписываютъ одержанную побѣду, хотя бы онъ въ то время сидѣлъ въ теплой комнатѣ, попивая медъ и водку. А когда Московское войско проиграетъ битву и уступить неприятелю, то не говорятъ, что царь проигралъ или что войско плохо сражалось: говорятъ, что вождь проигралъ, и вождя караютъ. Такъ, Михаилъ Щохъ, побѣжденный Владиславомъ IV, королемъ Польскимъ, вернувшись въ Москву, долженъ былъ отдать свою голову подъ топоръ палача. Князь Бяратинскій за то, что не послѣшилъ на помощь Щоху, былъ наказанъ кнутомъ. Нацохъ и Шереметь за то, что сдались Выховскому воеводѣ *), были сосланы въ Сибирь, откуда вернулись черезъ

*) Впоследствии—Кіевскій, а до этого советникъ Хмельницкаго.

20 лѣтъ, за то, что, не имѣя пороху, не стрѣляли въ непріятеля, а вѣдь царь не отпустилъ того количества пороха, котораго требовали Нащохъ и Шереметь.

Чрезмѣрная строгость къ простонародію въ Москвѣ до того сурова, что, когда господинъ бьетъ слугу, послѣдній не смѣетъ заслонить голову рукой. Однако этому народу нравится такое рабское подчиненіе ихъ государю.

Чеснокъ, лукъ они считаютъ лакомствомъ; свѣжая рыба не нравится имъ, а вонючая и несоленая—наслажденіе для Москвичей. Они необыкновенно любятъ, ходя по огороду, срывать и ѣсть сырые огурцы и овощи; да впрочемъ, это единственная ихъ пища; подкрѣпляющее питье ихъ—водка, да еще простая, воняющая ямой. Когда они усиленно просили посла Гальсацкаго отвѣдать юлипокъ (это Московское питье), онъ отвѣтилъ, что, если бы всыпать въ водку немного сѣры, то получится поистинѣ дьявольскій напитокъ.

Правосудіе примѣняется тамъ такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ—къ людямъ и животнымъ безъ разбора. Колоколь, лошадь и собаку думные бояре присудили къ наказанію кнутами и къ ссылке въ Сибирь. Колоколь за то, что глухо звонилъ, хотя его нѣсколько разъ переливали; лошадь за то, что она сбросила Англійскаго посла; а собаку какого-то попа за то, что она порвала платье лежащаго на землѣ посла. Смотри у Венцлавскаго, въ книгѣ, озаглавленной: «Victor et Victus Vicentius, Corvinus», Гонсѣвскій, стр. 171, глава 100.

Когда бѣдному должнику нечѣмъ заплатить долгъ, то берутъ его дѣтей, которыхъ таксируютъ по лѣтамъ: на годъ за сына полагается 10 рублей. Если сыну 10 лѣтъ, то 100 рублей; если сынъ старше, то и сумма больше. Кредиторъ, вычтя свой долгъ, прибавляетъ остальное къ лѣтамъ, и сынъ остается у него невольникомъ. За дочь же на годъ полагается 8 рублей, и съ нею поступаютъ также, какъ и съ сыномъ.

Измѣна и клятвопреступленіе считаются у Русскихъ добродѣтельно и достоинствомъ. Ни въ какомъ другомъ углу міра нѣтъ людей, столь способныхъ къ измѣнѣ, надувательству, крѣпкостворству, клятвопреступничеству, какъ Русскіе. Орудіемъ такого ремесла является у нихъ лезь, которою они расчищаютъ себѣ путь къ измѣнѣ. Въ горѣ они трусы, а въ счастья—тираны. Поэтому они болѣе способны защищать крѣпости, нежели сражаться въ полѣ.

У Московскихъ царей существуетъ обычай оказывать заслуженнымъ своимъ любимцамъ больше вниманія, нежели остальнымъ. Поэтому, когда царь хорошо поѣстъ и набьетъ желудокъ такъ, что онъ

уже не можетъ удерживать пищи, тогда онъ велитъ принести себѣ большую чашу и кладетъ себѣ въ ротъ всевозможныя яства: сладкія, кислыя, соленныя, молоко, капусту кислую, лукъ, чеснокъ, рѣдису, студень съ горчицей, улитки, анчоусы съ хрѣномъ и нынѣ Русскія яства, которыя желудокъ не можетъ удержать и которыя должны выйти обратно, если даже закупорить ротъ. Какъ только онъ возьметъ что-нибудь въ ротъ и начнетъ жевать, то все возвращается обратно въ подставленную чашу. Такимъ же образомъ, набравъ въ ротъ поочередно всевозможныя ликеры, водку, медъ, вишневку, малиновку, вино и т. д., онъ немедленно выплевываетъ ихъ въ чашу и подаетъ эту похлебку своему любимцу—не обыкновенному, а весьма заслуженному, который долженъ тотчасъ же съѣсть ее за царское здорovіе и съ аппетитомъ выпить соусъ или подливку.

При обвиненіи въ преступленіи наказаніе таково: сперва наказываютъ кнутомъ истца; если же онъ упорствуетъ въ своемъ обвиненіи, наказываютъ кнутомъ обвиняемаго; и если послѣдній выдержитъ троекратное наказаніе кнутомъ, не сознаваясь въ преступленіи (что часто бываетъ съ людьми, привыкшими къ такимъ наказаніямъ), то обвинителя снова подвергаютъ жестокому наказанію кнутомъ; но и это не помогаетъ. Ужъ лучше по-московски не обвинять и не доносить, если такъ благодарятъ за предостереженіе.

Въ былые годы распространилась мѣдная монета, которую тайно чеканили въ погребахъ, въ лѣсахъ, въ скрытыхъ мѣстахъ. Было установлено и примѣнено наказаніе, чтобы фальшивымъ монетчикамъ вливать въ глотку растопленное олово. Думаешь ли ты, читатель, что такая пытка устрасила фальшивыхъ монетчиковъ? Совсѣмъ наоборотъ.

День и ночь наказываютъ кнутами виновныхъ; я назвалъ бы это жестокостью, если бы бояре не жаловались мнѣ на свой народъ, говоря, что иначе съ нимъ не поладишь. Въ Москвѣ, куда ни пойдешь, вездѣ видишь обнаженныя спины, которыя бьютъ кнутами; при церквахъ—поповъ, въ канцеляріяхъ, на рынкѣ, въ домахъ и на площадяхъ бьютъ народъ на особо устроенныхъ козлахъ изо всѣхъ силъ, цѣлый день: до того много разныхъ негодяевъ. Кнута они больше боятся, потому что онъ переплетенъ желѣзными проволоками. Сибири же они боятся больше всего, потому что тамъ приходится вѣчно работать, и нѣтъ надежды на возвращеніе. Но при всемъ этомъ преступленія все увеличиваются, такъ какъ запретный плодъ всегда кажется вкуснѣе. Въ этомъ грубомъ народѣ нѣтъ ни добродѣтели, ни любви, ни уваженія, ни честности. Московскій народъ больше всего склоненъ къ пьянству и къ обжорству, подобно Грекамъ и восточнымъ народамъ. Іовіусъ называетъ эти народы пьяницами.

Всѣ рѣшительно пороки и преступленія, перешедшіе въ обычаи, можно встрѣтить въ Москвѣ.

Хотя Московскій народъ признаётъ себя рабски подданнымъ своему государю, но онъ только хвастаетъ своею вѣрностью и повиновениемъ ему; на самомъ же дѣлѣ онъ только льститъ ему и лицемѣрить. Ихъ рабское своеволие такъ склонно къ частымъ бунтамъ и мятежамъ, что наказаніе кнутомъ не является средствомъ къ успокоенію. Знаменитое Гольсацкое посольство свидѣтельствуетъ о томъ, что Московскій народъ въ неволѣ, въ горѣ, въ несчастіи скромнень, добръ и послушенъ, но въ хорошемъ положеніи и на свободѣ хуже его нѣтъ.

Страшный мятежь въ Москвѣ.

Въ тысяча шестьсотъ сорокъ седьмомъ году царь Алексѣй Михайловичъ, по совѣту перваго своего министра Бориса Морозова, сочетался бракомъ не съ боярскою сенаторскою дочерью, а съ дочерью обыкновеннаго шляхтича, Ильи Милославскаго, Московскаго землевладѣльца. Вскорѣ и самъ Борисъ женился на младшей дочери этого Милославскаго, который, благодаря родству съ царемъ, изъ шляхтича превратился въ сенатора, изъ частнаго домохозяина въ губернатора обширной провинціи, изъ бѣдняка въ казначея. Онъ переселился въ царскій дворецъ и, живя тамъ, выстроилъ для себя княжескій дворецъ; пригласилъ къ себѣ въ придворные своихъ родственниковъ, бѣдняковъ, нуждающихся, алчныхъ грабителей, терзателей, запятанныхъ многими преступленіями: Гатусева, Хуянова, Чистова, Тыканого, Траханиотова и Дюравила, получившихъ мѣста въ самыхъ доходныхъ царскихъ экономіяхъ, всѣ доходы съ которыхъ они присваивали себѣ, обманывая простой народъ монетою, подкупая солдатъ деньгами, и въ довершеніе всего увеличили цѣну на соль. Весь народъ написалъ было прошеніе царю, но вельможи воспрещали доступъ къ царю даже тогда, когда онъ выходилъ изъ церкви. Однако, когда царь возвращался однажды изъ Срѣтенскаго монастыря, огромная толпа черни, опьяненная гнѣвомъ и водкой, преградила ему путь и насильно заставила его принять прошеніе. Царскаго коня схватили за поводья, остановили посреди дороги и заставили царя выслушать обвиненія противъ Гатуся въ тираніи. Вся толпа, единодушно и скрежеща зубами, требовала мести за жестокости Гатуся. Царь привѣтливими и ласковыми словами усмирилъ, но не искоренилъ ненависть къ Гатусю. Когда нѣкоторые бояре снова проливали кровь народа, наказывая плетью и давя его лошадиными копытами, пожаръ мятежа снова возгорѣлся съ страшною силою. Народъ, придя въ ярость, отъ словъ перешелъ къ дѣлу, къ оружію, и бросалъ кам-

нями въ боярѣ, которые бѣжали во дворецъ и тамъ заперлись, спасаясь отъ грома бранныхъ словъ и отчаяннаго натиска черни. Ихъ сопровождали гнѣвные крики и рыданія черни, жагующейся на притѣсненія Гатуся и требующей выдачи его. Ненависть, поднявшаяся въ сердцахъ Московской черни, не улеглась даже отъ степенныхъ и милостивыхъ рѣчей царя Алексѣя Михайловича: отъ воды пламя еще пуще разгоралось, ласковыя слова монарха усилили озлобленіе въ сердцахъ, и на устахъ возникли новыя угрозы по адресу Московскихъ вельможъ. Дворъ Морозова былъ снесенъ, все его имущество, богатства, и картины расхищены. Во время грабежа народу досталось такое обиліе драгоценностей, что кучму, наполненную доверху жемчугомъ, продавали за 30 рублей, а пару соболей за полтинникъ. Шелки и дорогія ткани люди распредѣляли между собой.

Тоже случилось и со дворами другихъ боярѣ, на которыхъ негодовалъ народъ. Великій Московскій канцлеръ, выданный прислугой, былъ найденъ среди сложенныхъ тушей сала и убитъ. Разъяренная чернь бѣсуетъ вездѣ, поджигаетъ дома и обращаетъ въ пепель весь Бѣлый городъ. Большія бочки съ водкой были разбиты и преданы огню, и никто не воспротивился этому. Никто не думалъ даже о спасеніи собственной жизни; мятежъ, бунтъ и смятеніе не прекращались.

Тогда изъ дворца вышелъ князь Никита Романовъ, дядя монарха. Онъ пользовался хорошей славой и любовью народа, поэтому его выслали для усмиренія бунта. Увидя его, народъ съ большимъ уваженіемъ выслушалъ его. Онъ сказалъ имъ, что царь особенно старается угождать черни, и если она немного стихнетъ, то онъ немедленно покараетъ преступниковъ и исполнитъ просьбу народа. Послѣ этихъ словъ народъ воскликнулъ: «Да здравствуютъ великій царь и Никита на долгіе годы! Пусть намъ выдадутъ виновныхъ, управителей казенныхъ доходовъ, грабителей и виновниковъ этого бунта и всего дурного!» Чтобы избѣгнуть еще большаго смятенія князь Никита согласился на это и поклялся имъ, что во дворецъ нѣтъ ни одного изъ виновныхъ, кромѣ Гатуся. Его тотчасъ же вывели изъ дворца и выдали имъ. Но, не доведя еще до мѣста казни, передъ глазами народа, его такъ били палками, что убили, потомъ несчастнаго Гатуся волочили по грязи и бросили въ огонь. Петра Тыканого нашли въ 12 миляхъ въ монастырѣ; 8-го Іюля его привели въ Москву и посадили на колъ. Мятежники требовали съ непримиримой яростью Морозова, который бѣжалъ изъ Москвы.

Тогда самъ царь вышелъ на Лобное мѣсто и благодарилъ народъ, какъ общій отецъ и народа и отчизны. Народъ крикнулъ: «Да здравствуетъ великій царь долгіе годы!» Когда утихло; царь милостиво, ласково и со слезами просилъ у черни прошенія за Морозова, который

воспиталъ его, выростилъ. Онъ уважалъ Морозова, какъ своего отца, и обѣщалъ вознаградить народъ за всѣ содѣянные имъ обиды. Народъ разбился кучками и, посовѣтовавшись, громко воскликнулъ: «Да хранить Господь Богъ ваше царское величество въ добромъ здравіи! Да будетъ по твоему на счетъ Морозова!» Поблагодаривъ, царь вернулся во дворецъ. Устроень былъ пиръ для черни отъ патріарха и отъ Милославскаго.

Второй мятежъ 4-го Августа 1662 г. былъ подавленъ строгостью. Царь замѣтилъ, что искры, тлѣющія въ теплѣ, должны разразиться великимъ пламенемъ. Поэтому онъ подъ предлогомъ охоты выѣхалъ на разстояніе трехъ миль въ Коломенское, взявъ съ собой 7 тысячъ пѣхоты. Тамъ онъ веселился съ боярами. Но вдругъ въ Москвѣ 18,000 бунтовщиковъ хватились за оружіе. Изъ нихъ 10.000 остались въ городѣ, чтобы быть на-готовѣ въ случаѣ надобности; но, побросавъ оружіе, они стали грабить боярскіе дворы, а 8.000 бунтовщиковъ пошли безъ оружія въ Коломенское, высокомерно требуя выдачи бояръ. Когда царь вышелъ къ народу, одинъ человекъ, дерзко схвативъ его за руку, требовалъ выдачи Милославскаго, Хитрова, Воротынскаго. Царь спросилъ, по какой причинѣ народъ требуетъ выдачи ихъ? Они отвѣтили, что, благодаря совѣтамъ и дѣламъ этихъ бояръ, до сихъ поръ нѣтъ мира съ Поляками, что вмѣсто серебряной монеты стала все чаще ходить мѣдная и т. д. Царь въ сердцахъ отвернулся; тогда Поляки и Литовцы напали на мятежниковъ спереди, а пѣхота съ бердышами сзади. Убито было 1000 человекъ. Остальные едва спаслись, прыгнувъ въ рѣку. Когда въ городѣ распространился слухъ о пораженіи бунтовщиковъ, 10.000 оставшихся покаяться, молили о помилованіи и выдали зачинщиковъ бунта, въ числѣ 200 человекъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ посажали на колъ, иныхъ утопили, сослали въ Сибирь, били плетми, выжигали клейма на лбу; безчестили, отрѣзая носъ, уши.

Обширность Москвы.

Столица всей Москвы называется Москвой, т. е. также, какъ и вся монархія. Она дѣлится на 4 части, т. е. Кремль-городъ—это дворецъ и крѣпость, окруженные тройной стѣной и валомъ съ прокопами. Въ той же крѣпости находится жилище, предназначенное для царя и для патріарха. Тамъ же находится очень много дворовъ думныхъ бояръ, дьяковъ и думныхъ дворянъ. Кромѣ того есть 50 церквей.

Вторая часть города, Китай-городъ, окружена стѣной. Тамъ находятся разныя купеческія пристройки, лавки, ремесленныя заведенія, дома бояръ и шляхты, церкви и монастыри.

Третья часть, Бѣлый городъ, обширностью превосходитъ оба города и Кремль, и Китай: въ немъ могли бы помѣститься оба эти города. Бѣлгородъ окруженъ бѣлой стѣной, отъ чего и получилъ свое названіе.

На стѣнахъ кругомъ башни.

Четвертая часть Москвы называется Земляной городъ, окружающій собою Кремль-городъ, Китай-городъ и Бѣлгородъ. Тамъ находится гарнизонъ царской инфантеріи въ 24000 человекъ.

Желѣзныя крыши церквей, колоколенъ, куполовъ большихъ и малыхъ и даже башень, которыя побольше, покрыты чистымъ листовымъ золотомъ, или покрашены золотой краской (какъ-то лучшія большія церкви: Соборная т. е. Каѳедральная, Благовѣщенская—Anuntiationis, Иванъ Великій—turms S. Johannis); остальные же покрыты жстью. Издали видъ ихъ весьма великолѣпнъ.

Тамъ насчитываютъ 1.000 церквей; на каждой пять главъ и по пяти колоколовъ въ одной большой колокольнѣ. Издали зрѣлище великолѣпное. Знаменитое Гальсацкое посольство говорить, что: *«Издамъ Москва по великолѣпнѣю кажется Иерусалимомъ, но възхавъ видишь Виелемъ»*. Слово «Виелемъ» значитъ здѣсь убогое мѣстечко. Дѣйствительно, въ Москвѣ множество жалкихъ, презрѣнныхъ и грязныхъ домовъ. Городъ Москва имѣетъ семь миль въ окружности.

За городомъ есть много царскихъ, боярскихъ дворцовъ, а также—имѣній великаго государя, въ молѣ, въ удивительно красивомъ мѣстоположеніи, какъ-то Воробьевы горы, Коломенское, Семеновскій монастырь; нѣкоторые монастыри опоясаны стѣнами и башнями въ родѣ крѣпостей, какъ-то: Дѣвичій, Спасовъ, Алексѣевъ. Есть также деревни, лежащія возлѣ города: Панская слобода, Польская колонія, тоже Кукуй и Нѣмецкая слобода.

Сибирь, царство изгнанія.

Невольниковъ, пойманныхъ на войнѣ, а также Московскихъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть—высылаютъ въ очень далекія страны, въ Казань, въ Астрахань и въ Сибирь, потому что оттуда сосланные не могутъ бѣжать вслѣдствіе непроходимыхъ лѣсовъ и обширныхъ пустынь. Въ Сибири лежатъ также большія болота, озера, трясины и невысыхающая грязь. Во-вторыхъ, здѣсь не надо держать стражи для присмотра за ссыльными: они живутъ и умираютъ тамъ одни. Въ третьихъ, они безъ ущерба для Московской казны строятъ тамъ дома, обрабатываютъ землю, ловятъ рыбу, торгуютъ. Если бы невольники эти сидѣли подъ арестомъ, то они бездѣльничали бы, а

казна должна была бы содержать ихъ. Четвертая и самая главная причина и польза изгнанія преступниковъ состоитъ въ томъ, что неизмѣримыя пустыни населятся и застраются городами, гдѣ изгнанники съ отчаянія принимаютъ Московскую вѣру и крещеніе по новому Московскому обряду, не думая впоследствии вернуться къ родному. Очень рѣдко и только для оказанія почета убиваютъ преступниковъ; даже самыхъ опасныхъ высылаютъ въ Сибирь строить города, замки, варить соль и т. д. Поэтому каждый годъ весной увозятъ въ Сибирь 2—3 тысячи преступниковъ. Такія колоніи ссыльныхъ настолько заселили пустынную Сибирь, что по населенности она превосходитъ другія Московскія провинціи. Астрахань, нѣкогда жалкое мѣстопробываніе Татаръ, теперь соперничаетъ со столицей Москвой по великолѣпію, обширности, населенности, богатству и удобству. Въ 1660 году тысячу Поляковъ-невольниковъ сослали на изгнаніе въ Сибирь.
